

ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО ВОЙНЫ

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ

Культурно-просветительский центр и община «КЕЙТАР»
Городская компания по культуре

АШДОД, 2013

«ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО ВОЙНЫ»

Израиль, Ашдод, 2013 г.

ПРОЕКТ ОСУЩЕСТВЛЕН ПРИ ЛИЧНОЙ ПОДДЕРЖКЕ ВИЦЕ-МЭРА г. АШДОД, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОРОДСКОЙ КОМПАНИИ ПО КУЛЬТУРЕ БОРИСА ГИТЕРМАНА

Руководители проекта:

Д-р МИХАИЛ КИПНИС, директор Культурно-просветительского Центра «Кейтар»

ВИТАЛИЙ СЛУЦКИЙ, директор общественного и культурно-спортивного центра «Узиель», руководитель отдела русскоязычных проектов Компании по культуре

Запись и подготовка текстов – Анна Кипнис

Редакционная коллегия – Михаил Кипнис, Яков Коган, Яков Хелмер

Организационная группа – Марина Штейн, Яков Вилькович, Яков Коган, Моисей Горелик, Михаил Дендзе (союз ветеранов Войны), Владимир Листенгартен (амута «Дети Катастрофы»), Яков Хелмер, Филипп Балановский, Леонид Грипс (амута «Надежда»)

Рисунки: Наталья Боголюбова, Рашель Бурьянова, Шарон Гиль, Михаль Губерман, Никита Исаев-Петров, Тали Исаев-Петров, Борис Исельсон, Даниэла Коренькова, Розалия Лифшиц, Хана Шрайбман

Фотографии из личных архивов авторов воспоминаний

Вы можете связаться с редакцией :

тел. +972-54-7820239, mkipnis61@gmail.com

Электронную версию читайте на сайте ashrus.co.il

ASHRUS
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОРТАЛ

На передней обложке рисунок Вероники Борисовой, 9 лет
<http://risunki.assistancerussia.org/gallery.php?photoid=322>

На задней обложке картина Розалии Лифшиц-Каплан

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие Бориса Гитермана, Вице-мэра г. Ашдод	5	Борис Гинзбург Местечко по имени «Ленин»	42
Приветствие Виталия Слуцкого, руководитель отдела проектов на русском языке.....	6	«За невыполнение – расстрел!»	43
«Взрослое детство войны» – вступительное слово д-ра Михаила Кипниса, директора Культурно-просветительского Центра «Кейтар», руководителя проекта «Взрослое детство войны».....	7	В обозе	45
Алла Айзеншарф Черные цветы войны	12	Вести «из леса»	47
Белла Барская (Кипнис) Папа вернулся!	18	Лагерь в ганцевичах	48
Галина Бендерская Дорога на Грозный	19	Освобождение местечка	51
Александра Болеславская Фея из санитарного поезда	21	Моисей Горелик Моя Одиссея	53
Станислав Бражник «В Кривой Рог пришла война...».....	22	Илья Городинский Блокадное детство	55
Анатолий Брион Картина маслом.....	25	Раиса Городинская (Бешкина) Оставшаяся в живых.....	56
Яков Вилькович Записки добровольца	26	Евгения Гузик Женя-партизанка	64
Аарон Верницкий Воспитанник дивизии	34	Григорий Кацав Начало	67
Евгения Вознесенская (Шейндель) Женька-спасительница	36	Танец смерти	68
Инна Галанцан-Тарасова 22 июня 1941 года.....	37	Ева Кацав Хлебная «соска»	69
		Шай Кипнис По волнам моей памяти	70
		Зинаида Коган Под Сталинградом.....	72
		Яков Коган Из Таракановки – в Городище	75
		Татьяна Койранская Как я решила пойти «в медицину»	78
		Мэлестана Кравчик (Пасарар) Баржа смерти.....	79
		Майя Крайзман Белые панамки	80

Розалия Лившиц-Каплан		Елена Сологуб	
Мой рассказ о войне	81	Моя война	124
Майя Лившиц		Нина Румель	
Фашист пролетел	83	Опыт военных дорог	130
Эфраим Литвин		Алла Сосонко	
Первое выступление	84	Детдомовская	132
Бэлла Литвинова		Михаил Старик	
«Память жжет душу...»	86	Под огнем	133
Шифра Мейльгендлер (Эпельбаум)		Раиса Ткач	
Детство войны – голодное детство	88	В пути	134
Ирина Меламуд (Эсфирь Перетятко)		Яков Хелмер	
Наше убежище	89	Как это было	136
Юрий (Йуда) Меламуд		Мара Чернявская	
Как я стал Юрой	91	«Кровавая ночь» в Нижнем Тагиле	145
Хаим Миллер		Праздничный Компот	146
В эвакуации	92	Иосиф Шамилов	
Самуил Минкин		«Я выжил в мире чудес...»	147
Отрывок из повести «Война»	94	Софья Шамис	
Ася Новицкая		Хлебное лакомство	150
Новая семья	112	Ефим Шапиро	
Дора Нужнова		Чудом ыжившие	151
Спасаясь из Минска	114	София Шегельман	
Семен Палес		Нарциссы	155
В партизанах	115	Борис Шнайдер	
Бетти Портнова		Вниз по реке	157
(Бася Фельдман)		Михаил Элькин	
Жизнь и надежда	117	Единственный из семьи	159
Наталья Пуриц		Гарри Якобсон	
«Наши» бьют немцев!	119	Как я оказался в детском доме	160
Аркадий Равикович		Даниэла Коренькова	
«По машинам!»	120	Участники сборника	
Роза Розман		«Взрослое детство войны»	162
Взрослое детство	122		

Ашдодский муниципалитет поддерживает множество проектов, связанных с увековечением памяти о людях и событиях Второй мировой войны.

Это мемориалы и памятники на улицах города, военный комплекс на ашдодском кладбище, это поддержка ветеранских организаций, это помощь Музею еврейского героизма и Катастрофы, созданному в Ашдоде руками инвалидов и фронтовиков. Это специальный Фонд, недавно созданный в муниципалитете, который позволяет школьникам из малообеспеченных семей присоединиться к поездкам в Польшу. Это и десятки общеобразовательных проектов в школах Ашдода, совместные программы с музеем Яд-ва-Шем и многое другое.

Но самое главное, что у нас еще есть возможность услышать живой голос, личные воспоминания людей, на чье детство и юность пришлось страшные годы лихолетья. Эти воспоминания бесценны. Поэтому я сразу поддержал идею создания Книги памяти «Взрослое детство войны». Я благодарен «Кейтару» и Михаилу Кипнису за ту огромную работу, которую они проделали, собирая, записывая и обрабатывая материалы. Спасибо Михаилу Дендзе, председателю Союза ветеранов, Владимиру Листенгартену, председателю организации «Дети Катастрофы», Леониду Грипсу, руководителю амуты «Надежда» и их товарищам за участие в проекте. Эту книгу нелегко было создавать и ее нелегко читать. Но она – еще один, очень важный документ, который поможет нам помнить.

*С уважением,
Борис Гитерман
Вице-мэр Ашдода*

«Взрослое детство войны» – совместный проект общинного Культурно-просветительского центра «Кейтар» и отдела русскоязычных проектов аш-додской Компании по культуре.

Мы часто собираем людей разных поколений на совместные вечера, концерты, фестивали, клубные мероприятия. Бабушки и дедушки приходят к нам со своими внуками, приводят их в кружки и секции. Мы общаемся, но на самом деле мало что знаем о людях старшего поколения, о том, что им пришлось пережить. Зачастую, даже близкие люди не всегда интересуются семейной историей, ее деталями. Естественно, что по книгам и учебникам мы представляем себе путь этого поколения. Но задумайтесь – эти люди живут рядом с нами, они и по сей день прекрасно помнят годы войны, и у нас есть уникальная возможность услышать эту информацию из первых рук.

В Израиле много музеев, но живые люди могут рассказать о войне лучше, чем документы и экспонаты. Книга «Взрослое детство войны», которую мы выпустили, – личные истории поколения, которому чудом, вопреки всему, удалось выжить. Очень важно, чтобы ее прочитало как можно большее количество людей.

**С уважением,
Виталий Слуцкий
Руководитель отдела проектов
на русском языке**

«ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО ВОЙНЫ»

Не так давно я услышал от своей мамы рассказ.

Речь шла о днях войны, когда мама с её мамой – моей бабушкой – жили в эвакуации в поселке недалеко от Пржевальска. Маме было тогда чуть больше пяти. Было тяжело чувствовать себя чужой, не иметь друзей, жить в незнакомом и малоприветливом окружении. Однажды (это было как раз за день до возвращения с фронта моего деда, получившего серьезные ранения, лишившегося руки), бабушка принесла домой хлеб и масло, взятые в долг «до зарплаты» у поселковой молочницы. Долгожданная встреча фронтовика должна была быть подкреплена праздничным застольем.

Назавтра с утра бабушка уехала во Фрунзе за продуктовыми карточками для учительского коллектива школы, в которой работала.

Дома никого из взрослых, естественно, не было, так что никто не мешал пятилетней «хозяйке» проявить неслыханную щедрость – накормить недельным продовольственным пайком всю чумающую компанию! Девчонка, которой очень хотелось внимания и признания сверстников, пригласила домой... всех соседских детей!

– Я ощущала себя на вершине счастья, почти как Бог, раздавая налево и направо куски хлеба, обильно намазанные маслом! Это был мой час, я была «принятой», значимой, любимой всеми этими голодными сверстниками. И пускай счастье длилось недолго – ну, сколько нужно времени, чтобы затолкать за щеки еще не съеденную хлебную мякоть, – но это ощущение свободы, богатства, «неограниченных возможностей» чуть не физически кружило мне голову, – рассказывает мама.

Закончилось все плохо. Хлеба и масла на всех не хватило, меня побили. Так я и встретила вернувшуюся из Фрунзе маму – избитая, чумазая и зареванная на крылечке дома.

Понятно, что моя бабушка (мамина мама) долго не могла прийти в себя, обнаружив, что не только фронтовика встретить нечем, но и ей самой придется сидеть с дочкой впроголодь до следующего продовольственного пайка!..

Для меня такой простой, бесхитростный «детский» рассказ собственной мамы оказался неожиданно ярким, запоминающимся, почти осязаемым свидетельством взрослого детства войны.... Тогда же возникла идея – обратиться к «детям войны» с предложением стать героями сборника воспоминаний...

«Взрослое детство войны» – так мы в культурно-просветительском центре «Кейтар» решили назвать новый проект, который начался в феврале 2012 года в Ашдоде, молодом израильском городе, созданном репатриантами и по сегодняшний день активно принимающим алию.

Рисунок Натали Боголюбовой

Мы обратились к людям, чьи детство и юность пришлись на военные годы. Предложили им вспомнить сюжеты, истории, события: драматические и смешные, детские и совсем не детские – то, что запало в душу, в память, а, может быть, во многом и повлияло на дальнейшую уже взрослую жизнь, определило привычки, сформировало характер... Мы искали детей войны в «хостелях», обращались в общественные организации. Первыми участниками проекта стали члены общины «Кейтар».

Обратились за помощью в Городскую компании по культуре. В лице её председателя, вице-мера Ашдода Бориса Гитермана, нашли горячую поддержку и однозначную заинтересованность в том, чтобы дети войны – жители Ашдода – создали такую книгу памяти, сохранили для детей и внуков воспоминания о событиях тех давних лет.

Уже весной начали раздаваться первые звонки:

- Приходите, хочу поделиться с вами своими воспоминаниями...
- Я впервые решился рассказать о том, что испытал мальчишкой в блокадном Ленинграде. Что осталось от детства? Эмоциональность, обидчивость. ВСЮ жизнь прожил сиротой. Самым настоящим сиротой. Вот и сейчас, боюсь, что неделю не успокоюсь после воспоминаний – сердце будет трястись...

– Как можно принять участие в создании сборника? Я человек преклонного возраста, одинокий.... Так не хочется унести рассказ о моем военном детстве в могилу!

– Спасибо вам за идею сборника! Я впервые рассказала свою историю внукам, и они слушали меня со слезами на глазах. «Бабушка, как много ты перенесла в жизни! Жаль, что нам это было неизвестно...» Теперь они настаивают, чтобы я передала вам свои записки.

...Эти рассказы и составили уникальный сборник, который Вы держите в руках.

...Проект «Взрослое детство войны» стартовал официально в начале июня. День для городского вечера «Диалог поколений» был выбран не случайно: между двумя памятными и знаковыми датами.

1 июня – Международный день защиты детей, годовщина теракта в тель-авивском Дельфинариуме.

22 июня – 71-я годовщина начала Великой Отечественной войны.

Дети и война, ребенок и трагедия, смерть, лишения... Вещи, которые кажутся несовместимыми. Но это – горькая реальность нашей жизни! Это касается всех.

Но все же, даже мы, организаторы этого вечера, не ожидали, что тема «Взрослое детство войны», презентация городского проекта, инициатором которого стала община «Кейтар», соберут в зале «матнаса» «Узиель» такое количество участников!

Представители общественных организаций ветеранов, узников гетто, инвалидов войны во главе с их руководителями (Михаил Дендзе – «Союз ветеранов войны», Владимир Листенгартен – «Дети Катастрофы», Яков Хелмер, Филипп Балановский и Леонид Грипс – амута «Надежда»), семьи, представленные двумя, а то и тремя поколениями – от стариков и до внуков-правнуков, учащиеся студии изобразительного искусства (рук. Нахум Эльяшимов), аш-додские «звезды» – мальчишки и девчонки из Шоу-театра «Аллевай!» (школа «Лекет») под руководством Ларисы Шилиной... Зал был полон настолько, что части присутствующих пришлось занять места «под стеночкой». И все же, весь вечер проходил при полнейшем внимании и сопереживании. В звенящей тишине звучали воспоминания людей, на чье детство пришлось годы войны.

События эти происходили в разных местах. Везде, где лютвала война, были дети: на долгих изнуряющих дорогах в эвакуацию, в партизанских отрядах, в гетто, в квартирах и избах, давших приют тем, кто вынужден был спастись от врага... Узники гетто Раиса Городинская и Яков Коган, Яков Хелмер помогли нам увидеть войну глазами ребенка. За столами в зале не только слушали, но и работали: часть детей и подростков делали карандашные наброски к услышанным историям. Ведь по замыслу, именно они – сегодняшние дети – должны стать соавторами ветеранов. Их рисунки вместе с рисунками людей, переживших ужасы той войны, стали частью иллюстраций этой книги.

Закончу рассказ о том вечере цитатой из выступления Лены Ранд. Она говорила, обращаясь к своей сидящей в зале бабушке – Зинаиде Коган, девочке из освобожденного Сталинграда:

– Хотя я приехала в Израиль ребенком, который не помнит советских реалий, но твои, бабушка, рассказы о войне, о Дне Победы помню всю жизнь очень хорошо. Я понимаю, что мои знания о войне – это твой взгляд на войну, память моей семьи, моих близких. Я не знала, что мне делать с этой памятью, с тем, как включить это понимание истории в мой нынешний опыт. Проект «Взрослое детство войны» помог мне понять, что мы – часть истории. Поэтому он так дорог мне. Дорогие ветераны, я прошу вас, берегите себя. Вы нам очень нужны, вы нам очень дороги!

Хочу сказать, что для людей, которые соприкоснулись с личными историями ветеранов, которым участники сборника доверили свою личную боль, память, тревогу о будущем... для нас этот проект стал одним из значимых в жизни. В приведенных в книге рассказах вы не встретите описаний батальных сцен или героизма армий и воинских соединений. Маленький человек – не по духу, а по возрасту – он герой этого сборника. Мальчишки и девчонки, которые изо дня в день думали о еде, о благополучии близких, о том, как выжить в этой страшной беде, имя которой – война!

Рассказы эти, судьбы «детей войны» не могут оставить человека равнодушным! Низкий поклон и огромная благодарность ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ЭТОГО СБОРНИКА за мужество, за готовность разделить свою боль с нами, за понимание, что без этих рассказов наша память о войне, наше представление об истории были бы гораздо беднее...

Спасибо тем, кто помог нашей идее состояться, воплотиться в реальные встречи, интервью, в сборник воспоминаний. Диалог поколений возможен только при условии, что и мы – не знавшие ТОЙ ВОЙНЫ, прислушаемся к этим голосам, взглянем в глаза этих людей, не оставим их без нашего внимания и поддержки наедине с воспоминаниями о пережитом.

Середина ноября 2012 года. Мы готовим к печати сборник «Взрослое детство войны». Время от времени прерываем «вычитку текста» (корректуру) и бежим в убежище – одна за другой сирены предупреждают об обстреле Ашдода хамазовскими «градами».

Идет война. Операция «Облачный столб». В перерыве между ракетными налетами открываю компьютер: под огнем Беер-Шева, округ Эшколь, Ашкелон, Сдерот, Кирият-Гат, Кирият-Малахи, Ган-Явне, Офаким, Бээр-Тувья, Ашдод.... Ракеты и минометные снаряды вновь нацелены на наших детей. На внуков и правнуков тех, кто стал героями этого сборника.

Ноябрь 2012 года. 228 ракетных обстрелов с территории Газы, выпущено около 1506 ракет, пятеро погибших и 240 раненых.

«Взрослое детство» войны 2012 года.

Это умение в течение секунд найти убежище от ракетного обстрела, это незнакомые прежде слова: «цева адом» («красный цвет» – сигнал ракетной тревоги), это страх, это напряжение, это исчезнувшая с детских лиц радость.

Это – недетская ответственность – по радио сейчас рассказывают о девятилетних близнецах. Они звонят в горячую линию психологической помощи, просят совета, как помочь маме – та вбежала домой после заставшего её на улице ракетного обстрела, «вся дрожит и плачет»...

Это детвора, которая знает не только марки модных машин или моделей мобильных телефонов. Она разбирается в типах ракет ХАМАСа и «Исламского джихада»: «касам», «град», а теперь еще и «Фаджар-5» иранского производства, – ведь от этого может зависеть жизнь!

Который день пусты школьные классы, не слышны детские голоса на улице, в парках, на спортивных площадках; пусто в кружках и секциях.

И вновь «у Бога силы просят мамы, чтоб защитить невинного ребенка...» (Фаина Пеккер).

*Д-р Михаил Кипнис,
директор Культурно-просветительского Центра «Кейтар»,
руководитель проекта «Взрослое детство войны»*

АЛЛА АЙЗЕНШАРФ

ЧЕРНЫЕ ЦВЕТЫ ВОЙНЫ

*В доме не было дверей.
в доме не было людей,
крыши не было на нем,
это был убитый дом,
с белой чашкой на полу,
с синим бантиком в углу.
Только птицы во все стороны
вылетали в дыры черные...*

Эти строчки сочинила шестилетняя девочка – Алла Айзеншарф, когда война отобрала у нее все – дом, детство, родителей, когда не осталось ничего.

Как ничего?! Осталось самое главное – большая душа, по – детски наивная и не по – детски мудрая, помогающая истощенному, маленькому, продрогшему от голода, холода телу выжить. И не просто выжить, а сохранить свет. Какие удивительно точные образы, детали, эпитеты! Но к детским стихам Аллы мы еще вернемся. А сейчас послушаем ее:

– Мы жили на главной улице Немирова. Это небольшой городок, и его центром был Дом отдыха. Вся жизнь вертелась вокруг него. А наш дом – совсем недалеко. Папа был красивый, высокий, с голубыми глазами и волнистыми густыми волосами. Очень любил, баловал нас с сестричкой Мэрочкой (она старше меня на четыре с половиной года) ...

Когда началась война, папу на фронт не взяли, так как у него был тяжелый ревматизм: болели суставы, сердце. Стали прибывать беженцы из оккупированных мест. Они рассказывали, что там творится. Папа уговаривал маму уехать, но она не решалась: «Двое маленьких детей, и ты болен!» Однако на заводе, где папа работал, дали лошадей и подводу. Помню, лошади стояли во дворе, мама погрузила на подводу два мешка, которые казались мне огромными. Мы выехали, но почти не продвигались: дорога была забита, немцы бомбили непрерывно. И родители вынуждены были вернуться.

Городское начальство погрузило свои семьи в автобусы и удрало. А город остался. Еврейский детский дом, где мама преподавала, не эвакуировали. Запомнила, как солдаты нашей отступающей армии рубили ветки, целые дере-

вья в парке, я очень жалела эти срубленные деревья, плакала и просила маму, чтобы она объяснила им: деревья нельзя рубить!

Армейские колонны все шли и шли, старшие дети цеплялись за борта машин, их скидывали...

В трех километрах от нас была железнодорожная станция, которую немцы бомбили. Самолеты летели низко над домом, нас с Мэрочкой унесли в погреб. Потом все стихло, и мы вышли. Стекла на веранде были в мелких дырочках. И я сказала: «Сколько солнышек!» А папа ответил: «Это не солнышки, а следы от пуль». Пришли немцы, и вскоре евреев (а нас в Немирове было больше 10 тысяч) отправили в гетто: две улицы на окраине обнесли колючей проволокой, и всех впили туда. Нам досталась каморка в крайнем доме.

Папу убили 24 ноября 1941 года – во время первой немецкой акции в гетто, которая началась в шесть утра и закончилась в три часа дня.

Поскольку наш дом стоял на отшибе, к нам не сразу пришли, но на рассвете мы слышали крики, стрельбу. Евреев сгоняли в театр и расстреливали. У нас в комнатке была кровать широкая из досок, покрытых одеялом. Оно свисало до самого пола. А наверху – перина. Родители затолкали нас под эту кровать, а потом папа и маму успел там спрятать. Ворвались немцы. Они перебили все в комнате. Рядом с кроватью стоял столик, покрытый клеенкой. Они клеенку разрезали, вспороли перину на кровати, а под кровать, закрытую одеялом, не заглянули.

Нас не нашли, а папу увели. Он сказал, как бы ни к кому не обращаясь: «Прощайте, Танюся и детки, я уже вас никогда не увижу».

Выстрелы, крики продолжались, и мы лежали под кроватью – немцы могли вернуться в любой момент. Было очень холодно, мы мерзли – ноябрь, окна выбиты. Когда все стихло, мама вышла. Она знала, что в соседнем доме есть погреб, где прячутся люди. Они закрыли люк и убрали лестницу. Мама постучала. Вначале соседи думали, что это немцы и не отвечали. Наконец, услышали ее голос и открыли люк. Мама пришла за нами, взяла первую меня из – под кровати (я с краю лежала), принесла туда, попросила их подхватить меня внизу, в погребе, и бросила. Но меня не успели поймать, я упала и на всю жизнь осталась с порванными на ногах связками. А Мэрочку уже подхватили, потом мама спустилась сама, и мы там прятались в полной темноте какое-то время. Всех, кто не успел спрятаться, убили. В Немирове есть кладбище, где два больших захоронения: одно – для взрослых, другое – для детей. На детей даже пуль не тратили, бросали в яму и закапывали живыми...

Когда облавы прекратились, мы вышли. Мама была здоровая женщина, высокая, красивая, с тяжелой косой. Ее уводили на работу, а мы оставались одни... 2 мая к гетто подъехали машины. Помню, еще лежал снег. Взрослых загоняли в кузов, а детей брали за руки и за ноги и закидывали туда. Потом всех увезли в концлагерь. Он находился в бывшей школе Брацлава, где построили нары в три этажа.

Вначале взрослым разрешали быть с детьми, но позже приезжали эсэсовцы, выстраивали шеренги и забирали детей. В первый раз Мэрочку не заметили – она была на нарах, закрытая разными тряпками, а меня мама брала с собой, потому что из-за травмы ноги я не могла долго ходить сама.

Мама понимала, что нас все равно убьют... И придумала, как нас вывезти из концлагеря. В Немиров ездила машина. Среди рабочих, которые должны были загружать мешки с картошкой и другими продуктами, иногда были женщины. Мама договорилась с кем-то из женщин. Нас с сестрой спрятали в кузове среди мешков, отвезли в Немиров, а потом привели к мамину брату в гетто.

Мама не знала, что в гетто оставили совсем немного людей – для работы. Всех остальных убили, в том числе жену дяди. К тому же в гетто был жуткий голод, и дядя в отчаянье собрал наши пожитки и пошел в концлагерь в Немирове.

Там на воротах стоял часовой – венгр. Он сказал нашему дяде: «Ты старый, идет война, и я вынужден тебя принять в концлагерь, а этих девочек – куда ты привел?» И отшвырнул нас. В это время мимо проходила тетя Поля, которая хорошо знала моих родителей. И она нас увела. Дома выкупала, повязала наши головы белыми косыночками. И велела не признаваться никому, что мы еврейки. Кормить нас ей было нечем, брать к себе домой боялась, но разрешила тайком приходить иногда на сеновал. Мы скитались, побирались, ночевали, где придется. Это продолжалось больше трех месяцев. Муж тети Поли был сапожником, и когда он узнавал, что будет облава, находил нас и прятал. Их дом был крайним, а дальше – пустырь. Там он вырыл яму, мы прятались в этой яме, а сверху он накрывал ее лопухами, ветками. Во время облавы мы сидели там тихо-тихо. Немцы искали прятавшихся евреев с овчарками, но пустырь был запущенный, поросший сорняками, колючками, через которые собаки не могли продрасться, да и немцы туда не шли...

Вот тогда Алла стала шептать первые строчки. И повторять их про себя – чтобы не забыть. Конечно, запомнила далеко не все. Она не называла их стихами, не понимала, откуда они берутся, но когда строчки приходили, не могла ни успокоиться, ни заснуть, пока не получалось так, чтобы понравилось. Обувь уже не было, сестрички ходили босиком, Алла, сочиняя, ногой отбивала ритм. Вначале на ноге возникла трещина, которая превратилась в незаживающий нарыв. «Это были такие физические муки творчества», – улыбается Алла. Когда они прятались на сеновале, в яме или сидели под деревьями, она читала стихи сестре. Обо всем, что с ними происходило. Например, о том дне, когда они нашли хлеб:

*В лопухи завернутый лежал
целый хлеб, опухший от дождя.
Целый хлеб! Его мы ели, ели,
ели, ели – больше не хотели.*

*Мы потом увидели, потом
Мертвую с раскрытым настежь ртом.*

Какой страшный сюжет! Как все лаконично, точно, художественно! А маленькая девочка и не подозревает, что любой состоявшийся поэт многое бы отдал за эту метафору: хлеб, опухший от дождя. Она даже не знает, что такое метафора. Просто она так чувствует, так страдает:

*На луже бабочка лежала.
Лежала вся и не дышала.
Я под нее ладошку сунула
И подняла, в лицо подунула,
Рукой махала, Я хотела,
Чтоб улетела.
А немец, он в тени сидел,
Смотрел сюда, смотрел, смотрел,
И подошел, и сел на корточки,
И он не страшный был нисколько.
А может, просто он забыл,
Что немцем был.*

Она до сих пор помнит его лицо – молодое, круглое, в симпатичных рыжих веснушках. Как ребенок, уже узнавший, что немцы несут смерть и разрушение, мог не озлобиться, чутким своим сердцем увидеть непохожего на остальных, другого немца, тоже сочувствующего умершей бабочке? Спрашиваю – как маленькая девочка из благополучной семьи, оказавшись в нечеловеческих условиях, могла сохранить надежду?

– Я думала о маме, о том, что мама обязательно нас найдет. И еще – чувствовала, что меня охраняет та женщина, которая привиделась до войны. Помню наш двор, весь в цветах, а между ними – дорожка к дому. Я споткнулась на этой дорожке и плюхнулась лицом на плитку. Лицо было залито кровью и сильно побелело. Папа занес меня домой, стал отмывать, успокаивать. Взрослые спрашивали, что я хочу, а я от боли не могла говорить. И тут появилась она – высокая, красивая, в белом длинном платье. Подошла ко мне и прошептала: «Ничего. Это пройдет. Ты не бойся. Ты будешь жить, и когда тебе будет очень плохо, я к тебе приду». И она исчезла. А мне стало легче. Я слышала и видела ее очень четко, но поняла, что другие – нет.... И никому ничего не сказала. С детства знала, что я не такая, как все. И стеснялась этого, и скрывала. Мама и Мэра были нормальными, а мне это передалось от отца. И вот, когда мы скитались, я чувствовала, что она есть и спасет нас с Мэрочкой.... Во время войны я видела ее явственно еще несколько раз.

Я слушаю Аллу и думаю, что душу ее прежде всего спасал другой удивительный дар – полного единения с природой, ощущения, что и мышонок, и бездомная рыжая кошка с котятами, и улитка, и мушка, и цветок, и дом, и даже раненая кукла – все, все, что окружает, – живое, настоящее, чувствующее любовь и боль, как и она. И мир не безнадежен, даже когда беспощаден, потому что можно заглянуть в глаза цветов, и тогда:

*А если долго им в глаза смотреть,
я начинаю над землей лететь.*

– Мэрочка была моей второй мамой. Ее хотели в деревню забрать, чтобы она ухаживала за скотом, жила сытно. А я никому не нужна была, почти все время лежала. Мэрочка меня не оставила, ухаживала за мной, таскала на спине...

Однажды нас кто-то выдал. Когда мы ночью лежали на сеновале, маму взяли из лагеря, и немец с полицаем привели ее в дом, где нас прятали. Нас решили расстрелять. Была сильная непогода, и немец ушел, зная, что полицай справится с беззащитными людьми. Но Анна – женщина, у которой мы прятались, стала рыться в комод, нашла какие-то деньги и протянула полицая. Тот сказал: «Мало!» И Анна пошла ночью по селу собирать деньги. Откупились от него. Он пострелял в воздух, чтобы немцы услышали, и ушел.

Мама забрала нас в лагерь, но понимала, что детей всех уничтожат, и решила на отчаянный шаг. (Это я знаю из рассказов мамы). Она подошла к Митке, полицая, который нас не расстрелял, и сказала: «Ты нам однажды помог, помоги еще раз. Нужны украинские документы для меня и детей, я хочу удрать из лагеря». Дала ему часики, что-то еще, и он вскоре принес документы.

Мы бежали ночью, группой в семь человек, которая концентрировалась в доме у немца, десятника работ. Его звали Фриц. Он был пожилым человеком. Мама рассказывала после войны, что он говорил: «Если бы Гитлер и Сталин висели на одной веревке, я бы был у себя дома, а вы – у себя». Он спас уже несколько групп евреев – приводил к себе. Нас искали везде, но кому придет в голову искать у Фрица?

Потом, когда все утихло, мы вышли ночью, разбились на две группы. У нас был проводник Яшка, еврей. Молодой паренек лет 17-18. И он переводил эти группы из концлагеря в гетто в Бершадь, что в Винницкой области. В этом гетто были румынские евреи из города Ясы, что в 300-х километрах от Бершади. Тех евреев, которые добирались до Бершади, немцы разрешали не убивать. Охранниками там были и немцы, и румыны. Украинские документы нам нужны были, чтобы добраться до гетто – это 75 километров от нашего концлагеря. Ноги немножко зажили, и часть дороги я шла сама, а часть мама несла меня на руках.

На хуторе заночевали, пришел полицай брать лошадей у хозяйки и спросил: «А это случайно не жида у тебя ночуют?» Та ответила: «Не, я проверила документы, они украинцы». Скиталось много беженцев, и мама сочинила какую-то легенду.

Так мы добрались до Бершади. Внутри гетто было подполье, кто-то тайком даже умудрялся слушать радио из Москвы. Мама была связной – передавала сводки в партизанский отряд.

Так прошло года полтора.... В 1944 году приближалась Красная армия, и немцы сожгли соседнее гетто. А у нас было трое суток безвластия... Когда нас освободили, мы пошли вслед за Красной армией. Помню не только раненых людей, но и лошадей, и коров. Мы двигались за фронтом – иногда пешком, иногда на машине. Нас кормили – кашей, хлебом. Наконец, добрались до города. Он был совершенно разбомбленным, но наш дом уцелел...

*А лампочка сияла вполне
с необъяснимо белой высоты.
Учительница горестно вздыхала, -
я рисовала черные цветы,
а больше ничего не рисовала.
На всех уроках – черные цветы.*

Эти строки Алла напишет спустя много времени. Сколько поэзии и боли в них! Так выходила из души война – черными цветами...

***Из очерка Светланы Аксеновой-Штейнгруд.
Печатается в сокращении.
Полностью очерк опубликован
в «Иерусалимском журнале» (№38, 2011 г.)
и в альманахе «ЮГ» (Ашкелон, 2012 г.).***

Алла Айзеншарф

6.06.1936. поэт, автор шестнадцати поэтических книг. Окончила медицинское училище и Литературный институт им. Горького. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Лауреат премии «Олива Иерусалима» (2005) и премии имени Давида Самойлова (2008). В Израиле с 1988 года. Живет в Ашкелоне.

БЕЛЛА БАРСКАЯ (КИПНИС)**ПАПА ВЕРНУЛСЯ!**

Когда началась война, мне было два года. Я рано заговорила и только на идиш: моей няней был дедушка. Мама рассказывала, что в эвакуации я была заметной персоной, и все меня, по возможности, подкармливали, ведь я, малышка, говорила на родном языке!

Четко помню запах угля в дороге, паровозные гудки, а на остановках, когда мама выбегала за кипятком, беспокойство – вдруг отстанет!?

Папу призвали на фронт из Омска, куда он эвакуировался со своим заводом. А мы с мамой продолжили ехать вглубь страны, к родным. Мама меня оставляла у освещенного окна на станции, а сама отправлялась выяснять, когда прибудет следующий эшелон. Было темно, я боялась. Ясно «вижу» все это...

Однажды, когда началась бомбежка, и поезд остановился, мама спряталась со мной под вагоном. О нелепости своего отчаянного поступка она потом долго вспоминала. Так началось мое «взрослое детство». В поселке Рыбачье под Пржевальском (Киргизия) помню себя лет с четырех.

Много месяцев от папы с фронта не было вестей. Вдруг мы получаем телеграмму: папа ранен, и в определенный день прибывает его поезд.

Смутно помню высокого, заросшего щетиной чужака. Он ищет, где бы удобнее встать рядом с мамой – справа или слева. Мама счастлива, не обращает на это никакого внимания. Лишь дома замечает, что папа не может снять со спины вещмешок. Мнетса, опирается на стену... И мама поняла: у папы нет руки. Правой. «Рабочей».

– Ничего, – подбодрила. – Главное, вернулся домой. Главное, – жив!

Тридцативосьмилетний контуженный калека, с единственным уцелевшим зубом слева внизу. Я это помню отчетливо. Мой папа был очень красив, как же трудно привыкать к этому незнакомому мужчине!

Белла Барская (Кипнис)

Родилась в Киеве 21 мая 1939 года. Окончила педагогический институт и свыше 32 лет проработала преподавателем эстетики и русской литературы. Ведет большую добровольную общественную работу в общине «Кейтар».

Аппликация Михали Губерман

ГАЛИНА БЕНДЕРСКАЯ

ДОРОГА НА ГРОЗНЫЙ

Я родилась в 1936 году, в деревне в Крыму. Колхоз Фриндлянд был одним из еврейских колхозов, построенных при поддержке международной организации «Джойнт». Когда началась война, мне было уже пять лет.

В годы войны все колхозники – евреи погибли. Мы же – мама и я – остались живы лишь благодаря тому, что отцу поручили перегнать колхозный скот через Керчь в Ставропольский край.

Так мы добрались до колхоза «Вторая пятилетка» и жили там до 1942 года. В августе 1942 отца призвали на фронт, а мы остались одни...

Отступающие части Красной Армии шли через наше село. Казаки их не жаловали, отказывали в ночлеге, продуктах, лошадях. Однажды офицер спросил у мамы, где казаки прячут коней. Мама рассказала. Тут же к ней подошел казак:

– Ну, подожди, жидовка! Мы тебе еще покажем, где наши кони...

Галя (4 года) с мамой

Недолго думая, мама собралась, взяла меня и мою маленькую сестру и пошла к офицеру. Так продолжилось наше бегство.

Вместе с армией мы дошли до Моздока. Там шли жаркие бои, город неоднократно переходил из рук в руки. Мы прятались в стогах соломы. Один загорится – бежим к другому. К тому времени там собралось много беженцев с оккупированных немцами территорий.

Бежим через зеленое кукурузное поле. Вдруг – немецкие самолеты. Летят уверенно, на бреющем полете. С низкой высоты начали охоту на людей. Я видела в кабине одного из летчиков. Его грудь крест-накрест была обтянута белыми полосками ткани. Потом мама рассказала мне, что это – лямки его парашюта. Она рассказывала мне, что от страха, наверное, я так опухла в те дни, что глаз даже не было видно. Дорогу на Грозный я помню уже смутно. Что хорошо врезалось в память, – ночь, через которую мчится наш поезд, вокруг все взрывается и горит.... Оказалось позднее, что это было пламя от взрывов нефтяных цистерн...

Галина Бендерская

Родилась в 1936 году в Крыму. После войны окончила Минский государственный педагогический институт, факультет иностранных языков. 39 лет отдала педагогическому труду в Белоруссии, а затем – в Мурманске. Заслуженный учитель Российской Федерации.

АЛЕКСАНДРА БОЛЕСЛАВСКАЯ**ФЕЯ
ИЗ САНИТАРНОГО ПОЕЗДА**

Ногда началась война, мне было 10 лет. Помню отчетливо, как из города Кривой Рог 7 августа мы уходили пешком. Дети и старики ехали на подводах. Немецкие самолеты, летевшие на бреющем полете, расстреливали нас, пытавшихся укрыться в кукурузном поле. Было ужасно страшно. Каждый раз мама падала на землю, накрывая меня своим телом, чтобы уберечь от пуль.

По дороге встретились с придвигающимися к фронту бойцами, среди которых оказался и директор школы, в которой я училась. Он предупредил нас, что, если в ближайшее время нам не удастся присоединиться к уходящему в эвакуацию эшелону, мы погибнем.

Нам удалось заскочить в последний товарный состав, уходивший на восток. Позже мы узнали, что директор школы погиб в бою.

Ехали мы очень долго. Запасы еды закончились. Однажды перед нашим эшелоном остановился санитарный поезд, увозивший раненых в тыл. Я сидела у окна и рассуждала вслух о том, какие же мы были глупые: нас заставляли есть, а мы не хотели. А как вкусно было бы съесть сейчас хлеб с маслом...

И вдруг в белом халате на миг появляется перед окном сестричка и кладет мне на колени булку хлеба и пакет с маслом. Я даже не успела сказать слова благодарности, как моя добрая фея исчезла, санитарный поезд тронулся со станции в путь.

До сих пор со слезами вспоминаю этот момент!

Александра Болеславская

Родилась 1июля 1931 года. После войны закончила физический факультет Днепропетровского университета. Преподавала физику в вузе. В Кривом Роге. Сын и двое внуков также живут в Израиле.

СТАНИСЛАВ БРАЖНИК

«В КРИВОЙ РОГ ПРИШЛА ВОЙНА...»

22 июня 1941 года в Кривом Роге был ясный солнечный день. В небе над городом кружили самолеты: тренировались курсанты летной школы. Городские власти назначили в этот день митинг, посвященный открытию нового криворожского вокзала на станции Червонная.

Я – ученик уже второго класса – вместе с отцом, который работал начальником участка шахты №5РУ им. Ильича, пришли на трамвайную остановку, чтобы ехать на митинг.

Здесь стояла толпа людей. Слушали радио.

Только что объявили о нападении на нас фашистской Германии. Большой тревоги, однако, не было: «Ведь от тайги до Британских морей Красная Армия всех сильнее!» Так пели в те годы...

Мы жили в «Доме профессуры» (сегодня это ул. Первомайская, 1). Наши соседи по коммунальной квартире спорили о том, сколько продлится война. Один говорил – полгода, другой – не более двух месяцев. Вася, учившийся в горнорудном институте, очень сокрушался при этом: нужно ехать на учебную практику, а тут – война. Некстати! Напротив нашего дома была городская баня. Там открыли призывной пункт. Обширный двор перед домом заполнили призывники и их родственники. Было весело: играли гармошки, слышались песни. Многие ребята, жившие в нашем доме, пошли на призывной пункт добровольно. Запомнились имена: Алик Вишневский, Сережа Дементьев...

В доме начали клеить полосками бумаги, крест–накрест, оконные стекла. Во дворе вырыли «щель» и повесили на стоящем рядом дереве кусок рельса – звонить в случае химического нападения. (Когда в сорок шестом мы вернулись из эвакуации, то щель засыпали мусором, а рельс висел еще долго. Когда умер Сталин, в него «бухал» живший в доме полоумный инвалид войны...)

В середине июля была объявлена первая воздушная тревога. Немцы бомбили Долгинцево и мосты через Ингулец. Доставалось и ближайшим домам. Одна из бомб угодила в хлебозавод. Он полыхал всю ночь, а вокруг пахло горелым хлебом.

В нашем доме создали противопожарную дружину, дежурившую во время налетов на чердаке, чтобы сбрасывать с крыши «зажигалки» – зажигательные бомбы. Отец в те дни почти не бывал дома: невыполнение плана приравнивалось к саботажу. Так что в одну из ночей я увязался за мамой на дежурство. Оказался на чердаке вместе с дружинниками.

Надрывно ревели «Юнкерсы». Мы уже умели различать самолеты по шуму. По небу ползли лучи прожекторов, хлопали частые выстрелы зениток...

Вдруг с противоположного крыла дома в направлении автомобильного моста взвилась сигнальная ракета. Через некоторое время по чердаку побежали люди с винтовками, вскоре повели вниз двоих: мужчину и женщину. Мужчина, по виду цыган, что-то говорил на ломаном русском языке. Можно было только понять: «Беженец, беженец...»

Обоих забрал НКВД. Мужчину застрелили во дворе. Рассказывали, что при попытке к бегству. До утра труп лежал возле мусорного ящика...

11 августа был мой день рождения. Накануне, наконец, появился отец. Он с группой саперов подготавливал к взрыву шахты №5 и имени ОГПУ. Мать начала собирать вещи. К тому времени наш дом стоял почти пустой. Кроме 3-4 семей все эвакуировались. Целый день шел дождь. К вечеру мать окончила сборы, и мы спустились во двор. Отец не приезжал. Стемнело. Ни одного огонька – электростанция уже взорвана.

Откуда-то появился дворник. В руках у него была бутылка вина и стаканы: – Выпьем на посошок, – приговаривал дворник.

Наконец-то слышался шум машины. Приехал отец. Он отвез нас к шахте имени ОГПУ, где стояли три «теплушки» и маленький паровоз ОБ – «овечка». Забравшись на нары в теплушке, мы уснули под мерный шорох дождя.

Утром мы наблюдали, как из шахтоуправления выносили и жгли кипы бумаги. Возле больших куч свежедобытой руды возились два трактора. Они пытались столкнуть эти кучи обратно в открытый ствол шахты. Возле тракторов бегал и яростно матерился какой-то человек...

День подходил к вечеру. Наконец что-то глухо ухнуло: взорвали шахтный ствол. Через некоторое время пришел отец со своим напарником и несколькими военными. Они влезли в нашу теплушку – остальные две были пусты – и мы поехали.

Через полкилометра остановились: кто-то вывернул рельс. Саперы быстро восстановили путь, но в будке паровоза не оказалось машиниста и помощника. Сбежали. Искать было бесполезно: совсем стемнело, а вокруг – море кукурузы.

Отец и один из военных пошли к паровозу. Вскоре медленно поехали дальше. Нужно было поскорее проскочить Апостолово, мы спешно двигались в направлении этой узловой станции.

На путях в Апостолово скопились эшелоны с оборудованием и людьми. Здесь же было несколько цистерн – составы с горючим. Люди в эшелонах волновались: немцы эти составы бомбили в первую очередь.

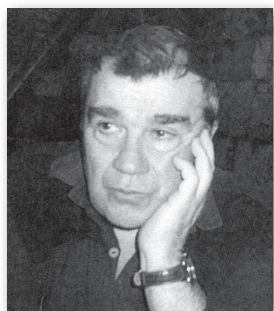
Удалось убедить начальника станции перегнать цистерны на соседний полустанок. И своевременно. Вскоре прилетели немецкие самолеты, и полустанок утонул в море огня. Проезжая завтра мимо этого места, мы молча, со страхом смотрели на черные покореженные остатки цистерн, выжженную землю.

Через Днепр мы переправились в Запорожье. Была глубокая ночь, но все же мы попали под воздушный налет. Самолет «прошелся» над крышами наших теплушек, поливая из пулемета. Перед самым началом обстрела отец снял меня с верхних нар, где я спал, – рядом было окно, хорошо было видно дорогу, – и переложил вниз. Толстые доски верхней полки спасли меня от пуль.

В нашем вагоне убило семь человек. Их похоронили наутро в каком-то поле. Запомнились мне погибшие маленькая девочка и её бабушка. До сих пор помню страшные, остановившиеся глаза чудом оставшейся в живых матери девочки. Она во время налета лежала между своей мамой и дочкой.

– Её даже не ранило! – шептались вокруг женщины...

Страшная эта штука – ВОЙНА.

Станислав Бражник

Родился 11 августа 1933 года. Закончил Харьковский университет, инженер-электрик. 37 лет проработал в авиационном училище в Кривом Роге в качестве старшего преподавателя гражданской авиации. Трое детей, пять внуков. Репатриировался в Израиль в 1997 году.

АНАТОЛИЙ БРИОН**КАРТИНА МАСЛОМ**

До войны мы жили в посёлке городского типа Красногвардейское, расположенном в Северной части Крыма. Это был райцентр, а по названию железнодорожной станции его все называли Курман.

Красная Армия освободила Крым от немецких фашистов весной 1944 года, и мы – мама с тремя детьми (я – средний, мне было 5 лет) и бабушка с бабушкой – сразу вернулись туда из эвакуации, нашли свой дом целым, но без окон и дверей, пустым и разграбленным. Но главными проблемами были вода и еда. За водой ходили к колонке с двумя вёдрами и таллонами, на которых было напечатано «2 ведра», таких таллонов было 15 штук на месяц на одну семью.

Теперь – еда: какие-то крупы можно было купить, овощи и картошка – со своих огородов. Главное – «достать» хлеб. Хлеб привозили в лавку рано утром, и там уже была толпа людей с таллонами на хлеб – одна буханка в одни руки. Но хватало не всем, и нужно было хорошо постараться, чтобы не вернуться домой с пустыми руками.

Мне запомнилось одно такое утро. Мама рано утром пошла в толпу перед хлебной лавкой, а мы с бабушкой чуть позже пошли её встретить, чтобы у неё на обратном пути не отобрали хлеб, – и мы стояли в сторонке. Мама была в толпе, и плотность такой толпы обычно такая, что если человек как-то упадёт на землю, – его затопчут. Вдруг мы увидели «картину маслом»: два мужика подсадили третьего наверх, он ногами встал на головы людей в толпе, по головам прошёл к окну, из которого продавщица протягивала хлеб, схватил в руки две буханки и убежал, затесавшись среди уходящих. Бессильная толпа только гудела, а продавщица закрыла окно раздачи на переучёт, и мы в тот день остались без хлеба. Одна из тяжелых картин детства.

Но когда меня принимали в пионеры, на всю жизнь вбили в голову:

СПАСИБО ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ЗА НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО!

Анатолий Брион

Родился в 1938 году в Крыму. Закончил Днепропетровский инженерно-строительный институт. Работал проектировщиком, в 1980 – 1990 гг. – главный инженер проектов морских платформ для добычи нефти и газа.

Репатриировался с семьёй в 1990 г.. Много лет работал инженером в израильском строительном концерне «Солель Боне». Сейчас на пенсии, живет в Ашдоде.

ЯКОВ ВИЛЬКОВИЧ

ЗАПИСКИ ДОБРОВОЛЬЦА

На войну я пошел добровольцем. В первый же день войны – 22 июня – записался в ополчение. Мне исполнилось семнадцать лет, поэтому в армию меня еще не брали.

Из восьмидесяти семи рабочих моего цеха Кировского завода, с которыми я записался вместе в ополчение, до Победы дожил я один...

ВПЕРВЫЕ В РАЗВЕДКУ

Вскоре после записи в ополчение отправились в нашу первую разведку. В разведгруппе было около 15-20 человек. Шли, ни на что не обращая внимания. Зашли в одну деревню. Ни души! Свернули за дом, а там – сад: ягоды, фрукты. Начали там «пасться».

В это время заходят в деревню два танка. Один из них остановился прямо рядом с «нашим» домом, а другой продолжил движение в конец деревни.

До войны я начал работать на Кировском заводе. Там выпускали в день по сто танков. Так что звук танковых двигателей был нам не в новинку. Услышав, что к нам приближается танк, мы все выскочили на дорогу и подошли вплотную к машине. Стоим и обсуждаем.

– Вроде, танк наш...

Тут открывается люк, из башни появляется человек весь «в коже». Выглядит вполне привычно. Прыгает с танка, подходит к нам (а мы все вооружены!). Стоим мы – кто поближе, кто подальше – со своими винтовками. Танкист подошел к ближайшему разведчику, выхватил из его рук ружье и шарахнул стволом об гусеницу танка. Ружье разлетелось на части и было выброшено им на обочину. Мы опешили. А танкист знаками показывает: мол, давайте следующее ружье!

Тут только мы пришли в себя и бросились бежать. А танкист, не будь дурак, залез в башню и стал поливать по нам из пулемета. Спасли кусты у дороги: ни в кого немец не попал. Перебрались через речку. Попали в какую-то деревню. А там – будто и нет войны рядом. Люди как жили, так и живут. Оказывается, танки у них уже побывали. Танкисты вышли из машин, раздали детям конфеты и продолжили путь.

Как потом мы поняли, это была вражеская танковая разведка. Но это понимание пришло позднее, с опытом. А в тот день, наша разведка закончилась. «Повезло» нам: не успев сделать ни одного выстрела в первой своей вылазке, мы оказались сами под пулеметным огнем, но спаслись!

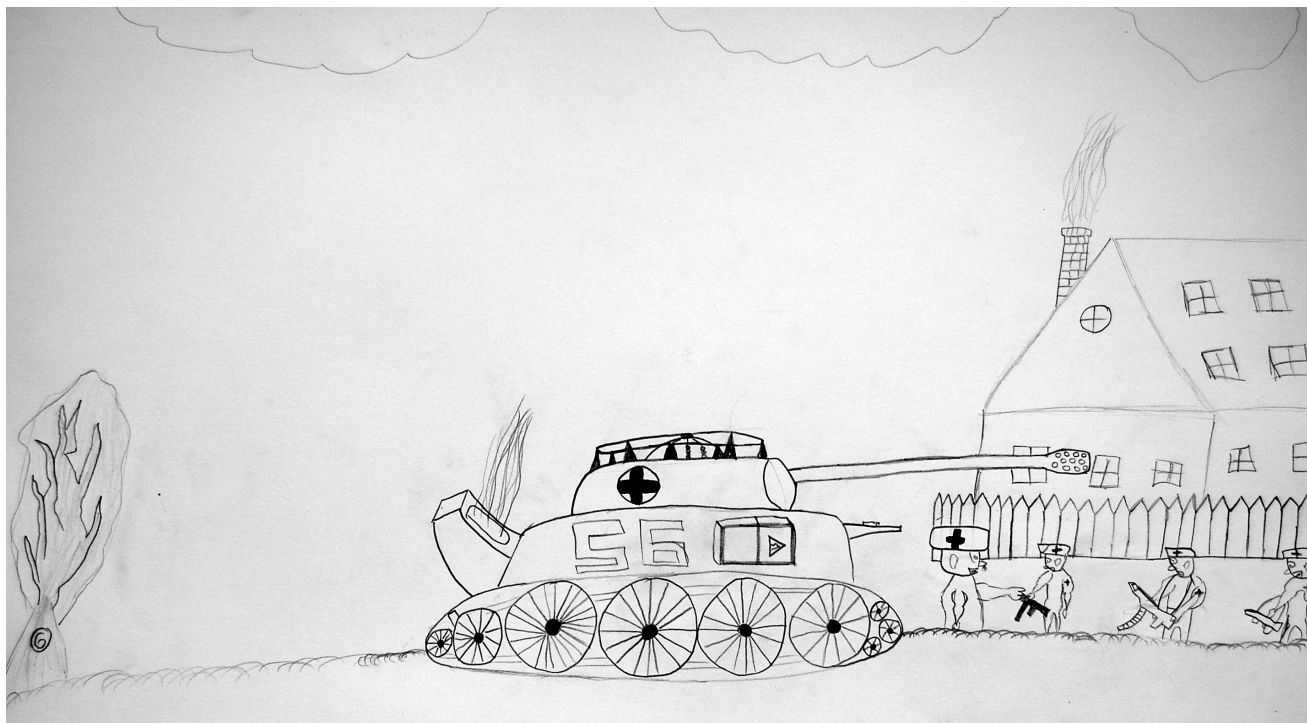

Рисунок Никиты Исаева-Петрова (12), внука Якова Вильковича

ДВОЕ СУТОК НАД ВРАГОМ

Итак, первые месяцы войны я провел в разведке. Моей напарницей была Нина, похожая на меня, чернявая. Говорили, что мы, как брат с сестрой, похожи. Немцы нас, малолеток, часто близко подпускали, не обращая внимания на низкорослую парочку.

Мы расспрашивали беженцев о том, что они видели в пути, следили за передвижениями немецких войск. Это были крупницы той информации, которая потом неслась из репродукторов:

– От советского Информбюро...

Основная разведгруппа оставалась, как правило, в лесу. Мы отделялись от них и шли в разведку – в ближайшие деревни, на станции... Затем возвращались в лес, рассказывали обо всем, что узнали. Информация передавалась по цепочке в штаб.

Я тогда чувствовал себя в лесу, как дома. Заблудиться не боялся, всегда выходил в правильных точках. Но часто бывало, что в нужном месте мы не находили разведотряд. Однажды договорились о встрече. Пришли на место – никого. Уже темно. Стоит рядом сарай с сеном. Мы решили залезть на сеновал. Сено было уложено под самую крышу. Туда и забрались, чтобы переночевать.

Ночью нас разбудил шум. Глянули вниз – в сарае размещаются немцы: солдаты вкатывают пушки под крышу. Мы наверху, а они – внизу, нас не видят.

Забились мы с Нинкой в угол. Ни еды, ни питья.... Так и просидели, как мыши, двое суток. В другом углу, тихонько пробираясь сквозь шуршащее сено, справляли нужду и закидывали сеном, чтобы запах человека не был слышен!

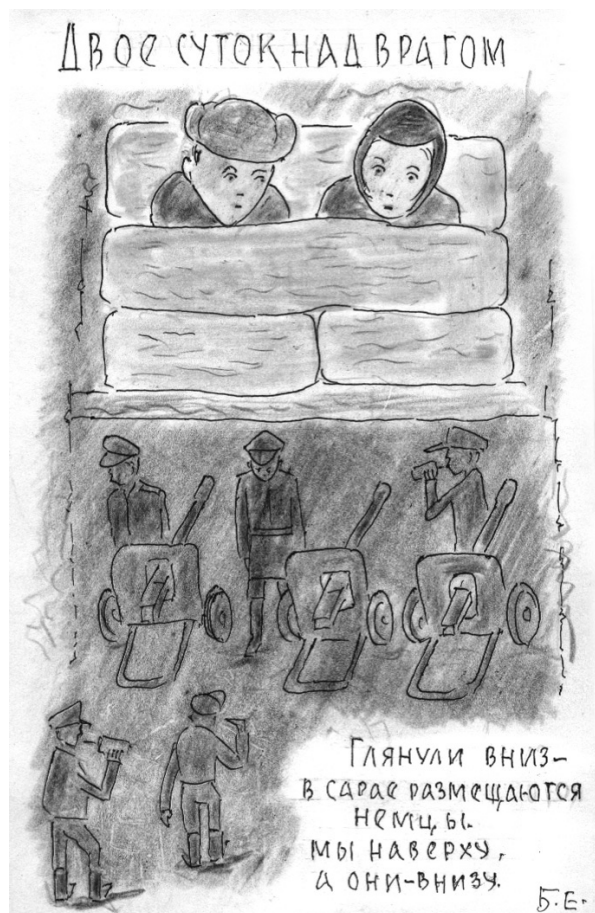

Рисунок Б. Исельсона

Только через два дня немцы ушли. Тогда и мы оставили сеновал.

ВНИЗ ПО РЕКЕ

Наши части отходили от городка Городежи, недалеко от Ленинграда. Мы шли последними, прикрывая их отступление. Подошли к железнодорожному мосту. Только вошли на него — взрыв. Средний пролет моста рухнул в воду. В куче-мале отступления кто-то взорвал его, чтобы не дать врагу, вошедшему в город, воспользоваться переправой.

И вот — мы на мосту, а дороги впереди нет. На наше счастье, по реке плыли бревна. Мы как были — в полном обмундировании — прыгнули с моста в воду. Надо сказать, что плавал я очень плохо и на себя не надеялся. Плывшие рядом товарищи пытались соорудить что-то вроде

плота из трех бревен — они видели, что я

тону. Все, что можно было, сбросил с себя, чтобы было легче справляться с течением.

Распластался я на этих бревнах, держу их, и ребята рядом плывут, не давая бревнам «разъехаться по сторонам».

А в это время на берег вышли немцы. Берег был высокий, оттуда очень удобно было обстреливать нас! С десятков солдат, которые плыли со мной по реке, прятали головы от пуль за бревнами нашего импровизированного плота. Я же лежал на бревнах — живая мишень — и только на Б-га надеялся...

Хоть вещи с себя и оружие пытались сбросить, но в реке не особенно и разденешься! Все же потихоньку пытались грести. Наконец, пристали к берегу у какой-то деревеньки. Сколько нас вышло на берег — не знаю, но это были единицы, — многие остались на дне той реки.

Полуголые вошли в деревню. В домах никого не было. Искали возможность как-то приодеться. В теплой еще избе мы хотели одного — найти еду и какие-то тряпки. Вход шло все, что можно было найти: женские туфли, с которых сбивали каблуки, кофты, рубахи.... В таком виде мы и отправились по направлению к Ленинграду. Первый шокот того, что живы остались, прошел. Потом посмотрели на себя — настоящий карнавал. Тут-то и стали шутить друг над другом, смеяться. То ли от радости, что вышли невредимыми из переделки, то ли от вида своего нелепого.

ВОЛК

В сорок первом советские войска были окружены под Ленинградом. Каждый выбирался из этой петл как мог. Вокруг было немало людей. Но было ощущение, что все боятся всех: где свой, где чужой?

Я шел к Ленинграду через лес один. К вечеру захотелось спать. Заснул на поляне. Проснулся от того, что кто-то смотрит на меня. Почувствовал это кожей. Открыл глаза – стоит надо мной волк. Это от его взгляда я проснулся.

Я зашевелился, – волк ушел. Я не испугался его. В то время в лесу было много трупов, и волки были сыты.

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

Советская артиллерия нуждалась в координации огня по силам противника. Мы с товарищем должны были засекать огневые точки противника, наносить их на карту и передавать в штаб для координации огня. Разведка, многочисленные переходы развили во мне способность к работе с картой, особое чутье. В своей роте я был лучшим в «чтении карт».

Наблюдение велось с одной из вышек – они еще до войны были в каждой деревне, каждом колхозе – бревенчатые возвышения – около 10 метров высотой – с маленькой площадкой сверху, без перил. Оттуда можно было видеть лес, поле, предупреждать о пожарах.

Сидим мы с другом на вышке, при нас карта, рация. Из-за лесочка стреляют. И наши, по информации, которую мы передали, тоже начинают к немецкой огневой точке пристреливаться.

Немцы быстро поняли, что кто-то направляет огонь. Неожиданно над нами стал кружить самолет. Сперва мы не обратили на него внимания – летит себе и летит. А он приблизился и стал поливать нас из пулемета. Потом еще один заход, потом – третий круг. Мы бросились с вышки вниз. Еле удалось скрыться в лесу.

ЯШКА

Была уже осень. Октябрь или ноябрь. Советские части отходили. В одной из деревень, где разместились на ночь, избы были уже забиты пришедшими до нас частями. Сунулись в один дом, в другой – везде столько народу, что не пускают. Приятель, с которым мы шли, приткнулся все же в каком-то из домов. Я пошел дальше. Вижу – изба, постучался – тишина, никто не отвечает. Открыл дверь – тишина.

– Есть тут кто? – кричу в темноту.

– Заходи, заходи, – отвечают.

Я зашел. Свету нет, темно. Слышу старческий голос:

– Ты, сынок, ложись, где хочешь на полу. Места другого нет.

– Да мне больше ничего и не надо!

Свалился от усталости и мгновенно заснул. Ночью кто-то меня трясет:

– Вставай, сынок, помоги!

Черт, едва улегся – тут будят, спать не дают. Открыл глаза. Окно завешено, а коптилка чадит.

– Сынок, помоги, дочка рожает!

Тут-то я сразу и проснулся! Сами понимаете, сколько в избе той свету было. Чувствую, – дед подталкивает меня к роженице:

– Ты бери детеныша, бери!

Я взял. Видимо, роды прошли быстро. Младенец лежал уже рядом с матерью, только пуповина тянулась от неё к нему.

– Пупок-то отрежь!

– А чем резать? – я был в полной растерянности, никогда до тех пор не приходилось бывать в такой ситуации. Вдруг вспомнил – у меня есть «финка»! Вытащил её, провел пару раз над огнем коптилки, чтобы микробы убить, все в каком-то полусне. Будто и не со мной это происходит!

– Отрезал? Завязывай теперь!

– Господи, да не могу я, не умею!

В итоге, дед сам справился с пуповиной. Хорошо, в печке была готова теплая вода.

– Помогай, – требовательно сказал дед.

Представляете, держу я в руках этот маленький комок в полутемной избе. Обмываем его от крови и слизи. Еще та картина!

Мать дала новорожденному грудь. В дверь застучали:

– Выходи строиться!

– Солдатик, тебя как кличут, скажи! – спросил дед.

– Яшка.

– Значит, будет Яшка!..

Где этот Яшка теперь? Даже места этого при всем желании не вспомню и не найду: пришли ночью, ушли спозаранку. И были до того измученными и уставшими, что было не до того, чтобы название деревни спрашивать...

ВДВОЕМ ПОД МОСТОМ

Закончили разведку. Разведданные нужно было срочно передать в штаб. Путь шел через болото. На болоте – гать – бревна, по которым можно было переходить без опаски быть затянутым в трясины.

В самом глубоком месте – небольшой мостик.

Идем с моей напарницей Ниной – она была на полгода старше меня – разговариваем. Вдруг – сзади стук лошадиных копыт. Повернули головы, видим – немцы. По счастью, они нас заметить не успели! Бежать некуда, вокруг болото, трясины. Прыгнешь в сторону от гати – пропадешь!

Увидели мы с Ниной мостик посреди гати и нырнули под него. Вода доходила до подбородка. Держались за сваи мостка.

Б.Е.

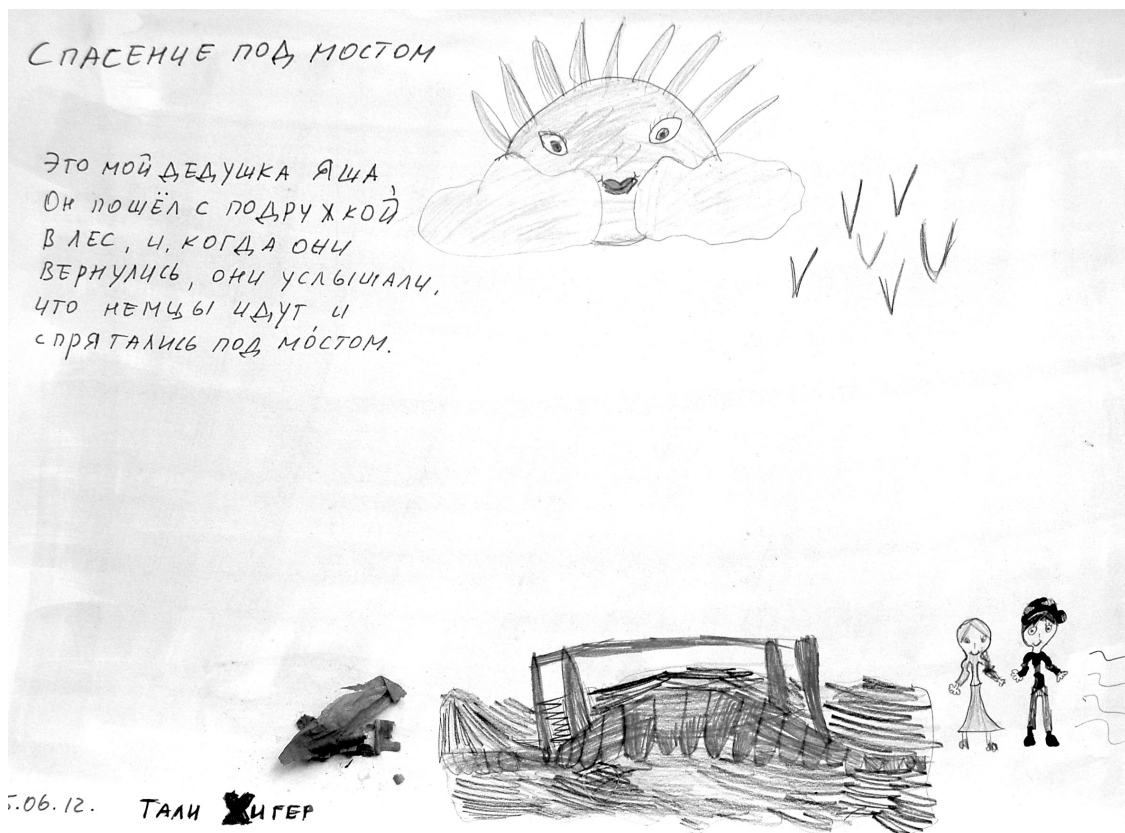

Рисунок Тали Хигер, внучки Якова Вильковича

Увидели мы с Ниной мостик посреди гати и нырнули под него, держались за сваи мостка. Вода доходила до подбородка.

Немцы начали переправу. Было страшно, что в любую минуту нас могут обнаружить. Над нашими головами стучали копыта, гремели колеса, мы слышали немецкую речь и смех ... Кое-что даже понимал, не даром в школе учил до войны немецкий!

Когда бревна прогибались под тяжестью лошадей, повозок и тел, голову приходилось погружать в болотную жижу – слишком низко лежал мост.

Просидели так мы несколько часов. Даже когда переправа закончилась, продолжали еще сидеть под мостом, чтобы быть уверенными, что немцев вокруг нет. Сидели, как мыши, и смотрели друг на друга. Не думали ни о том, что хочется в туалет, ни о том, чтобы прокашляться... Все эти естественные мысли и желания пришли потом. В минуту опасности переживали только её. Может, поэтому в годы войны люди почти не болели. Все болезни вернулись уже после Победы.

«ЯЗЫК»

Мы возвращались с очередного задания, стараясь не выделяться в общей массе. «Языков» не брали, чтобы не тащить за собой обузу тридцать километров по тылам. Шли, беседуя друг с другом, и тут перед нами – пьяный немец. Понятно, что мы его разоружили. Но немец повел себя весьма нахально! Лег

на землю и всем своим видом дал понять, что не двинется с места! Оставлять его было опасно. Тогда я сказал ему на смеси идиша и немецкого:

– Ты чего хулиганишь? Сейчас сделаю из тебя покойника!

Я снял с него ремень, сапоги, достал свой пистолет, приставил к его голове и – в последнюю секунду – выстрелил... мимо.

Немец побледнел. Немедленно протрезвел и стал «шелковым». С той минуты до самого нашего прибытия к своим, каждое мое приближение к нему вызвало у пленного приступ паники.

К МАМЕ!

Выйдя из окружения и добравшись до Ленинграда, я решил первым делом повидаться с мамой, узнать, как она. Подошел к дому – мы жили на высоком первом этаже, так называемый «бельэтаж». В подъезд заходить не стал. Боялся, что соседи услышат шаги или звонок, решат, что я дезертировал, и сдадут меня. Тогда был неминуем расстрел.

Я подпрыгнул, подтянулся до окна и постучал в стекло. В комнате увидел маму. Она оглянулась на стук и застыла в ужасе. Дело в том, что меня не было довольно долго. Так что извещение о том, что я пропал без вести, меня опередило.

Так мы и смотрели друг на друга: я – с улицы, мама – из комнаты. В какой-то момент мама позвала брата. Тот открыл мне дверь.

Я был страшно голоден. Мама поставила передо мной кастрюлю макарон. Я набросился на еду и опустошил всю кастрюлю.

Уже потом мама с сожалением открыла мне, что я съел двухдневный запас еды.

Яков Вилькович

Родился 25 августа 1933 года. Ушел в ополчение добровольцем в первый же день войны, 22 июня 1941 года, а вышел из армии весной 1969 года. Служил двадцать лет на Балтийском и Дальневосточном флотах. Капитан второго ранга.

Окончил автотранспортный техникум и Ленинградский филиал Московского автодорожного института. В 1998 году репатриировался в Израиль. Ведет большую и разнообразную общественную работу.

ААРОН ВЕРНИЦКИЙ

ВОСПИТАННИК ДИВИЗИИ

Арик Верницкий.
1945 год

Когда началась война, еврейскому мальчику Арону Верницкому исполнилось 5 лет. Были у него, как и у других детей, папа, мама, сестра. Папа – Давид Аронович – инженер, мама – Сара Абрамовна – учительница. 21 июня вся семья праздновала день рождения Арончика (Арика). Это был последний праздник счастливого и беззаботного детства. А через день Минск пылал. Сгорел дом, где жила семья, и им пришлось переселиться к родственникам. Отца забрали на фронт, а он с мамой и старшей сестрой оказались в оккупации. Вскоре было создано гетто. С каждым днем жизнь становилась тревожнее, опаснее, голоднее.

Арик вспоминает:

Во время облавы мама услышала шаги, топот немецких сапог во дворе дома. Мама и сестра понимали, что пришли за нами. Вместе с другими евреями, нас согнали в колонну и повели. Куда нас гнали, никто не знал, но никто не питал иллюзий. Я спрашивал у мамы, куда нас ведут. А она, украдкой вытирая слезы, прижимала меня к себе и говорила, что все будет хорошо, чтобы я не боялся и помнил о медальоне, который она заранее зашила в мою курточку. Медальон был важен тем, что в нем находилась записка со всеми моими личными данными...

Когда мы оказались у кромки рва, то выстрелы не заставили себя ждать. При первых же выстрелах, мама толкнула меня вниз, в ров. Я упал и потерял сознание, ударившись головой. Я не помню, сколько времени пролежал под трупами. Но когда пришел в сознание, то было уже темно. Я начал плакать, и это услышала пожилая женщина. Она искала кого-то среди мертвых тел. Она вытащила меня из-под трупов, привела к себе, накормила и спрятала в сарае. Затем дала мне на дорогу хлеба, картошки и сказала, чтобы я уходил в лес, так как здесь хозяйничают немцы и полицаи, а это опасно и для нее, и для меня. Так началась моя бродячая жизнь.

Шестилетний ребенок скитался, укрываясь в лесу, прячась в сараях, скирдах, курятниках; воровал картошку, кур, находясь в постоянном страхе, избегая немцев, полицаев и селян. Не раз селяне, к которым он залезал в огород или сарай в поисках пропитания, ловили, били и прогоняли его.

Спустя некоторое время он встретил такого же сироту, русского мальчишку Мишу, ему было лет 12-13. Так они вместе, держась друг друга, скитались. Миша, на правах старшего, верховодил. Наступали холода, и выживать стано-

вилось все тяжелее. Обессиленные, голодные они, конечно, не пережили бы зимы.

– Однажды, холодной декабрьской ночью 1943 года, нас обнаружили солдаты роты связи 75-ой Гвардейской стрелковой дивизии, которые брали сено для лошадей. Привели в часть, отмыли в котлах; одежду, кишашую насекомыми, сожгли, постригли, накормили. Так началась новая жизнь. Мне и Мише «светила» отправка в тыл, в детский дом, но для меня это могло означать смерть,

Победа!

так как я был очень слаб и не смог бы постоять за себя при тогдашних, далеко не дружеских, нравах в детдомах. Да и помывка в бане вместе с другими мальчишками ничего хорошего не сулила еврейскому мальчику. На мое счастье, мы с Мишей остались в части, в роте связи. И с января 1944 года мы стали воспитанниками дивизии. Нам выдали обмундирование, окружили заботой и любовью.

Солдатам Арик и Мишка напоминали их собственных детей, потому-то и относились к ним как к родным сыновьям. А мальчишки, в свою очередь, старались помогать, чем могли: были посыльными, носили еду и чай в окопы, помогали восстанавливать связь, крутили бинты в медсанбате, чистили снаряды, работали на кухне. В перерывах между боями их учили читать и писать. Учебников и тетрадей не было. Учили по газетам, на газетах и писали...

Война катилась на Запад. За спиной остались Белоруссия, Прибалтика, Польша. В одном из боев на польской земле в январе 1945 года погиб Миша. Немецкий снаряд угодил в блиндаж, погибли все, кто в тот момент был там. Арика в блиндаже не было, он сидел снаружи. Это спасло его, но был контужен и потерял на время слух и зрение.

А потом была Германия, уличные жестокие бои в апреле. И долгожданная Победа! Знамя Победы над Рейхстагом и надпись, сделанная корявым детским почерком: «Мама, мы отомстили!».

Литературная запись – Яков Хелмер.

Аарон Верницкий

Родился 21.06.1936 в Минске в семье интеллигентов. Закончил музыкальное училище и всю жизнь отдал работе с детьми и молодежью. Работал старшим вожатым в «Артеке», в Ленинском районе Крыма создал Дом пионеров, которым руководил более десяти лет. Работал культторгом в пансионате для работников Байконура. В Израиль репатриировался в 1997 г.

Умер в Ашдоде 14 января 2006 года.

ЕВГЕНИЯ ВОЗНЕСЕНСКАЯ (ШЕЙНДЕЛЬ)**ЖЕНЬКА-СПАСИТЕЛЬНИЦА...**

ИЗ Житомира выезжать было поздно. Все, кто могли, – уехали. Поезда не шли. Улицы города опустели. Мама узнала, что перевозчики грузов собирают подводы, чтобы выехать своими силами. Она побежала к ним – жили они на нашей улице, а родители были уважаемыми в городе людьми. Мама упросила их разрешить идти с телегами. Договорились, что по ровной дороге мы будем идти пешком, когда же подъем будет крут или дорога будет идти вниз – сядем на подводы, чтоб не задерживать обоз.

Был момент, когда, волею судьбы, я спасла всю нашу колонну.

Так как возчики были людьми неграмотными, то все время они спрашивали, куда нужно ехать. А я тоже не знала.

Однажды обоз остановился в селе возле военной столовой.

Я сидела на подводе, свесив уставшие ноги. Из столовой вышел высокий русский парень и направился прямо ко мне. Я даже испугалась, так как он был немного пьян.

– Девушка, мне тебя жалко, – сказал парень. – Я заметил, что ваша колонна едет прямо к немцам. Я сейчас сяду в машину, а ты запомни, в каком направлении мы поедem. Мы отступаем от немцев, вы езжайте за нами!

Так мы ушли от немцев. А дальше, уже на поезде, ехали на Урал...

Вознесенская Евгения (Шейндель)

Родилась в г. Житомир в феврале 1924 года. Училась в г. Первоуральск в Институте легкой промышленности, эвакуированном из Киева. Закончила с отличием экономический факультет. 31 год проработала на фабрике им. Смирнова – Ласточкина – крупнейшей швейной фабрике Украины. Репатриировалась в Израиль в 1990 году.

ИННА ГАЛАНЦАН-ТАРАСОВА

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Прошёл первый день войны. Вечером жители Слуцка начинают волноваться – приближается вторая ночь, все боятся оставаться в городе – его бомбят. В первую же ночь немецкой авиацией были уничтожены электростанция и водонапорная башня – немцы хорошо осведомлены. Брат Лёва решительно заявляет: «Я уйду из города», Рува, как нитка за иголкой, никогда не отставал от брата – «я тоже».

Оставались только двое пожилых родителей и я. Мама решает: мальчишек не удержать, надо быть всем вместе – на ночь уходим из города в поле, а утром вернёмся домой.

С наступлением сумерек мама взяла документы, подстилку, одела меня в старенькое байковое («бумазеевое», как тогда говорили) платье, затем – ещё одно... Одела меня в пять штук, одно на другое – ночи холодные. Нарядное бархатное достала, но положила обратно в комод (жалко в поле). Родители закрыли дом, и мы ушли ночевать в поле за город, чтобы никогда больше не вернуться.

Ночью в разных местах города вспыхивали пожары от бомбёжки. На рассвете нахлынувший поток бегущих из города людей поглотил и нас. Мама хотела ещё вернуться, взять какие-нибудь вещи и еду, но Лёва сказал «нет» и пошёл за всеми, Рува за ним. У родителей не осталось выбора, и мы все вместе пошли прочь от нашего дома. Так, Лёва, как библейский Моисей, повёл нас от огня, а мудрое мамино решение, держаться всем вместе, спасло нам жизнь.

5 июля 1941 г. Слуцк заняли германские войска. Нескольким сотням евреев удалось к этому времени эвакуироваться из города; из-за отсутствия транспорта многие уходили пешком.

Так мы стали «беженцами», и людская река вынесла нас на дорогу Слуцк – Речице. На развилке Речице – Бобруйск смешались со встречным потоком из Речице – немцы уже перекрыли эту дорогу. Перепуганные люди побежали домой, обратно в Слуцк. На разъяснения уставшие и обезумевшие не обращали внимания – хотелось укрыться дома. Мы повернули на Бобруйск – Могилёв.

Весь этот поток выглядел так: посредине по асфальту мчались, отступая от границы, на большой скорости, крытые брезентом военные грузовики. Как сейчас выясняется, это было добро некоторых наших военных начальников и их семьи. По обе стороны от них ехали телеги, запряжённые лошадьми, доверху нагруженные домашним скарбом, а сверху сидели дети – так убегали деревенские жители, у которых были лошади. По краям дороги, рядом с ними, бежали люди уже по грунтовой обочине, время от времени оглядывая горы песка и щебёнки – дорогу собирались расширять.

Мы бежали. Рядом с дорогой ярко зеленели леса и нарядно цвели заболоченные белорусские полянки с тоненькими берёзками. Все пять потоков двигались в одном направлении, только цветочные полянки и леса – назад. Временами движение нарушалось, над дорогой появлялись самолёты, бомбили, и те, кто бежал по краям, ссыпались с дороги и прятались, где могли.

Родители пожилые, мне 6 лет. С нами вместе бежали родственники – семья маминого брата: тетя Сима, её дочь Бася, больная астмой, с детьми – Сёмой 6-ти лет и дочкой Раей, которой полтора года.

По роковой случайности муж Баси – Яков Оркин оказался в эти дни в Слуцке. Арестованный в 1939 году инженер, перед самой войной вдруг был отпущен. При нём была только справка об освобождении. Он бежал с маленькой дочкой на руках и помогал своей больной жене, которая задыхалась. Не мог их бросить. Решил добраться до какого-нибудь транспорта, посадить жену с детьми и явиться на призывной пункт, как должен был поступить.

В какой-то момент бежавшие по обочине люди стали огибать что-то лежащее на пути. Приблизившись, мы увидели мужчину, на груди у него был кусок фанеры с надписью углём: ДЕЗЕРТИР, он был расстрелян. Наглядное пособие сработало – все родственники очень испугались и стали уговаривать Яшу зайти в ближайший призывной пункт по дороге и объяснить положение, попросить на день-два отпуск. Так он и сделал. Его тут же взяли и отправили в штрафбат. Больше его никогда не видели. В результате – извещение через много лет – «Пропал без вести».

А мы бежали дальше. Иногда папе удавалось прижать меня, почти вертикально, к гружёной телеге и, придерживая руками, бежать в её темпе, недолго – сердце у него было слабым. Так я увидела движущийся поток сверху и сзади нас. Всё выглядело странной рекой с быстрым движением посередине и постепенно замедляющимся к краям. Врезалась в память такая картинка: за телегой бежит молодая женщина, видно жена военного; держит за руку мальчика лет 5-7. Она кричит, чтоб посадили и её ребёнка, но никто не слышит, и сажать некуда. Женщина вдруг отпускает его руку, начинает кружиться, как в танце, и исчезает посередине дороги. А мальчик продолжает бежать за телегой, зовёт маму, просит посадить его тоже и... теряется в толпе. Минутная сценка, а помнится всю жизнь.

Однажды мы отдыхали на опушке леса, перед нами была зелёная поляна с ярко цветущей болотной травой. Мы, дети, бросились рвать травинки с красными, как рваные тряпочки, цветочками. Набрали довольно большие букеты, как вдруг рядом оказались взрослые, вырвали из рук цветы, бросили на землю, а нас уволокли в лесок. Оказалось, над нами уже заходил, прицеливаясь, самолёт с крестами, и немецкие лётчики, играя, охотились за нами. А мне запомнилось чувство обиды за отобранные и брошенные на землю цветы.

Сколько продолжалось это бегство длиной в 300 километров?

Никто не запомнил, но очутились мы на большой вокзальной площади, усталой лежащими, сидящими и двигающимися людьми, такой большой муравейник. Это был Могилёв. Все пытались попасть в товарные эшелоны, идущие на восток. Через какое-то время мы со всеми родными попали в вагон. В теплушке (вагоне) было столько людей, сколько смогло поместиться: сидя, стоя, кое-кто лежал. Так мы доехали до города Мичуринска, та же вокзальная площадь, только тут всех регистрировали и спрашивали кто куда хочет ехать. Папины две сестры в 20-е годы, имея свой дом, немного земли, хозяйство, нажитое своим трудом, боясь раскулачивания, уехали из Слуцка на Урал в г. Златоуст. Родители решили поехать к ним. В основном все беженцы уезжали в Среднюю Азию, к теплу, т.к. бежали летом, тёплой одежды ни у кого не было, а может, и по другим соображениям.

А до формирования составов беженцев разбирали по домам жители Мичуринска. Нас – две семьи – взял к себе местный священник, выделил нам комнату, накормил и единственное о чём просил, чтобы дети, а нас было пятеро, сами ничего не рвали и не портили в саду. Каждое утро у нас на столе появлялась большая миска чёрной смородины. Братья ещё умудрились наворовать яблоки в знаменитом Мичуринском саду, за что священник крепко пожурил их. За Мичуринском уже вспыхивали зарницы. Война шла по пятам.

Недели через три подошла наша очередь на поезд. Семья, приютившая нас, дала нам с собой большую подушку и большое ватное одеяло – это было целое состояние. Мама всю жизнь берегла, чистила их, бережно относилась и помнила о добре.

Поезд состоял из 60 вагонов и двух паровозов: один впереди, другой в конце. Никаких полок, скамеек – все на полу на подстилках, котомках, соломе. У торцевой стены в начале вагона сидела толстая бабка и, пересыпая в ладонях чёрные бобы, гадала желающим за еду, деньги, ценности.

Ещё в нашем вагоне ехал старый еврей с бородой. Он почти всё время молился, покачиваясь под стук колёс вперёд – назад. На плечах у него была расшитая золотом и чёрным белая накидка – Талес. Он всегда обращался лицом в сторону движения поезда – на восток, а получалось, как будто к гадалке. Так они вдвоём работали на наше общее будущее: одна пыталась угадать, а другой просил у Б-га спасения.

Мы ехали очень медленно, стояли подолгу на путях, пропуская военные эшелоны с солдатами и техникой на запад. Иногда наши поезда останавливались рядом. Мы, дети, подбегали к военным и они, с жалостью глядя на нас, давали нам кусочки сахара, хлеба или печенья. Наш поезд на поворотах был похож на длинного изогнутого дракона с двумя пыхтящими головами. Так мы пересекли Волгу в одном из её широких мест и упёрлись в Уральские горы.

Прибыли в г. Златоуст. Нам предоставили отдельную комнатку, определили меня в детский садик, братья поступили в медицинский техникум, папа на военном заводе сколачивал ящики для снарядов.

Нам дали участок спиленного леса вдоль линии электропередачи – там раньше росли стройные высокие сосны, что пошли на ящики для снарядов; а землю с мощными пнями и глубокими корнями мы готовили для посадки картофеля, т.е. выкорчёвывали пни с корнями и вскапывали. Как это делали группа пожилых людей и столько же детей, представить трудно, но сохранились фотографии этого «боевого» отряда. Я у брата на руках, послушно улыбаюсь.

Рано наступила суровая уральская зима, папа очень тяжело болел. Его уволили с работы и перевели на инвалидную пенсию. Из Средней Азии приходили письма от родственников. Писали, что там тепло, и можно прокормиться. Папа стал настаивать на переезде, говорил, что не переживёт зиму, много курил, выменивал хлебную карточку на махорку. Мама поддалась на уговоры, и мы уехали к теплу в г. Андижан, через Новосибирск – Алма-Ату – Ташкент. Там нас, естественно, никто не ждал. В комнате, где жили наши родные, на 24 квадратных метрах уже проживали шесть или семь семей. У самых «богатых» из них даже были занавески, но и эти люди категорически отказались предоставить нам угол.

Родителям сказали, что в старом городе за небольшие деньги можно снять маленькую комнату. Договорились. Папа взял узел со всем нашим скарбом на спину, мальчики тоже что-то несли в руках, мама держала меня за руку, и мы двинулись в путь по указанному адресу. Шли долго. Прибыв на место, за забором мы увидели мазанку с земляным полом, с одной дверью, без окна. Пять-шесть квадратных метров – вся «квартира». Из-за углов и занавесок выглядывали взрослые, дети... Нам даже не открыли калитку, и никто не вышел.

Постояв немного, папа молча повернулся и, тяжело ступая, пошёл обратно. Мы за ним. Вернувшись, отец снял узел с вещами, опустился на стул и молчал. Молчали все. Я залезла к нему на колени и хотела поделиться с ним чем-то съедобным, но папа отказался со словами: «Нет, Инночка, кушай сама – мне

уже ничего не нужно». Это были последние его слова, услышанные мной. В эту же ночь он умер, на восьмой день нашего приезда.

Как стало известно позже, за месяц до того было сожжено гетто в Слуцке вместе с нашим домом. И дом, и папа, построивший его, ушли один за другим...

Мама была сильной духом и умной, всё могла продумать, принять решение и действовать по плану. Её жизненная установка и присказка: «человек сам не знает, что он может перенести» соответствовала истине. Люди, знавшие её со Слуцка, нуждались в маминых советах, разыскивали её, она находила для них выход из сложных жизненных ситуаций, ободряла и всегда кормила. Ожидание писем с фронта и как прокормить семью стало ежедневной заботой. Братьев взяли на сезонную работу в маслодавательный хлопковый цех. Они иногда умудрялись принести домой за голенищем ватку, смоченную маслом и выдавить несколько капель на блюдце для нас – малышей. О, как это было вкусно, но и очень опасно: могли судить и наказать. Мы, малыши, собирали на базаре косточки от абрикосов, разбивали их камушками – они были сладкими; играли с кошками, купались в мутном от глины арыке (ручье).

Надо было жить. Мама нашла работу в редакции местной газеты: была ночным сторожем и поливальщиком улиц. Прочитывала за ночь свеженькую газету. Однажды в газете была обнаружена опечатка – в слове Сталинград была пропущена буква «р». Редактор, молодой, красивый, интеллигентный одинокий узбек (мама иногда стирала и чинила ему рубашки) навсегда исчез, нельзя было ни рассказывать, ни спрашивать о нём.

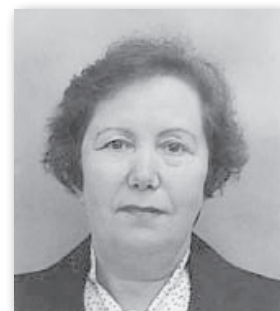
Иногда мама брала меня с собой в редакцию ночевать. По большим настенным часам научила меня римским цифрам. Откуда она их знала с четырёхклассным образованием еврейской школы? Догадалась.

Однажды, рано утром, когда все ещё спали, мама бежала из редакции домой так быстро, как могла, – ноша была необычная. Ноги подкашивались, рот смеялся и кричал, а из глаз рекой лились слёзы – такой мы увидели маму на пороге нашей комнаты...

– Война... Кончилась война!!!

Инна Галанцан-Тарасова

Родилась 8 мая 1935 в г. Слуцк, Белоруссия. 1941-1945 годы провела в эвакуации на Урале и в Узбекистане. В 1945-1990 г. жила во Львове. Образование – высшее, инженер – механик. Конструкторский стаж – 30 лет. В Израиле с 1990 года. Репатриировавшись, 11 лет проработала по специальности.

БОРИС ГИНЗБУРГ

МЕСТЕЧКО ПО ИМЕНИ «ЛЕНИН»

Я родился в декабре 1923 года в местечке Ленин в глубинке Полесья в большой семье, где нас было 10 детей, – шестеро братьев, (один младший, а пятеро старше меня), и три сестры. Наше местечко (сейчас большое село) находилось на 9-ом километре шоссе Микашевичи – Солигорск, на реке Случь. До 1939 года по этой реке проходила граница между Польшей и СССР. Нынешнее село Ленин, а в прошлом оживленное еврейское местечко, – одно из многочисленных подобных населенных пунктов, разбросанных по бывшей черте оседлости. Местечко – это небольшой городок, или, как иногда говорили, – «еще не город и уже не деревня». Главное, чем отличались местечки от городов, так это отсутствием оборонительных сооружений.

В советское время местечко называлось Ленин, но к «вождю мирового пролетариата» это название никакого отношения не имело. При этом, как при царской власти, так и в период вхождения в состав панской Польши, жители поселка Ленин пережили много курьезных ситуаций, связанных с его названием. Иногда даже попадало за это. Так, к примеру, встречает полицейский на дороге человека и спрашивает: «Куда идешь?» «До Ленина», – отвечает тот, и в итоге получает нагайкой по спине. Поляки пытались переименовать местечко, пробовали дать ему название Згорелое, а позже Сосновичи, в честь своего генерала-пограничника, но ни одно из этих названий в обиходе жителей поселка так и не закрепилось – все Ленин, да Ленин. Так и повелось.

До Великой Отечественной войны в местечке проживало около пяти тысяч человек: евреи, православные, католики. Две тысячи евреев, 1.500 белорусов, 500 поляков, а еще у нас жили русские, латыши. Местечко занимало сравнительно небольшую территорию и включало пять основных улиц – Лаховская, Подлипенская, Главная, Еловая и Злодеевка.

В центре местечка была небольшая площадь, на которой располагалась гмина (управа) польской администрации и усадьба богатого человека Зарецкого, его оптовый магазин и склады. Население местечка состояло из ремесленников разных специальностей: столяров, плотников, кузнецов, портных и других. Преобладающая масса крестьян – бедняков имела небольшие наделы своей земли или работало батраками у польских помещиков в округе. В местечке все жили дружно, чтити религии и обычаи друг друга. Была одна церковь, один костел и две синагоги.

Большинство населения Ленина составляли евреи, работали две частные платные еврейские школы и польская гимназия – семилетка.

Наш дом из шести комнат стоял на улице Лаховской, на берегу озера. Вокруг дома – три огорода и большой сарай, где содержались лошадь и корова.

Была и своя ледовня, где зимой заготавливали лед. Отец был рабочим у купца, торговавшего лесом, братья постарше стали ремесленниками разных специальностей, обучались у хозяев частных мастерских.

В местечке улицы были немощеные, после дождя – непролазная грязь. Зато с обеих сторон – деревянные тротуары. В домах большей части крестьян полы были, в основном, глинобитные. Между тем, в хорошую погоду чистота улиц соблюдалась: каждый хозяин дома должен был убирать свой участок до середины улицы. За этим строго следил полицейский сержант, пан Пацоха, высокий, всегда с нагайкой, его все боялись, как огня.

Зимой крестьяне санями в воловьих упряжках вывозили навоз на поля целыми обозами. Более зажиточные, кроме волов, имели и неплохих коней. Урожай хлеба в наших краях был низким. У большинства крестьян своего хлеба хватало только до весны, затем перебивались кое-как. Одежду носили, в основном, из своих домотканых материалов, почти в каждом доме был ткацкий станок. Для этих целей на полях выращивали лен и коноплю, которые после уборки и подсушки к концу лета и осенью замачивали в озере. От конопляного запаха дохло много рыбы.

«ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ – РАССТРЕЛ!»

Войну я встретил семнадцатилетним юношей...

В июне 1941 года наш хор был приглашен в Пинск, где были собраны творческие коллективы с области для подготовки к концерту в столице. 22-го июня, на рассвете, испытал там первую бомбежку – бомбили Пинский речной порт. Пикирующие бомбардировщики, падающие бомбы и грохот разрывов – все это приводило в ужас. Несмотря на начавшуюся панику, руководство города смогло нам предоставить два грузовика ЗИС-5, и к вечеру мы благополучно добрались до своего местечка. Там уже знали о начале войны из выступления Молотова. Воцарилась паника. Уже 23-го июня в местечке появилось множество гражданских беженцев из Бреста, Пинска, Лунинца и других приграничных населенных пунктов. На месте бывшей польской погранзаставы власти организовали пропускной пункт. Это было очень удобно, так как прежняя граница как раз проходила по реке Случь, переправой через которую служили два деревянных моста. Командовал переправой и контролировал поток беженцев некто капитан Аристов из НКВД, со своим отрядом. Переход через этот пункт осуществлялся только по пропускам. На следующий день к мостам хлынул поток отступающих красноармейцев.

Жителей местечка, евреев, желающих перейти на восточный берег, через мост не пропускали! А 26-го июня солдаты из отступающих частей взорвали оба моста, ликвидировав, таким образом, переправы и пропускной пункт. Спасительный путь на восток был для нас отрезан...

Некоторые переправлялись вплавь на «советский берег». Но, по большому счету, никто не успел уйти... И в армию успели призваться считанные единицы со всей округи, да и те – сразу оказались в окружении.

Уже на следующий день после взрыва мостов в Ленин вошли немецкие части. Обнаружив разрушенные переправы, они стали принимать срочные меры по их восстановлению. Сразу на помощь оккупантам в качестве прислужников пришли некоторые местные жители. Например, наш бывший сельский староста, Кузьма, который по поручению фашистов стал обходить все еврейские дома с приказом – немедленно выходить на работы по восстановлению мостов. Не унимались и немцы: они объезжали местечко на мотоциклах и угрожающе выкрикивали: «Шнель! Проклятые евреи! Быстрее!». И четыре дня подряд, с шести утра и до поздней ночи, под контролем, под крики и угрозы немцев, евреи восстанавливали мосты. И всем стало понятно, какие муки ожидают нас с приходом немцев. Некоторые жители все равно тешили себя надеждой, что немцы отнесутся к евреям снисходительно; наивно думали, что главный враг для фашистов – это коммунисты и красноармейцы, и именно на них будет направлена основная агрессия.

Но все оказалось далеко не так. А наша «сладкая жизнь» началась следующим образом. Прислужник Кузьма, шагая по улицам местечка и громко крича, созывал всех евреев собраться у гмины. Не зная в чем дело, многие жители быстро пришли на площадь целыми семьями, вместе с детьми. После того, как все евреи собрались, из дома Зарецких вышел немец, как оказалось, – комендант; поднялся на приготовленный заранее стул, так, чтобы его было лучше видно, и громко объявил:

– По приказу фюрера, с сегодняшнего дня все евреи местечка будут жить по правилам гетто, а это значит: мужчины в возрасте от 13 до 60 лет должны каждый день являться на работу. За неявку – расстрел.

– На левую руку все обязаны надеть белую повязку и к ней прикрепить шестиконечную звезду, – продолжал Кузьма, – за невыполнение – расстрел.

– По тротуарам ходить запрещается. За невыполнение – расстрел.

– С наступлением сумерек на улицу не выходить. За ослушание – расстрел.

– Запрещается зажигать свет в еврейских домах. За невыполнение – расстрел.

И так далее.... За все – расстрел... Запретили общаться с белорусами и поляками. На еврейских домах нарисовали шестиконечные звезды. На гетто наложили первую контрибуцию – собрать и отдать 3 килограмма золота. Если не соберем золото, будет расстрелян каждый третий еврей из местечка.

Тут же было приказано выбрать «юденрат» – группу из местных евреев, через которую будут передаваться распоряжения и требования немцев к еврейскому населению местечка, живущему в условиях гетто. Надо сказать, что впоследствии немцы не пощадили и членов «юденрата». Из толпы вышли геройские люди: Арон Мильнер, Янкель Лазебник, Мойше Кравиц, Исаак Колпаницкий и Иосиф Рубинштейн.

Тут же комендант объявил, что именно через них будут передаваться немецкие указания и распоряжения, которые евреи обязаны неукоснительно выполнять. Если какое-то указание не будет выполнено, – незамедлительно последует расстрел 150-ти евреев.

И уже на следующий день «юденрату» было приказано вывести на работу 125 человек с лопатами на ремонт дороги на Микашевичи, которую местные жители называли Лысая гора. Остальные группы отправили на работу в местечке. Тех, кто чуть расслаблялся, немцы хлестали нагайками.

Сразу начались грабежи. Немцы взломали дверь склада нашего швейно – сапожного кооператива, и учинили погром, а местные жители, воспользовавшись ситуацией, разграбили всю мануфактуру, кожматериалы и оборудование. Так для евреев местечка начался первый этап страданий, но самое страшное – еще предстояло пережить.

В ОБОЗЕ

В один из дней в конце сентября 1941 года немцы организовали обоз из подвод крестьян. Так как у нас была лошадь, солдаты приказали отцу явиться с подводой. Отец уже был стар, дома решили, что мне придется заменить его.

Рисунок Б. Исельсона

Рисунок Б. Исельсона

В назначенное время все подводы собрались. Загрузили все 20 телег мешками с награбленным немцами зерном и двинулись на станцию Лахва. Железная дорога была километрах в тридцати от нас.

По дороге один из сопровождающих, молодой эсесовец, узнал от кого-то, что в обозе есть «юде», то есть я. Фашист уселся на мою телегу. Наш тощий конь и без того еле шел, нагруженный зерном. А тут – дополнительный седок. В глубокой песчаной колее конь стал застревать и отставать от других. Обозленный фашист нашел причину выместить на мне свой гнев: он стегал меня кнутом всю дорогу.

На хуторе возле местечка Синковичи я увидел женщину, в огороде дома которой пасся конь. Я бросился к ней и слезно просил, чтобы она дала мне своего коня на время. А на обратном пути со станции я вновь поменяю лошадей. Она согласилась.

Прибыв на станцию Лахва, мы сразу приступили к разгрузке зерна. Уже смеркалось. Вдруг, я услышал голос знакомого мне фашиста, который бегал среди подвод и искал «юде». Представить себе обратную дорогу с ним, под ударами кнута... Это было выше моих сил!

Рядом с моей телегой стояла подвода Марии Царикович, соседки, которая жила на нашей же улице. Она услышала угрозы фашиста и крикнула мне:

– Берко, прячься под моей юбкой!

На ней был самотканый широкий гандарак. Я нырнул под него и затаился.

Когда уже совсем стемнело, обоз двинулся в обратный путь. Немцев с нами уже не было. По дороге я заменил чужого коня на полуголодного своего. Всю ночь взяла у меня дорога домой. Но благодаря смелости Марии я вернулся цел и невредим.

ВЕСТИ «ИЗ ЛЕСА»

Как-то по главной улице проехал санный обоз, на каждых санях сидело по три немца. Обоз двигался в сторону леса. Спустя несколько часов этот же обоз уже двигался в обратном направлении, а на санях лежали перевязанные бинтами солдаты. Было похоже на то, что немцы нарвались на партизанскую засаду. На следующее утро поступил приказ от коменданта: всему «юденрату» явиться к госпиталю. Люди долго стояли на морозе в ожидании.

Вышел главарь с двумя немцами и заявил, что вчера евреи напали на солдат вермахта, обстреляли их, и за это, в наказание, все евреи местечка будут сегодня расстреляны.

Арон Мильнер набрался смелости и попросил, чтобы ему дали сказать пару слов в защиту. Немцы отказались его слушать, но Арон попросил снова. И когда главарь разрешил ему говорить, Мильнер сказал: «У вас списки всех евреев гетто. Проверьте. Если хоть одного человека не хватает, то тогда выполняйте свой приказ, расстреливайте». И благодаря смелости Мильнера удалось на какое-то время предотвратить нависшую угрозу расправы.

Нельзя сказать, что люди не думали об уходе к партизанам, в лес. Просто, все знали, за уход из гетто – немцы расстреляли бы семью бежавшего, и еще, как минимум, треть гетто, в качестве заложников. Но даже если бы кто-то вырвался из гетто, то это ничего не гарантировало.

Местные жители разные попадались...

Было немало таких, которые выдавали немцам скрывающихся евреев. Еще в августе, трое наших «окруженцев» из Ленина были схвачены поляками из села Полупустевичи и выданы немцам на расправу. На каждом шагу полицаи, да и сочувствующих немцам и поддерживающих нацистов – тоже было с лихвой...

Это же Западная Белоруссия, а не Минская или Гомельская область... В западных областях советская идеология не успела пустить крепкие корни, да и недовольных новой властью было предостаточно. Очень много людей пропало по дороге в партизаны. Мне самому пришлось пройти этот путь, и я знаю, сколько людей не дошло до отрядов. Кого полицаи убили, кого партизаны –

«скуки ради» – расстреляли, а кого местные жители сами немцам отдали на растерзание.

К весне сорок второго года мы уже знали, что в брестских лесах скрываются небольшие вооруженные группы из «окруженцев». Но знали и другое – что евреев в эти отряды не очень-то принимают и нередко убивают, а если кого-то, по везению, «окруженцы» и взяли к себе, то только того, кто пришел со своим оружием.

Подобное отношение к беглецам из гетто немного изменилось в лучшую сторону только к середине 1943 года, когда Корж с Линьковым навели порядок и когда большинство партизан на западе республики стали советскими.

Но к тому времени, немцы почти всех евреев уже поубивали...

ЛАГЕРЬ В ГАНЦЕВИЧАХ

В конце марта 1942 года немцы отобрали шестьдесят молодых ребят, а через некоторое время еще одну группу специалистов – и увезли в концлагерь, в город Ганцевичи. В апреле из Ленина забрали еще 150 трудоспособных мужчин в возрасте до 60 лет и отвезли в тот же лагерь. Естественно, в эту категорию попал и я. Нас гнали пешком до станции Микашевичи, потом конвой загнал всех на скотный двор, где нас всю ночь продержали стоя под открытым небом, а к утру погрузили в два вагона – «телятника» и довезли до Лунинца, привели в местное гетто, где находились одни женщины и дети. Мужчин в этом гетто уже не было, их немцы куда-то угнали и уже, видимо, уничтожили. Вскоре нас снова погнали на станцию и в итоге повезли в Ганцевичи. И когда нас, 150 человек, конвоировали всего 10 полицаев, то в колонне начались разговоры, что надо убить охрану и разбежаться. С такой силой мы могли бы уничтожить охрану и в несколько раз больше, но старшие сразу нас осадили, попросили задуматься – что будет с нашими семьями, которые остались в гетто, если мы предпримем активные действия и уйдем в побег? Никто не хотел принести горе своим семьям, и стать причиной их неминуемой гибели. Это и было главной причиной, которая сдержала нас от массового побега по пути следования. Среди нас многие даже еще верили, что все мучения, выпавшие на долю еврейского народа, скоро закончатся. Судьба же распорядилась иначе, для нас все закончилось трагически. Концентрационный лагерь в Ганцевичах располагался в старом здании гостиницы и в близлежащих домах. Лагерь был огорожен высоким деревянным забором; сверху, в несколько рядов шла колючая проволока, и снаружи – тоже ограждения из «колючки».

Лагерь охранялся «смешанным составом» – немцами и полицаями. Кормили здесь так: в сутки давали по 300 грамм «хлеба» и один раз черпак супа – банды, которую готовили на лагерной кухне. Заключение лагеря выводили на работы ежедневно под усиленной охраной. Часть узников занималась строительством казарм, часть людей гоняли на строительство дороги. Группу моло-

дых ребят, в которую я попал, водили на кирпичный завод за городом, где мы одноколесными деревянными тачками таскали глину из карьера в гору, к формовочному прессу. Уставали страшно, так как работали голодными. Немцы назначили в лагере коменданта из заключенных. Им был еврей по фамилии Гринбойм, беженец из Польши, хорошо владевший немецким языком. Через него передавались все распоряжения и команды немцев. В лагере велась подготовка к массовому побегу, и руководил подготовкой наш комендант Гринбойм. Планировалось одновременно напасть на ряд объектов Ганцевического гарнизона, завладеть оружием, разгромить их и бежать в лес. Замысел был вполне реальным, так как разные группы заключенных работали на различных объектах и, исходя из этого, им отводилась специальная роль. Например, механики, работавшие в гараже гарнизона, должны были уничтожить охрану, захватить оружие и угнать несколько машин. Узникам – строителям поручили войти в контакт с местными жителями, работавшими на объектах, получить от них точные данные о дислокации партизан, и так же, в назначенное время, вступить в бой. Иными словами, каждая группа знала, что ей надо делать на случай побега.

Ждали лишь подходящего момента. Среди узников было много опытных грамотных людей. Были и те, кто до пленения служил в армии. Их и назначали старшими десятков, и именно они должны были выводить нас, молодых, из лагеря во время побега.

Что же касается судьбы главного организатора побега Гринбойма, то его расстреляли партизаны, объявив фашистским прислужником. А ведь это чудовищная несправедливость. Перед этим человеком все мы, оставшиеся в живых, в неоплатном долгу.

Немецкого праведника Шиндлера, спасшего сотни евреев, благодаря фильму Спилберга, знает весь мир. Гринбойм не Шиндлер, хотя бы потому, что сам был евреем. Но при этом он спас от неминуемой гибели более четырех сотен человек. Конечно же, часть людей погибла непосредственно во время прорыва, часть немцы позже выловили по лесам и расстреляли. Но, как бы то ни было, большая часть узников еврейского Ганцевического концлагеря дошли до партизан. И той участи, которая постигла Гринбойма, он явно не заслуживал... Но все это было позже.

А пока велась подготовка побега с одновременным нападением на гарнизон с целью его разгрома и захвата оружия. Без оружия в лесах было нечего делать... Шло время.

Каждый вечер, после возвращения рабочих команд, немцы всех выстраивали и проводили перекличку. Не дай бог, кто не явится, и понятно, чем бы это закончилось. Мы старались вести себя так, чтобы немцы ни в коем случае ничего не заподозрили.

Как правило, то, чего ждешь с нетерпением, мучительно и долго, наступает неожиданно. Так случилось и с нашим побегом. События развивались следующим образом.

14-го августа, к вечеру, после возвращения с работ, мы узнали, что сегодня утром немцы убили всех наших родных, оставшихся в местечке Ленин. Было ясно, что в ближайшие часы займется и нашим уничтожением. Гринбойм принял решение о немедленном побеге, понимая и то, что часть плана, связанная с разгромом немецкого гарнизона, не может быть выполнена. Бежали на рывок – все сразу кинулись на ворота и заграждения. Вырвались из лагеря и разными по численности группами побежали в стороны, куда глаза глядят, и, естественно, многие узники в первые же часы попали в руки немцев и полицейев. Многие погибли, перебегая через полотно усиленно охранявшейся железной дороги, попав под огонь пулеметов. Человек 60-70, все – пожилые люди, остались в лагере и были расстреляны немцами уже на следующий день.

Из всех евреев, узников Ганцевического концлагеря, бежавших в тот день, погибла почти половина, при разных обстоятельствах. Те, кто остался в живых при побеге, как правило, разыскивали партизан и любыми путями вступали в отряды.

Я чудом уцелел. Оказался среди тех, кому повезло вырваться из лагеря...

После того, как под огнем перебрался через железную дорогу, я оказался в одной группе со своим одноклассником Григорием Иссерсом, его младшим братом и портным Шлягером, зятем строителя Кравца. Когда мы добежали до леса, уже стемнело, и стрельба, сопровождавшая нас все время, стала затихать. Мы смогли уйти от облавы.

И тут мы поняли, что действительно находимся на свободе, и нам надо пробираться лесами в Ленинский район в поисках партизан, чтобы присоединиться к ним, воевать, мстить немцам и полицаям за гибель наших родных, за все злодеяния. Двигались лесными стежками, болотами; в основном, по ночам. На рассвете заходили на хутора, на окраины деревень, и сердобольные люди указывали нам направление движения и иногда давали с собой еду.

Конечно, не везде нам были рады и «встречали с распростертыми объятиями».

Крестьяне были напуганы немецким террором и боялись за свою судьбу.

Приходилось питаться лесными ягодами и картошкой, как раз созревающей на полях в то время. Так что, нам помогали преодолеть трудности и люди, и природа. Как-то проходили в районе одного местечка, расположенного неподалеку от железнодорожной станции Бостынь. В лесу наткнулись на группу спящих людей, примерно человек двадцать. Причем, эти люди разлеглись таким образом, чтобы образовался круг, вроде как оборону заняли. Иссерс предложил поднять и разоружить их. Я с трудом отговорил его от этой рискованной затеи: во – первых, силы были неравны – они превосходили нас по численности, во-вторых, у нас не было оружия. Позже мы узнали, что несколько дней тому назад партизаны разгромили гарнизон одного местечка, а эти люди – местные полицейы с семьями, скрывающиеся в лесу от возмездия.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МЕСТЕЧКА

На двенадцатый день пути, дойдя до Хворостовских лесов, мы столкнулись с партизанами. Это было отделение бойцов из отряда имени Н.Т. Шиша, которые шли с заданием к имениям Хворостово и Пузичи, с целью узнать, какие вражеские силы там сосредоточены. Рассказали им, кто мы и откуда. Попросились, чтобы нас взяли к себе в отряд, пообещали, что добудем себе оружие сами, в первом же бою. Старший из партизан сказал: «Ну, посмотрим, на что вы годитесь», – и приказал подойти к имениям со стороны опушки леса, узнать все об охране, а также разведать точное количество немцев и полицаев.

Все это было среди бела дня. Мы вчетвером пошли к имениям.

Метров за пятьдесят до первых строений по нам открыли сильную стрельбу из винтовок. Мы упали на землю, а потом, перебежками, ринулись обратно к лесу. Если бы полицаи не поторопились с открытием огня, то просто, без проблем, схватили бы нас живыми.

И чем бы это закончилось... Хорошо, что кто-то из них со слабыми нервишками и плохим зрением оказался, видимо, думал, что мы вооружены...

Вот такое получилось «первое боевое крещение»...

Добежали до партизан, они стали отходить, и мы увязались за ними. Нас не прогоняли. Привели в отряд. Меня и Гришу зачислили в боевой взвод, а его младшего брата и Шлагера на время оставили при штабе. Портной был сильно близоруким, ходил в очках, так его поначалу в боевой взвод не направили. А Гриша Иссерс вскоре ушел вместе с братом в другой, в еврейский отряд Давида Боброва.

Мне дали сапоги, старую красноармейскую форму. Уже на второй день пребывания в отряде была послана рота партизан на задание по разгрому охраны и имений. В состав подразделения, идущего на это задание, включили и меня. Дали две немецкие гранаты с деревянными ручками. Мы подобрались поближе к имениям, ударили со всех сторон. Строения и стога соломы сожгли, хлеб погрузили на подводы, скот погнали с собой. По дороге в отряд часть хлеба раздали местным крестьянам, а скот, запасы зерна и муки доставили в свой лагерь. Когда атаковали имения, то немцы и полицаи в панике разбежались, побросав несколько винтовок и гранаты. Здесь то я и добыл для себя винтовочку. А через некоторое время был совершен налет на мое родное местечко Ленин, в котором я также принял участие.

От нашего партизанского лагеря до местечка – сорок километров пути. Разведчики доложили, что немцев вместе с полицаями в Ленине – чуть больше ста человек, и, кроме легкого стрелкового оружия, у них есть от пяти до семи пулеметов.

Сразу составили план атаки на гарнизон местечка. Руководил операцией Петр Паталах, и для ее проведения было выделено ровно сто партизан. Бывший председатель сельсовета Чопчиц сообщил, кто находится в местечке, где

расположились на данный момент полицаи и эсэсовцы; уточнил, что «гебитс» – комиссар с заместителем неотлучно сидят в своей резиденции на улице Лаховской. Семья Чопчиц в нашем селе была многочисленной, и в войну она раскололась: часть у немцев в полициях служила, а другая часть помогала партизанам. Типичная история для Западной Белоруссии.

Петр Паталах поставил боевую задачу каждому отделению. Но мы, например, не знали, что вокруг Ленина на малой высоте немцы натянули колючую проволоку. Ночью подошли к местечку. Мне как местному приказали развести подразделения к объектам запланированной атаки.

А потом наше отделение стало продвигаться ползком вперед, мимо заборов. Увидел, что по улице идет полицай, хотел броситься на него и задушить, но Тихомиров схватил меня за ворот: «Стой! Ты что?! Операцию сорвать хочешь?!». Целью нашего отделения была резиденция «гебитс» – комиссара. Бой начался на рассвете, по сигналу красной ракеты. Мы поубивали всех в этой резиденции, «гебитс» – комиссар пытался выскочить в окно, и был застрелен в проеме.

Все вышли из дома – я остался. Стал надевать на себя новый немецкий мундир, менять свои сапоги на новые «трофейные». Забрал у убитых немцев себе карабин, пять гранат – «лимонок», патронов до черта. И тут я вижу, как из-под кровати, с пистолетом в руке вылезает помощник «гебитс» – комиссара, здоровенный мужик высокого роста, которого в местечке прозвали «бельгийский немец». Он спрятался под кроватью, пока мы громили дом.

Я, не раздумывая, выбил ногой у него пистолет из руки, но он проворно вскочил с пола, вцепился в меня, прижал к печи, и пытался удавить. Своими руками я с великим трудом сдерживал его огромные «грабарки», тянувшиеся к моей шее. Наше оружие валялось у ног. Против такого здорового «хряка» у меня никаких шансов не было, и я закричал: «Хлопцы! На помощь!». Прибежал Тихомиров. Кричу ему: «Стреляй, Вася!». А он не может прицелиться – «бельгийский немец» мной стал прикрываться. Тихомиров просто подошел вплотную и выстрелил немцу прямо в лоб. Готов «заместитель»... Времени на переживания и обмен впечатлениями у нас не было.

Литературная записка – Г. Койфман –
<http://iremember.ru/partizani/ginzburg-boris-iosifovich> и А. Купнис.

Борис Гинзбург

Родился 6 декабря 1923 года в Белоруссии, в местечке Ленин. Окончил Московский техникум тяжелого машиностроения, затем Ленинградский финансово-экономический институт. Работал инженером-экономистом. 25 лет был директором районного промышленного межотраслевого комбината. В Израиль репатриировался в 2001 году.

МОИСЕЙ ГОРЕЛИК

МОЯ ОДИССЕЯ

Хотя война и казалась неотвратимой, но страна оказалась неготовой к ней. Немецкие войска вплотную придвинулись к нашим границам. Даже мы, мальчишки тринадцати – четырнадцати лет, по-своему готовились к войне. В сарае одного из товарищей мы оборудовали тайник, куда таскали из дому старинные монеты, скоропортящиеся продукты и даже яйца. В конце концов тайник был обнаружен, запасы, естественно, пришли в негодность, а мы получили хорошую трепку!

Началась война. Мы не были близки к границе, но понимали, что положение ухудшается день ото дня. От беженцев сведения поступали раньше и более достоверные, чем из официальных источников. И хотя от Речицы фронт находился еще далеко, ощущение того, что нужно уходить, крепло.

Мои родители и сестры, мужья которых уже были на фронтах, тоже долго не могли решиться на отъезд. Им казалось, что немцев вот-вот остановят. Как тогда пели:

*И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом...*

Чтобы подтолкнуть родных к отъезду, я решил ехать первым. С трудом пробрался на пароход, направлявшийся вниз по течению Днепра. Но – мальчишка – ступив на ближайшую пристань, одумался и решил возвращаться обратно.

Я перешел на другой пароход и двинулся в обратный путь. Мы приблизились к железнодорожному мосту через Днепр. Неожиданно в воздухе появились вражеские самолеты. Но мост хорошо прикрывался нашими зенитными орудиями. В итоге, налет был отбит, мост не поврежден.

Но что происходило на пароходе в эти минуты, – не поддается описанию!

Люди, не дожидаясь пока пароход причалит к берегу, прыгали с палубы в воду. Это было моим боевым крещением.

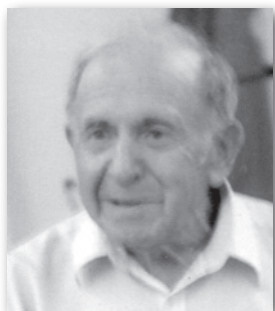
Сойдя на берег, я добрался до своего дома. Там застал всю семью, готовую к отъезду. После долгих мытарств нам удалось эвакуироваться вглубь России. Местом нашего пребывания стала Башкирия. Мне пришлось осваивать сель-

скохозяйственный труд в колхозе, а потом, когда перебрался в городской поселок Черниковка, я пошел работать на завод, фрезеровщиком...

Хотя мне не было еще и шестнадцати лет, скидку на возраст не делал никто. Рабочие смены продолжались по десять-двенадцать часов, днем и ночью!

Закончу стихами, которые я написал о том времени:

*На стройке, в поле, на заводе
Мы заменили старших братьев и сестер,
Прибавив к возрасту несуществующие годы,
Не уступали взрослым мы ни в чем!
Пусть не сравнить с блокадным Ленинградом
Лишения, что мы перенесли.
Хоть не всегда были отмечены наградой,
Свой вклад в Победу тоже мы внесли!*

Моисей Горелик

Родился 26 июля 1929 года в Речице, Белоруссия. После войны окончил Ленинградский государственный университет и около сорока лет преподавал общественные науки в вузах страны – от Кирова до Гродно. Отмечен правительственными наградами, персональный пенсионер Республики Беларусь. В Израиле с 1996 года. Продолжает активную общественную жизнь, публикуется в газетах и литературных журналах Израиля.

ИЛЬЯ ГОРОДИНСКИЙ

БЛОКАДНОЕ ДЕТСТВО

Я впервые решился рассказать о том, что испытал мальчишкой в блокадном Ленинграде. Мама от пережитого там сошла с ума и умерла позднее в Омске, в эвакуации. Я же выжил, с ума не сошел.

Что осталось от детства? Эмоциональность, обидчивость. ВСЮ жизнь прожил сиротой. Самым настоящим сиротой. Вот и сейчас, боюсь, что неделю не успокоюсь после воспоминаний – сердце будет трястись...

То, что помню.

Мне семь лет. В Ленинграде голод.

Началась зима. Недалеко от дома – церковь. Мы, дети, прибегаем туда. А там – голые тела. Полная церковь. Штабелями.

... по квартирам собирали умерших людей, свозили в церковь.

В нашей коммунальной квартире было пять комнат. Все соседи умерли. По месяцу лежали трупы, пока кто-то не приходил и не вытаскивал их наружу.

...Горят Бадаевские склады, которые снабжали весь город продовольствием. Когда их разбомбили, они горели две недели. Зарево было... Кормили нас водой и лебедой. И вдруг – мама приносит сладенькую водичку! Оказалось, что она ходила на пепелище, нарыла мерзлой, смешанной с расплавленным сахаром, земли...

...Рядом горел дом, но мы никуда не уходили. Когда город бомбили, все ходило ходуном. Вначале прятались, потом привыкли, перестали. Помню, как мальчишкой я схватил в руки горячий осколок, чуть руку не прожег. Так развлекались мы во время налетов.

Лютые холода зимой. Сожгли всю мебель и книги. Кто сжег? Я. У меня был маленький топорик, которым изрубил на щепки все, что осталось из мебели.

Илья Городинский

Родился в Ленинграде в 1934 году.

Живет в Ашдоде.

РАИСА ГОРОДИНСКАЯ (БЕШКИНА)**ОСТАВШАЯСЯ В ЖИВЫХ**

Она родилась в местечке Деречин, бывшего Слонимского района, Новогрудского воеводства. До 1939 года местечко принадлежало Польше, с государственным польским языком. Польские власти относились толерантно к нацменьшинствам. Это позволяло сохранять национальные традиции и обычаи. Существовали польские и еврейские школы. До 1939 года в Деречине была большая еврейская община. Руководство общины контролировало работу еврейской школы, детских садиков; за исполнением еврейских традиций наблюдал раввин Бакальчук (кстати, это был последний раввин местечка).

В местечке было два клуба: «Бейтар» – правые, «Халуцим» – левые, была библиотека. Обучение в польской школе было бесплатное, а обучение в гимназии и еврейской школе необходимо было оплачивать. Большинство предприятий были частными: электростанция, мельницы, кожевенная фабрика, пекарни, рестораны, магазины и т.д. Дети, которые учились в польской школе, были светскими и отличались от детей, учившихся в еврейской школе. Однако дома говорили на идиш. Молодежь общалась между собой на польском. Таким образом, они владели двумя языками. Так жили рядом два народа – общаясь, торгуя, отдыхая. Без ненависти, дружелюбно.

В такой атмосфере родилась 13 октября 1925 года девочка Рая (Реша). Это была небедная семья. Отец, Бешкин Абрам, по профессии скорняк, имел небольшую фабрику по обработке телячьих шкур. Из них выделялась кожа «хром» для обуви, плащей и курток. Мать, Лея-Малка, была домохозяйкой, но не сидела без дела. Она занималась шитьем нижнего белья из льняного полотна. На него был спрос, а для семьи – пополнение семейного бюджета.

Отец был выходцем из религиозной семьи. Дедушка, Бешкин Цви, был кантором в синагоге; кроме того, имел право на кошерный убой скота и птицы, на обрезание младенцев. Пользовался в Деречине большим уважением и авторитетом. Родители мамы были предпринимателями. У них был магазин скобяных изделий. Все они были уважаемыми жителями Деречина, соблюдали еврейские традиции, ходили по субботам и праздникам в синагогу, но к ортодоксальным евреям не принадлежали.

Это произошло 21 июня 1941 года. Весь этот налаженный быт, жизнь – были в миг разрушены! В местечке размещался военный гарнизон. Все военнослужащие находились в летних лагерях, а их семьи жили в местечке. Уже в понедельник утром, 23 июня, немецкие самолеты бомбили расположение воинской части. А вскоре появились немецкие мотоциклисты, и стал высаживаться воздушный немецкий десант, который тут же присоединился к мотоциклистам.

Они стали сгонять народ в сторону церкви, огороженной высоким забором. Откуда-то взялись добровольные помощники из крестьян. Всех людей из домов выгнали и загнали за забор.

Вспоминает Рая: «Наша семья оказалась внутри изгороди. Было очень страшно. Дети плакали, родители успокаивали их. Я была очень напугана. Немцы были в черных мундирах со свастикой на рукаве. Было приказано евреям занять левую сторону, а остальным – правую. Некоторые евреи шагнули в правую сторону, но крестьяне их оттуда выталкивали. Мы поняли, что наша судьба уже была решена. Внезапно начался артиллерийский налет, снаряды рвались вокруг церкви; загорелся один дом, началась паника, все стали разбегаться, в том числе и немцы. Это нам и помогло. Наша семья держалась вместе и побежала в сторону хутора, где жили наши знакомые крестьяне».

Регулярные части немцев вошли в Деречин 28 июня 1941 года. Начали устанавливать «новый порядок» Всех евреев загнали в гетто – для этого огородили улицу и переулок колючей проволокой. Для управления еврейской общиной был сформирован «юденрат» из евреев. Скученность, грязь, голод, постоянное унижение и издевательства делали свое «дело». Пошли болезни и смерти. Все обязаны были носить шестиконечную звезду спереди и сзади. Каждое утро все трудоспособные должны были к 7 часам являться в «юденрат» для распределения на принудительные работы. Женщин отправляли убирать и мыть казармы, туалеты, окна. Все это делалось под крики и свист нагаек карателей. В один из дней приехало в Деречин высокое начальство, вызвало в штаб руководство «юденрата» и потребовало контрибуцию в виде золота и серебра, назвав определенное количество килограммов; а взамен увели 15 заложников.

В гетто поднялась паника: стали собирать золото и серебро по домам, в ход пошли серебряные подсвечники и посуда, обручальные кольца, сережки, цепочки, золотые карманные часы. Но никак не могли уложиться в установленные килограммы – заложников увезли и расстреляли. Жизнь превратилась в сплошной ад. Каждый день новые указы и распоряжения. Если ты получал пропуск на выход из гетто, то ты не имел право ходить по тротуару.

Рая вспоминает: «Мой отец продолжал работать на фабрике. Там еще оставалось много сырья. Немцы приказали обработать шкуры для них. По просьбе отца, меня устроили на работу уборщицей. Я была освобождена от повинности, а значит, и от многих унижений. Работать на фабрике было тяжело. Смрад от шкур, большой объем работы, постоянно мучила тошнота, но я знала, что другим приходится еще хуже».

«Юденрат» выделял на каждого работника по 250 гр. эрзац- хлеба. Еще одним источником, помогавшим выжить, были «товарные обмены». Вечерами к изгороди подходили крестьяне из близлежащих деревень и обменивали продукты на вещи. Это был большой риск. Можно было получить пулю в лоб за такой обмен.

Стали доходить слухи, что в Слониме и других городах проводились «акции» по уничтожению евреев. В Деречине пока таких «акций» не было. Но люди исчезали другими путями. Постоянно отбирали девушек, женщин и увозили их в немецкий штаб – оттуда возврата не было; трудоспособных мужчин увозили в Слоним на работу – оттуда тоже не возвращались.

Несколько мужчин решили организовать побег. Кто-то донес, их всех арестовали и по дороге расстреляли. В жандармерии служили полицией польские парни, которые учились вместе с еврейскими детьми. Они старались каким-то образом облегчить жизнь евреям. На них тоже донесли, и их тоже расстреляли. Один брат Раисы работал в мастерской по ремонту велосипедов. Эта мастерская находилась за пределами гетто. Туда приходило много бывших военных, которым удалось вырваться из плена. Эти люди не были евреями, они растворились в близлежащих деревнях, став наемными рабочими. Они подбирали оружие, ремонтировали его в мастерской; кроме того, там собирались и крестьяне, приходившие ремонтировать сельхозинвентарь.

Полгода люди, под страхом смерти, живут под оккупацией. Каждый день появляются новые приказы и требования, расстреливают за мелочные придирики. Но немцам требовался и рабский бесплатный труд. С этой целью они отбирали специалистов из различных сфер хозяйствования, переселяли их за пределы гетто и заставляли работать, их считали «нужными евреями». В их число попала семья Абрама Бешкина и работники кожевенной фабрики. Абраму удалось вставить в списки и семью младшего брата Леи-Малки. Так

Справа налево — в первом ряду — отец Абрам, старший брат Израэль, тетя Бат-Шева, тетя Лея, Раиса и дядя Маркус. Во втором ряду — Лея-Малка, муж тети Мойша, его жена Ривка и жена Маркуса — Мэра.

оказались в одной комнате две семьи. Им немцы выдавали какие-то продукты, это оставляло надежду выжить. Правда, приходилось этими продуктами делиться с другими родственниками, которые находились в гетто.

Жили вне гетто относительно недолго, но чувство опасности ни на секунду не покидало их. В погребе они оборудовали убежище (тайник), чтобы спастись в случае погрома.

Раиса считает, что роковой день наступил 24 июля 1942 года. Утром все увидели, что гетто окружено полицией, вокруг забора установлены пулеметы, что означало начало акции по уничтожению евреев в гетто. Отец приказал всем спуститься в тайник. Люк закрыть вызвалась мать одного из рабочих. Она была инвалидом, и спуститься в погреб не могла. Когда в дом ворвались полицаи и спросили, куда девались люди, она им ответила, что всех увели, а она спряталась и осталась. Ее вывели во двор и расстреляли.

Ночью все вылезли из погреба и направились на фабрику. Рабочие заняли свои места, а семьи спрятались на чердаке. До 12 часов дня никто не приходил. Сидящим на чердаке слышны были звуки, доносившиеся из гетто: крики людей, выстрелы, ругань полицейских. Из укрытий в гетто вытаскивали людей, грузили на машины и увозили на расстрел. А затем на фабрику пришли немцы под предлогом спасения рабочих, всех повели в сторону кладбища и расстреляли. Там была уже готова яма, куда всех сбросили. Так погиб отец Раи – Абрам Бешкин.

Все женщины и дети затаились на чердаке. Но не тут-то было. Сторож фабрики выдал полициям прячущихся евреев. Полицаи с собаками стали выгонять всех к выходу. Собралось много народу, и получилась некая суматоха. Рая воспользовалась этим замешательством, рванула с нечеловеческой силой крышку люка – это был вход на фабрику. Она отчетливо слышала лай собак, плач детей, крики людей, стрельбу. Некоторых прикончили на месте, особенно тех, кто пытался бежать. Так был убит ее брат Израиль.

Наступила ночь. Нужно было решать, что делать, куда пойти. Очень не хотелось умирать! Появилось чувство мести. Рая вспоминает: «Решила, буду мстить за своих родителей, братьев, родственников. А значит, я должна выжить!» И она пошла в ночь. Рядом был туалет, и когда она открыла дверь, то там обнаружила соседа Нахима, который спрятался и уцелел во время облавы. Это придало новые силы, и они решили добраться до хутора, где жили знакомые крестьяне. По дороге Нахим рассказал ей некоторые подробности расправы – как убивали, добивали людей. Ему это было видно из его убежища.

На хуторе хозяйка узнала их. Но из – за страха смерти в дом их не пустила. Снабдила хлебом и салом и велела идти в сторону деревни Острово. Они пошли в указанном направлении. На дороге лежали трупы еще не погребенных людей. Нужно было спешить, чтобы успеть скрыться в лесу до рассвета.

Вскоре им удалось найти укрытие, чтобы отдохнуть. Уставшие, каждый думал о своем и понимал, что остался одни. Скоро сон сморил их. Проснувшись,

Рая определила, что осталась одна. Нахим, бывший компаньон отца, посчитал, наверное, что она будет ему обузой. Ушел, не разбудив ее. Сначала ее обуял ужас, но она не растерялась и как-то моментально повзрослела. Дождавшись темноты, она пошла дальше.

Еда была при ней, но одолевала жажда. Ее спасал носовой платок, она его мочила в болотной воде, а затем выжимала в рот и утоляла жажду. Так она передвигалась по ночам, а днем пряталась в лесу, как затравленный зверек. От голода, усталости, от мыслей о безысходности она дрогнула и приняла решение – выйти из леса на трассу. Было темно, но вдаль светились огоньки – значит, поблизости живут люди.

И вдруг окрик: «Стой! Кто идет?» Когда подошла ближе, увидела полиция, но ей уже было все равно, а полицей, увидев этот «субъект», опустил винтовку. Расспросив ее обо всем, он повел ее в деревню, в дом. Там было несколько вооруженных мужчин. Они очень тепло отнеслись к Рае, накормили. Это была та деревня Острово, куда она направлялась. А мужчина, который ее встретил, был командир одной из партизанских групп Павел Иванович Булак – в будущем Герой партизанского отряда «Победа». Так Рая попала в одну из вооруженных групп. В дальнейшем эти группы объединили и создали партизанское соединение Щучинского межрайцентра под командованием С. П. Шупеня – первого секретаря райкома компартии Белоруссии.

Командование отобрало взрослых трудоспособных мужчин и несколько женщин. Раису по возрасту и по «внешним габаритам», конечно же, не взяли. Но заступничество знакомых и родственников, которых она встретила в отряде, – помогло. Командование удовлетворило ее просьбу. Остальных женщин определили на хозяйственные работы.

Вскоре было принято решение – создать в тылу врага настоящую боевую единицу с воинской дисциплиной, со всеми структурами, как в регулярных частях. Так наша героиня попадает в боевую роту под командованием вырвавшегося из окружения кадрового офицера Николая Коноплева. Партизаны приступили к боевой учебе. Изучали материальную часть и устройство винтовки, автомата, карабина, правила ведения боя и маскировки.

«Желание отомстить врагу за кровь близких было так велико, что я с рвением взялась за учебу. И вскоре, после длительных тренировок, овладела всеми видами стрелкового оружия. После успешных экзаменационных стрельб нам вручили оружие. Я получила карабин. Кстати, карабинами вооружали только кавалеристов и артиллеристов». С вооружением в отряде были проблемы. Оружие добывалось в бою, часть его поступала от местного населения. Позднее, когда была налажена связь со штабом партизанского движения, оружие, боеприпасы, продовольствие стали сбрасывать на примитивный аэродром.

К августу подготовка к «рельсовой войне», условно названной «Концерт», была закончена. Суть этой операции была в том, чтобы в 2 часа ночи с 10 на 11 августа был произведен подрыв всех железнодорожных путей по всей

Белоруссии. Принимать участие в этой операции считалось большой честью. Отряд разделили на группы, определили участки для каждой группы и провели ряд тренировок. В одну из групп вошла и Раиса Бешкина. Сигналом начала операции была зеленая ракета.

Вспоминает командир отряда С. П. Шупеня:

«Выполнив задание, к вечеру вброд мы перешли реку Зельвянку, объявили привал. Бойцы расположились на мокрой траве, поужинали. Особую заботу проявляли партизаны о черноглазой Реше Бешкиной, единственной девушке в группе. Перед уходом на это задание партизаны читали о ней статью в газете «Красное Знамя». Реша с двумя подругами отличилась в бою у Слижей Подгребельных. Они были в первых рядах атакующей партизанской цепи. А потом Бешкина еще не раз ходила в разведку».

Операция «Концерт» удалась на славу. Железнодорожное движение по всей Белоруссии было выведено из строя на трое суток.

А «рельсовая война» продолжалась. В ночь с 15 на 16 октября на железных дорогах Белоруссии партизаны взорвали 1103 рельсовых путей, организовали 65 крушений поездов и 38 нападений на поезда. Аналогичные операции провели и 2 ноября. На большие сроки останавливалось движение. С этим никак не могли смириться немцы и бросили на борьбу с партизанами большое количество живой силы и техники. Задача была зажать партизан в лесах. Заблокировать все возможные выходы. Остро встал вопрос у партизан о прорыве блокады.

3 июня 1944 года более 15 тыс. карателей с танками, артиллерией и броневиками, при поддержке авиации повели наступление на Липичанскую пушу. Партизаны были готовы отразить атаки противника. Каждая бригада, каждый отряд знал свою задачу, действовал в соответствии с разработанным планом и создавшейся обстановкой.

Вскоре было принято решение сняться с занимаемых рубежей и двинуться на прорыв блокады. Противник продолжал наседасть. По дороге непрерывно передвигались немецкие танки и бронемашины.

Гитлеровцы держали в резерве батальоны, готовые в любую минуту передислоцироваться туда, где партизаны пойдут на прорыв. Местом прорыва был избран трехкилометровый участок Виленского тракта. В образовавшуюся брешь должен был войти отряд бригады «Победа» со всеми приданными ему хозяйственными подразделениями и семейным лагерем.

Другой отряд, «Непобедимый», должен был задержать фашистов во время преследования и дать возможность партизанам уйти как можно дальше. В ночь на 11 июня огромная колонна – около 2 тысяч человек с повозками, на которых тяжелораненые и больные, – растянулась на несколько километров по лесной дороге. Заранее были приготовлены четыре гати через речку Хитра, чтобы преодолеть ее быстро, беспрепятственно. Многие раненые взяли в руки оружие, чтобы сражаться с врагом, пока есть какие-то силы.

В рядах прорывающихся была и Рая Бешкина. Когда она увидела, что упал командир роты Иван Жеребцов, она бросилась к нему, чтобы оказать помощь. Но ее помощь уже не понадобилась – вражеская пуля сразила командира наповал. В этом бою удалось прорваться через шоссе, но из кольца еще не выбрались. По следам партизан шел отряд карателей, над стоянками бригад кружили самолеты – разведчики.

В ночь на 19 июня 1944 года партизаны вышли на исходные позиции для последней атаки. Завязался тяжелый бой. Фашисты залегли, замешкались – это и позволило вырваться из кольца. Пока партизаны прорывались из блокады, Красная Армия перешла в решительное наступление и стала освобождать города и села Белоруссии. Во время одной из атак наша героиня была ранена и не могла передвигаться. К ней приставили двух партизан для сопровождения ее в лазарет (кстати, это были бывшие полицаи, которые пришли в отряд, и, по рекомендации партизан, знавших их, были приняты). Однако при первой возможности они бросили ее.

Она одна осталась в лесу, в болотистой местности, лишенная возможности самостоятельно передвигаться. Правда, ее спасла как раз болотистая местность, потому что немцы после боя ходили с собаками и добивали раненых. В болото они не сунулись.

«...Так продолжалось до следующей ночи. Я услышала лай собак, мычание коров и поняла, что недалеко деревня. Сорвала с себя кофту и, перевязав рану, решила ползти в сторону деревни, ибо оставаться в лесу и дальше означало неминуемую смерть».

И она поползла в неизвестность. Постучала в первую дверь. Женщина, которая ей открыла, сразу все поняла. Она позвала мужа. Раю раздели, обмыли, накормили, перевязали рану, обо всем расспросили. Ее спрятали в картофельную яму, приносили еду и воду. Сутки она прожила в этом убежище. Ей объяснили, что оставаться здесь опасно, необходимо добираться до близлежащей деревни. На краю деревни – дом старосты, который имеет связь с партизанами.

Ночью хозяин и его сосед вытащили ее из ямы, отнесли и оставили недалеко от дома. Дальше она должна была ползком добираться сама.

.....Рая постучалась в дверь, ей открыли, перенесли на чердак.

У старосты было две дочери, которые поддерживали связь с партизанами. Она прожила в этом гостеприимном доме несколько дней. Это было, как в раю: чистая постель, хорошее питание, радужное отношение хозяев.

Вскоре пришли партизаны, и на лошади увезли ее в отряд. Какая радостная была встреча, когда командир отряда Оношко узнал свою старую знакомую!

В отряде она прожила около 10 суток. Тут она узнала о судьбе ее отряда: очень многие погибли, все считали и ее погибшей.

Вскоре Раю и других раненых отправили во фронтовой госпиталь. Побыв несколько дней на лечении, она, хромая (одна нога в сапоге, а другая обвязана

портянкой), покинула госпиталь, не дождавшись выписки, и стала добираться домой в Деречин.

В Деречине уже была размещена воинская часть. Местечко невозможно было узнать. Все еврейские дома были сожжены.

«Нужно все начинать сначала. Но как?» – задает себе вопрос 19-летняя девушка. И не находит однозначного, быстрого ответа. На ее глазах, находясь в гетто, а затем в партизанском отряде погибло столько людей, детей! Первоначально казалось, что перенести такое горе невозможно. В 16 лет она потеряла родителей, братьев, своих родственников и осталась одна. Сколько слез пролито, сколько страданий досталось на одну детскую жизнь

Рая вспоминает: «У меня на сердце и сегодня лежит этот тяжелый камень, и, наверное, я буду носить его до конца своих дней.

Расстреляны:

Отец – БЕШКИН АБРАМ,

Мать – ЛЕЯ-МАЛКА,

Брат – ИЗРАИЛЬ,

Брат – ШЛЕМА,

Отец мужа – ГОРОДИНСКИЙ ШЛЕМА,

Мать – НЕХАМА,

Брат – ЛАЗАРЬ,

Сестра – РАХИЛЬ.

Вечная память вам, дорогие и близкие. Ваша память увековечена в Мемориальном Музее «Яд Ва-Шем».

Литературная запись – Яков Хелмер

Раиса Городинская (Бешкина)

Родилась 13-10-1925 в местечке Деречин, Новогрудского воеводства, Польша, в религиозной семье.

Юность её прошла в муках гетто, затем пришлось защищать Родину с оружием в руках в партизанском отряде, за что награждена Орденом Отечественной Войны 1 степени, Партизан Отечественной Войны 1 степени. После войны принимала активное участие в восстановлении разрушенного войной хозяйства. Работала, а по вечерам училась. 32 года рабочего стажа... 17 июля 1992 года репатриировались в Израиль. Двое детей, 4 внука и 5 правнуков.

ЕВГЕНИЯ ГУЗИК

ЖЕНЯ-ПАРТИЗАНКА

*«Тот, кто спасает одну жизнь,
подобен тому, кто спас целый мир»*

Много лет прошло с той поры. Но в памяти спасшихся и выживших до настоящего времени живы воспоминания тех грозных дней. Вот как вспоминает начало войны 14-летняя девочка:

«Я проснулась рано утром. Кругом стояла зловещая тишина. Меня в это утро никто не будил. У меня от этой тишины пробежал озноб по телу, мне показалось, что меня кто-то зовет. Я быстренько оделась и выбежала на улицу. В нескольких местах стояли женщины и о чем-то говорили. Мужчин не было (я потом узнала, что они все ушли в сельсовет). Подойдя ближе, увидела у всех расстроенные, угрюмые лица. Они поняли, что я ничего не знаю, и тогда соседка мне сказала, что началась война.

В этот день никто ничего не делал, только кормили скотину и встречали коров с пастбища. Вскоре вернулся отец – его не взяли в армию по возрасту, а брата забрали. Но день прошел относительно спокойно. На завтра село загудело. Через нас пошли беженцы: кто на лошадах, кто пешком. Два дня прошли быстро, а затем в село въехали немцы на мотоциклах, в черной форме, со свастикой на рукаве. К нам в дом вошел немец и, направив пистолет на отца, кричал: «Большевик?!». Отец ему ответил на немецком языке, и он ушел. Мы были удивлены – откуда отец знает немецкий язык? Оказалось, что в 1-ю мировую войну он находился в плену в Германии и свободно говорил по-немецки..»

Евгения Гузик (Гантман) с родными жила в селе Писюта Березинского района Минской области. В их семье было 8 человек. Это была трудовая еврейская семья, которая работала в колхозе. Кроме них, в этом селе проживали еще две еврейские семьи.

В конце лета 1941 года в деревне Богушевичи Березинского района было создано гетто, куда переселили евреев из окрестных сел (Селиба, Писюта и других) – около 400 человек. Их разместили в здании школы, которое охраняли местные полицейские.

Уже с сентября 1941 года начались расстрелы. Расстреливали по группам: сначала самых старых, немощных; затем мужчин, в том числе и отца Евгении. Их отводили в лес и там выполняли эту кровавую акцию. После настала очередь всех остальных. Очень немногим удалось спастись...

Женя все время лелеяла мечту – убежать из гетто, но не смогла это сделать в Богушевичах, так как не знала дороги домой. Во время расстрела к ней подошел полицай и велел спрятаться в указанной им комнате. Она попросила

оставить и подружку Цильку. Так они уцелели. А вечером оставшихся в живых увезли в Березино. До Писюты было 20 км, но дорогу Женя хорошо знала. Они с Цилькой убежали и успешно добрались домой. Днем они прятались в лесу, а ночью возвращались в деревню.

Цильку не удалось пристроить в деревне, и Женя проводила ее в лес. Когда девочки проходили по мостику, Цилька стала просить Женю, чтобы та столкнула ее в речку: «Сама пойду ко дну. Не хочу доставить удовольствие полиции, который будет хвастать, что убил еще одну жидовку!»

Цилька погибла позже, уже в партизанском отряде...

Женю приютила Нина Кононовна Гайдук. Это была белорусская женщина с двумя детьми. Ей было 25 лет. Несмотря на все сложности, несмотря на большой риск, она взяла к себе еврейскую девочку-подростка. Это было в ноябре 1941 года.

В один из дней девочка повстречалась с заведующей мельницей, которая до войны числилась в друзьях семьи. Та детально обо всем расспросила Женю, выяснила, где она прячется, а вечером прислала в дом полицию.

– Когда я только поселилась у тети Нины (ее тогда звали Янина), она мне отвела комнату и велела окно не закрывать. Вдруг нагрянула полиция. Когда полицейские стали стучать в дверь и требовать выдать жидовку, тетя Янина знаком показала мне бежать через окно, что я и сделала. Я выскочила из окна и увидела вооруженного человека, который стоял, прижавшись к стене. Вначале я испугалась, но не закричала, а побежала. Бежала и все время ждала выстрела. Но его не было. Как впоследствии выяснилось, в полиции служили несколько подпольщиков; и мужчина, участвовавший в облаве, был одним из них.

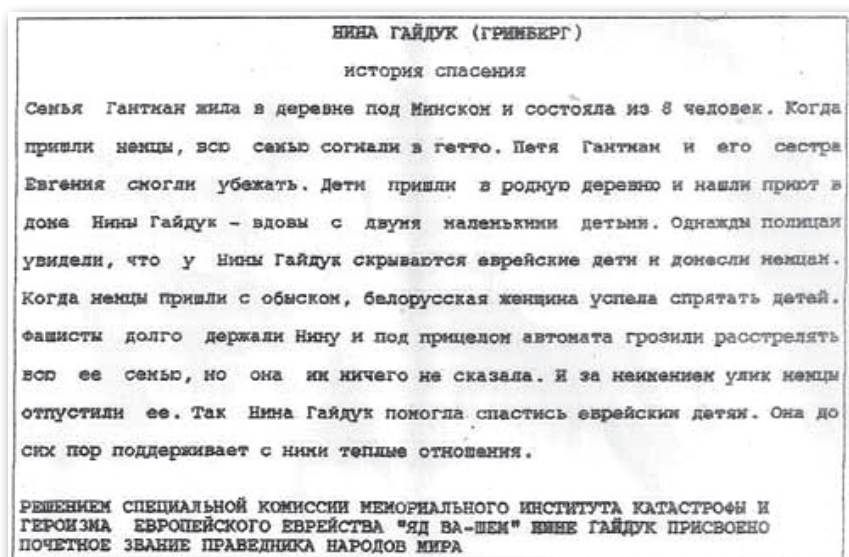
Я добежала до лесопилки и спряталась в досках. Пряталась в лесу, иногда заходила в деревню. Вскоре брат Петя забрал меня в землянку, которую построили наши соседи, бежавшие из гетто. Там мы жили до апреля 1942 года.

В землянке – чуть выше роста взрослого человека – жило нас восемь человек. Убежище находилось в густом молодом ельнике, и чтобы пройти к землянке, нужно было раздвигать ветви. На ветках около землянки висело мясо, заготовленное для питания, что привлекало внимание «лесного населения» — волков. Они были по ночам, нам было очень страшно.

Вскоре переместились в семейный лагерь, который находился поблизости от бригады «Имени Щорса». Командиром был Дерман Н. Л., а комиссаром — Прусак Михаил Петрович (Пейсевич). Именно командование настояло, чтобы мы переселились в отряд, потому, что в лагере было очень опасно оставаться. Его постоянно осаждали немцы и полицаи.

Наша бригада состояла из отрядов: «Победа», «Имени Щорса», «Имени Чапаева».

Всю войну не раздевались. Зимой почти не мылись – только руки и лицо, летом купались в речке или озере. Отряд выходил на боевые задания: взрывали вражеские эшелоны, уничтожали предателей, нападали на полицейские участ-

ки. Жене, с ее характерной еврейской внешностью, было приказано не выходить из леса. Ей нашли работу. Поначалу она помогала старшим женщинам готовить обед. Когда научилась это делать, стала готовить самостоятельно во взводе, в группе разведчиков, а с 1943 года и до освобождения готовила в штабе.

С большой любовью и благодарностью вспоминает Евгения свою спасительницу – Нину (Янину) Кононовну Гайдук (Гринберг). По – разному относились люди к тому, что фашисты творили с евреями. Были те, кто тихо сожалел и боялся, что точно такая же участь постигнет каждого. Были те, кто предавал и выдавал. Но находились и те, кто, рискуя собственной жизнью и жизнью своих близких, спасал евреев от смерти. В условиях фашистской оккупации спасение даже одного еврея становилось подвигом, так как это могло стоить жизни как самому спасавшему, так и его семье.

Ярким примером героизма стала история спасения Евгении Гузик белорусской женщиной *Ниной Гайдук (Гринберг)*, матерью двух несовершеннолетних детей. Именно к ней постучалась в ноябре 1941 года напуганная, голодная, замерзшая девочка и нашла там спасение.

Литературная запись – Яков Хелмер

Евгения Гузик

Родилась 1 апреля 1927 года в селе Писюта Минской области, в семье крестьян. В семье было 8 человек. Участвовала в партизанском движении. После освобождения Белоруссии поселилась в Березино и там прожила до 1945 года, а затем переехала в Борисов, устроилась на работу, вышла замуж за Исаака Гузика. Два сына, 3 внука и одна внучка.

«Я и моя семья могли не состояться, не окажись на моем пути Янины Гайдук, моей спасительницы. Вечная ей память. Позже я все сделала, чтобы добиться для нее присвоения звания «Праведника Народов Мира». До конца своих дней не забуду ее светлый образ и все то, что она сделала для меня».

ГРИГОРИЙ КАЦАВ

НАЧАЛО

– Припекает летнее солнышко. Мы с друзьями на пригорке в центре села играем «в камушки».

Все, как обычно. Мы играем, взрослые – либо на работе, либо по домам сидят...

Вдруг в небе зашумели самолеты.

Нам, мальчишкам, это в диковинку. Мы-то и машин немного видели. А тут – самолеты, и так близко!

Друзья повскакивали на ноги, мы побежали с горки вниз, размахивая руками, возбужденно крича:

– Самолеты! Самолеты!!!

Ужасный взрыв. Черные комья в воздухе. И части тела моего друга, медленно падающие на пригорок... От страха я наделал в штаны. Звенело в ушах. Я оторопел, не зная стоять или бежать куда-то...

Новые взрывы вывели меня из оцепенения, я бежал, кричал и плакал.

Так началась для меня война.

Рисунок Б. Исельсона

Рисунок Б. Исельсона

ТАНЕЦ СМЕРТИ

В местечке Джурин уже действовало гетто. Родители не разрешали нам выходить за ограждения, но мы, пацаны лет 7-9, не могли усидеть на месте.

Как-то раз мы узнали, что всех стариков-евреев собирают на окраине села. Мы побежали туда, чтобы увидеть, что там происходит. У нас к тому времени были уже свои тайные ходы и тропы, о которых ни «фрицы», ни взрослые не догадывались.

Мы спрятались неподалеку от места, куда согнали всех стариков.

Один из фашистов выстраивал стариков в круг, давал в руки ведра, метлы, швабры. Он объяснил, что хочет, чтобы каждый из стариков шел по кругу, танцуя.

Второй солдат играл на гармошке веселые мелодии, которые должны были «заводить» танец.

Нам, мальчишкам, спрятавшимся в укрытии, все это казалось странной, но забавной игрой: старики идут по кругу, размахивают ведрами, метлами, швабрами, темп нарастает и нарастает... Один из стариков упал. И тут – выстрел!!! Он остается лежать на земле. Убит.

А музыка звучит все быстрее и быстрее. Старики еле двигают руками и ногами, но бегут по кругу со слезами на глазах. Хочется закричать. Но мы сидим в укрытии и молчим. Только слезы льются по щекам...

Фашисты толкают и унижают стариков, вцепляются им в бороды, волочат по земле... В конце концов, мы не выдерживаем вида этой безумной пляски и срываемся – прочь отсюда, домой, к родителям!

Записанно женой – Евой Кацав

Григорий Кацав

Родился 25.08.1935 в Джурине, Винницкой области. После школы был отправлен учителем в сельскую школу по комсомольской путевке. Работал на заводе мастером, затем преподавал в школе уроки труда. Умер в Ашдоде в 2003 году.

ЕВА КАЦАВ

ХЛЕБНАЯ «СОСКА»

Мне было три года, когда на бричках мы отправились в эвакуацию. Через Днестр на Кубань, оттуда – на Сталинград. Маме было тогда всего двадцать четыре года, она отправилась в путь с родителями мужа и двумя малолетними детьми.

Зимой мы заболели корью. Брат, который был младше меня на год, умер.

Мы ходили с мамой в поле. Подбирали и выбивали колосья, чтобы собрать зерно и сварить кашу для нас и бабушки с дедушкой.

Помню, что мама устраивала на Новый год елку для меня и соседских детей. Вместе делали гирлянды и ёлочные украшения. Мама была мастерицей: обшивала всех, делала детям куклы.

Голод. На столе – солонка. «Вкусное развлечение» – обмакнуть палец в соль и – в рот!

В 1942 году родилась сестренка. Она все время плакала от голода. Мама засовывала в тряпочку хлеб и давала малютке такую «хлебную соску».

Ева Кацав

Родилась 28 марта 1938 года в Молдавии. Закончила пединститут и всю жизнь проработала сначала – учителем, потом – библиотекарем. Последние годы увлеклась живописью. Живет в Ашдоде.

ШАЙ КИПНИС

ПО ВОЛНАМ МОЕЙ ПАМЯТИ

В ту пору мне было всего шесть лет, но такое запоминается навсегда! Итак, июль 1941 года. Папа в первые дни войны ушел на фронт и просил своего друга, в том случае, если тот решит эвакуироваться, не оставить и нашу семью.

И вот, его и наша семья – мама со мной, её сестра Соня с двухлетним Валериком (они оказались у нас в отпуске, приехав из Казахстана, здесь их и застала война) и бабушка Сарра – покинули родной городок Гайсин, что в Винницкой области на Украине. На двух подводах двинулись в путь. Немцы шли по пятам.

Мы не знали дороги. Куда бы ни повернули, везде местные жители – крестьяне говорили нам:

– Куды вы идите? Там вже нимци! (Куды вы идете? Там уже немцы!)

Свернув с шоссе, телеги поехали по проселочной дороге, которая привела нас на берег Днепра. Так мы присоединились к сотням и тысячам людей, застрявшим у этой водной преграды.

Никакой переправы через реку в этом месте уже не было. Мужчины, женщины, дети стояли у кромки воды и безнадежно ждали откуда-то помощи. Казалось, что все смирились с невозможностью перебраться на тот берег... Помню, как ревели у нас над головой летящие на Восток немецкие самолеты. А с запада доносились взрывы и артиллерийская канонада.

Но мама не могла смириться с судьбой. В гражданскую войну она, благодаря своей решимости, не раз спасалась сама и спасала близких от погромов петлюровских и других банд. Она обратилась к мужчинам, стоявшим вокруг:

– Мой отец не раз говорил, что пока бьётся сердце, нельзя опускать руки. Нужно бороться за жизнь! Давайте будем искать местных жителей; может быть, они смогут нам чем-то помочь!

Мужчины согласились. Разделились на две группы. В одной из них была моя мама. Пошли по окрестным селам. Поздно ночью в одном из них нашли рыбаков с лодками. Удалось договориться с ними о переправе. Уже под утро наши семьи оказались на левом берегу Днепра. Коней и телеги пришлось оставить на том берегу. За нами перебрались еще несколько семей.

Так, благодаря упорству моей мамы, нам удалось избежать неминуемой гибели. Это урок, который я запомнил на всю жизнь, и его преподала мне мама! Вечная память тебе, дорогая!

С большими трудностями и дорожными приключениями мы все-таки достигли цели. В городе Зырянске, где жил и работал муж тети Сони, ехавшей с нами, мы обосновались. Сюда же приехали и другие родственники. Жили

вдесятером в небольшой квартире, голодали, но, главное, – спаслись от фашистов!

Как-то я лущил со взрослыми стручки выращенной в нашем огороде фасоли. Было очень голодно, и я, чтобы как-то заполнить желудок, время от времени вбрасывал в рот сырые бобы. Долгие годы потом я помнил, как плохо мне было, и даже видеть фасоль не мог!

Мой двоюродный братик Валерик был принят в детский сад. Ему было всего три годика. Но я помню, как он приносил домой остатки хлеба, чтобы поделиться ими со мной, шестилетним! Какими вдвойне сладкими были для меня эти сухие корочки... Разве можно такое забыть?!

Шай Кипнис

Родился 3.04.1935 в г. Гайсин, Винницкой области. Закончил Донецкий индустриальный институт, 32 года работал в научно-исследовательском институте в Луганске. Кандидат технических наук, автор монографии и научных статей.

ЗИНАИДА КОГАН

ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Советские войска освободили Сталинград от немецко-фашистских захватчиков. Фактически, это ненадолго изменило наше положение: жизнь нескольких десятков семей, переживших ад боев за город; холод, голод и болезни; охоту «фрицев» на евреев, оказавшихся на захваченной территории...

Были дни, когда расставались утром (матери шли в поисках работы, а дети разбегались врассыпную, кто куда – в поисках пропитания) и не всегда были уверены, смогут ли встретить своих родных вечером, застанут ли их в живых.

Я тогда была «воспитательницей» нашего района. На моей ответственности были и мои младшие братья, и другие дети. Их матери вместе с моей мамой уходили работать на целый день. Хотя я уже пользовалась у них авторитетом, но все же... Не от хорошей жизни они оставляли на меня, девятилетнюю девочку, своих малышей. Не было возможности поступить иначе!

При других обстоятельствах я была бы счастлива своей ролью предводительницы, старшей, главной в этой компании «цуциков», которые с восторгом и преданностью смотрели мне в рот и готовы были к исполнению любых моих желаний. Но было ли мне до этого? До сих пор помню это ноющее, не отпускающее ни на минуту, чувство непрекращающегося животного голода.

Август, когда фашистов оттеснили на окраины города, был по-особенному жарким. И все же необходимо было и собрать плоды, и что-то посадить на будущий год – надежда не оставляла людей ни на минуту. На поле выходили даже под обстрелом! И природа, действительно, не поскупилась на урожай. Уродилось множество арбузов! В дни бомбежек люди, которых обстрел заставлял в поле, пытались скрыться, где только можно: бежали в сторону ближайшего леса, прятались за редкими кустами, а то и просто – в полной беспомощности валились на землю, прикрыв голову руками.

Помню себя, услышавшую гул самолетов и упавшую прямо на землю неподалеку от какого-то куста. Самолеты шли очень низко. В открытой кабине я видела лицо пилота. Он смеялся, смотрел на нас, распластанных по земле, и целился спокойно, чтобы трассы пуль нашли наши беззащитные детские тела среди комьев земли. На всю жизнь запомнила этот взгляд смеющегося немецкого летчика, преследующего людей в поле.

С тем же полем была связана еще одна история. Все, кому уже исполнилось двенадцать лет, обязаны были вместе со старшими выходить в поля на работу в обмен на продуктовые карточки. Так все время трудились наши мамы (хотя, честно говоря, продуктов, которые мы получали по такой карточке, с трудом хватило бы на одного человека, а не на семью с двумя детьми шести и девяти лет!).

Рисунок Рашель Бурьяновой

Мы, дети, в течение дня занимались какими-то нашими делами, но как только день клонился к закату, выходили «на охоту». Задача, стоявшая передо мной и младшим братишкой Гарриком, была достаточно проста. Мы должны были «доставить домой» арбузы. Каждый обязан был принести не меньше двух (а вес арбузов нередко превышал наш собственный!). Кроме того, нужно было до наступления темноты подобрать с земли упавшие колосья овса или пшеницы. Понятно, что опасность быть пойманными осложняла наши действия. Если бы нас схватили за сбором «государственных ресурсов», то не избежать расправы: или могли застрелить в темноте на месте, или судить – вплоть до тюрьмы.

Среди начальников, отвечавших за полевые работы, были те, которые старались «не замечать» пытавшихся подкормиться детей. Но были и другие. Так что я не рассчитывала на то, что, если нас поймают, то я, братишка или мама сможем избежать сурового наказания.

...И вот, после заката я бреду по полю: в одной руке тащу арбуз, в кулаке другой зажаты колосья овса. За мной – брат с двумя арбузами. Стемнело еще больше. Тут-то мы и обратили внимание, что в поле есть еще жизнь – какие-то зеленые точки передвигались в ночной темноте по краям поля. Стая волков – тощих и костлявых – таких же, как наши щуплые и истощав-

шие детские тела, бежали по кромке поля, пытаясь обогнать нас. Останавливаться нельзя было ни на минуту, и мы, продолжая идти по полю, держали с Гарриком совет. Испуганным шепотом братишка посоветовал, чтобы мы швырнули арбузы в волков – может, это испугает их. Я вся сжалась, причем не от страха перед животными, а от мысли, что придется бросить здесь еду и вернуться к маме домой с пустыми руками: не съедим мы красный сладкий арбуз, не сварим из зеленых его корок варенье, которое смогло бы поддерживать нас много дней...

Нет, если уж еда находится у меня в руках, не уступлю и не откажусь от неё! Решение было принято, и страх исчез. Я подхватила с земли какую-то палку и, размахивая ею в сторону волчьей стаи, начала громко кричать. Я кричала, пытаясь испугать волков, забыв о других опасностях: о том, что меня могут услышать немцы или начальники полевых работ... И волки начали отставать. Они сопровождали нас до самого края поля, но больше не пытались приблизиться. То ли испугались моих криков, то ли мы были настолько истощены, что наши тела даже не пахли «мясом», так что не стоило волкам вообще заниматься нами! А может, просто судьба решила помочь нам остаться в живых.

Зинаида Коган

Родилась 26 августа 1934 года в Симферополе, в Крыму. Всю жизнь трудилась экономистом-плановиком после окончания Ленинградского радиотехнического института. Репатриировалась в начале девяностых, живет в Ашдоде.

ЯКОВ КОГАН

ИЗ ТАРАКАНОВКИ – В ГОРОДИЩЕ

Чтобы выжить в гетто, я ежедневно выбирался наружу и бежал в соседнее село просить милостыню. Однажды я возвращался в гетто с двумя торбами – узкими длинными мешочками, переброшенными через плечо.

Наткнулся на жандарма:

– Вот, жид, где я тебя поймал!

Как мне удалось убежать от него, до сих пор не пойму. Я катился кубарем с горы вниз, а он – за мной на двуколке (двухколесной бричке).

Гнался, постреливая по мне, как по зайцу, на ходу. Просто чудо, что я спасся!

Но шок прошел, и я опять пробирался в Городище за милостыней.

В гетто, бывало, шутили:

– Ты знаешь, что тридцать второго числа нас освобождают? Идем домой!

Такой вот был горький юмор...

Когда мне было двенадцать лет, я написал на мелодию популярной в гетто идишской песни свои стихи. Моя песня тоже стала популярной в гетто. Вот ее текст на идиш и в переводе на русский.

– Ви зэнтиргивэйн,
Идалых майны гитрайэ,
– Ынгэтогивэйн.
Ди свинарни гизэйн.
Идын, сызгивэйэн а мыхайе.

– Вус от иргизсын,
Идалых майны гитрайэ?
– Бэрыкисгигрубн,
Гифолнвидитубын.
Идын, сызгивэйэн а мыхайе.

– Ынвус от иргыкохт,
Идалыхыйныгитрайэ?
– ынблэхырыпишкис,
Фардорбнгиворндыкишкис,
Идын, сызгивэйэн а мыхайе.

– Вус от иргитринкин,
Идалых майны гитрайэ?
– Восырызныштгивэйн,
Динышумы из гивэйнрэйн.
Идын, сызгивэйн а мыхайе.

– Оф вусзентиргишлуфн,
Идалыхмайеыгитрайэ,
– Гишлуфынофништрой,
Койхгиот, ви а флой,
Идын, сызгивэйн а мыхайе.

– Ви азой от ирдортгилэйбт,
Идалых майны гитрайэ,
– Мир омырдортнныштгилэйбт,
Гишторбн оф йэдытрэйт,
Идын, сызгивэйн а мыхайе.

Уже в Израиле я дописал к песне еще один куплет:

– Вусэйрцихба ах ант,
Идалых майны гитрайэ?
– Гитлэрэнафцылухес,
Об мир ындыкиндербрухыс,
Идын, ломиртринкен а лэхаим.

Перевод на русский язык этого «шлягера из гетто» звучит примерно так:

– Где вы были, евреи мои дорогие?
– В Таракановке мы были,
В свинарнике мы жили.
«Таково еврейское счастье!»

– Что вы ели, евреи мои дорогие?
– Свеклу выбирали; как голуби, умирали...
– В чем вы варили, евреи мои дорогие?
– В жестянках консервных варили,
Желудок, кишки «доходили»...
«Таково еврейское счастье!»

– Что вы пили, евреи мои дорогие?
– Отсутствовала вода, но чистой была душа.

-
- *На чем вы спали, евреи мои дорогие?*
 - *Постелью солома была; сил было, как будто ты-
блоха...*
 - *Как же вы там жили, евреи мои дорогие?*
 - *Мы там не выживали, на каждом шагу умирали, -
«Таково еврейское счастье!»*

И «дописка», сделанная после алии в Израиль:

- *Что слышно у вас, евреи мои дорогие?*
- *Гитлеру назло мы радуемся нашим детям,
Так выпьем же за здоровье, за жизнь!*

Яков Коган

Родился 16 декабря 1930 года в селе Сакиряны, Черновицкой области. Закончил Черновицкий педагогический институт, исторический факультет. 40 лет преподавал историю в средней школе Дрогобыча. В 1994 году репатриировался в Израиль. Две дочери, внуки и правнуки. Много сил отдает общественной работе, выступлениям с концертным коллективом на идиш, русском, иврите...

ТАТЬЯНА КОЙРАНСКАЯ

КАК Я РЕШИЛА ПОЙТИ «В МЕДИЦИНУ»

Войну, шестнадцатилетней девушкой, я выбрала профессию на всю жизнь. И папа, и мама были медиками. Мама – физиотерапевт. Папа – заведовал аптекой.

В эвакуации мы были в Рязанской области. Когда маму вызвали в военкомат, она попросила не призывать её: на руках – старики и дети! Тогда её, физиотерапевта, «произвели» в главврача больницы и оперирующего хирурга. Других людей, профессиональных кандидатов на это место, не было!

Мама уже собиралась вести операции «по книжкам», но, к счастью, на побывку приехал с фронта прежний главный врач...

...Госпиталь. Рук не хватает. Оперирующий хирург – женщина, больная полиомиелитом, на костылях. Обращается ко мне, девчонке:

– Вырастешь, что будешь делать?

– Не знаю...

– Тогда иди ко мне санитаркой. Работать некому!

Вхожу в операционную. Возле стола – женщина в халате на костылях. Рядом – на столе – кишки наружу, и от них идет пар...Шок.

Так я решила пойти в медицину.

Татьяна Койранская

Родилась 11 марта 1925 года, в Москве. Закончила Московский медицинский институт. Всю жизнь проработала врачом. Двое сыновей. Репатриировалась в Израиль в 1992 году.

МЭЛЕСТАНА КРАВЧИК (ПАСАРАР)**БАРЖА СМЕРТИ**

Война застала нас на самой границе – во Львове. Отец мой, человек военный, был сразу же отправлен на фронт. А его семью – меня, сестру и маму – посадили на поезд и отправили в эвакуацию. Куда? Никто не знал. Мы долго ехали товарными поездами, выскакивая из них, когда налетал фашистский самолёт бомбить отступающих голодных и измученных людей – женщин, детей, стариков. Мы ехали куда шёл поезд, не зная куда забросит нас судьба.

Наконец, в конце ноября мы добрались до Сталинграда. Нас разместили в школе и обещали отвезти в Саратов. Фронт приближался к Сталинграду, уже были слышны взрывы. Нас и множество других беженцев посадили в грузовую баржу и привязали к пароходу «Марина Раскова». Пароход перевозил раненых солдат. И так мы поплыли вверх по громадной реке Волге.

В барже нас находилось 4000 человек: старики и женщины с детьми. Холод и голод мучили нас. Наступил уже декабрь, и река начала замерзать. Пароход с трудом тянул баржу вверх по реке, а через лёд ему вообще не удалось бы пробиться. И капитан парохода принял решение отцепить баржу, чтоб доставить раненых бойцов в Саратов. Такой поворот дел бросал нас – тысячи людей – на верную гибель: замерзать среди реки. Но раненые узнали об этом. Они ворвались к капитану и под дулом пистолета заставили его вернуться. «Не можешь плыть вверх по реке, плыви вниз! Но не бросай детей и женщин на погибель!»

Ночью пароход пришвартовался у баржи, перекинули трап и людей, которые ещё остались живы, перевели на пароход. Раненые нас тепло встретили: делились и постелью, и чем могли. На одну тарелку супа брали с собой 2-3 детей. Помню, как нас угостили кусками сахара, который мы отнесли маме. На пароходе всегда был кипяток, и женщины и старики пили чай.

В конце концов, пароход вернулся в Сталинград. Нас разместили сразу в школе, а потом отправили в село. Там мы боролись за жизнь до 1944 года.

В суровые военные годы мы узнали, что такое милосердие, доброта и дружба.

Мэлестана Кравчик (Пасарар)

Родилась 20.08.1934, в Киеве, в семье военного. Война застала во Львове. В начале войны семья была эвакуирована, жили 3 года под Сталинградом. Вернулись на Украину. Воспитала сама троих детей. Всю жизнь проработала педагогом. С 1963 года и до репатриации в Израиль в 1999 г. жила в Молдавии.

МАЙЯ КРАЙЗМАН

БЕЛЫЕ ПАНАМКИ

Нашу семью война застала в Каменец-Подольске. Пять семей объединились, чтобы выехать в эвакуацию вместе. Достали подводы, погрузили нехитрый скарб. Сверху – девять малышей. Мне, самой старшей, было одиннадцать лет.

Помню, как однажды взрослые ушли в окрестные села менять вещи на продукты. Дети остались на моем попечении. В это время началась бомбежка. Детишки снимали с голов белые панамки, как их учили родители, чтобы стать менее заметными с воздуха, а я торопилась спустить их побыстрее на землю. Они стояли на подводе, плакали и кричали, протягивая ко мне руки:

– Меня! Меня!

Помню один день – 5 июля 1941 года. Вдоль дороги, по которой мы ехали, лежали на обочинах тела, накрытые шинелями. Их было много. Я спросила у мамы, что люди делают на обочинах.

– Они спят, – жалея меня, ответила мама.

Майя Крайзман

Родилась 28 апреля 1930 года. После войны вернулась с семьей в Кашинец – Подольский. Закончила Ждановский металлургический институт. Работала на исследовательской работе на Луганском тепловозостроительном заводе. Награждена медалью «Изобретатель СССР», имеет патенты в области металловедения. Репатриировалась в Израиль в 1991 году.

РОЗАЛИЯ ЛИВШИЦ-КАПЛАН

МОЙ РАССКАЗ О ВОЙНЕ

Когда началась война, мне было 15 лет. Уже не ребенок, но и не взрослая. В мое счастливое детство доходили известия из Германии о преследованиях Клары Цеткин и Розы Люксембург. Их фото за тюремной решеткой приводили меня в ужас, но это было далеко, и не с моими родными.

Тогда мне юноша уже подарил первую розу и сделал комплемент. И мир казался таким прекрасным. Моя душа витала в облаках, и я поняла, что у души есть крылья...

Совсем скоро по радио прозвучали слова, от которых дрогнуло сердце. Взрослые слушали сообщения о войне и плакали. Дети играли с паровозиком у ног взрослых, не ведая, что их ждет впереди. Об ужасах, творимых с евреями на оккупированной территории, слухи едва доходили, и им не все верили.

А потом стало поздно. В семье папы помнили лояльность немцев 1-ой Мировой войны. В результате, 17 человек семьи Каплан были зверски уничтожены. Мужчины защищались с кухонными ножами в руках.

Мамина семья Берман эвакуировалась вся, на телегах. Когда выехали из города, у мамы упала крышка от кастрюли, и она пророчески сказала: это признак, что мы вернемся. Так и получилось.

При переправе Днепра нас долго бомбили. Когда кончались бомбы, фашисты расстреливали беженцев на бреющем полете. Крики, стоны, убитые, раненые. А я лежала под кустиком на берегу реки и смотрела в небо. Вдруг встретила взглядом с бесцветными глазами летчика, смотрящего вниз. Видно, на мое счастье, у него закончились патроны.

Маленький брат не мог понять, что происходит, и всех спрашивал, почему они это делают? Уже пешком, полуживые, дошли до Керчи. На пароходе – до Баку, потом – зерносовхоз Орджоникидзе. После освобождения Сталинграда, еще дымного, горящего, добрались до г.Марксштата. Там я закончила школу.

После освобождения мы вернулись в «мертвый» город (перед отходом немцы выгнали всех жителей). Первые же встреченные знакомые рассказали подробности произошедшей трагедии: о зверствах немцев и украинцев. Папин брат написал прощальное письмо и попросил их домработницу передать его нам, если мы вернемся. Она положила его за икону, но после освобождения города, его там не оказалось.

Картина Розалии Лифшиц-Каплан

А у меня крылья души больше не росли, я разучилась смеяться и радоваться, «высоко летать». Хотя жизнь моя сложилась благополучно.

В профессии я достигла максимум возможного. У меня прекрасная семья. Были, как у всех, взлеты и падения, но крылья души так, как раньше, не взлетали. Осталось обостренное восприятие опасности, страх за судьбу близких, за страну Израиль.

Прошло много лет, но редкая ночь у меня проходит без кошмаров с фашистами: побегом, полициями; я прячусь сама и спасаю кого-то. Просыпаюсь с диким страхом в жутком состоянии. Годы не стирают пережитого. Я считаю себя пожизненным инвалидом. У меня не пострадали ни руки, ни ноги, ни голова, но пострадала душа. Молю Б-га, чтобы никогда больше все евреи на Земле не пережили того, что пережили дети Холокоста.

Розалия Лившиц-Каплан

Родилась 4 мая 1926 года в городе Херсон. 30 лет проработала на Украине психоневрологом. В Израиле с 1990 года. В конце 90-х впервые увлеклась рисованием. Участница художественных выставок.

МАЙЯ ЛИВШИЦ

ФАШИСТ ПРОЛЕТЕЛ

Я родилась в Белоруссии, так что война для меня началась уже 22 июня. Тревожный гул летящих немецких самолетов. Мы, трое детей, бежим, чтобы спуститься в погреб. Мама ложится сверху, закрывая нас своим телом. Вечером пришел папа. Он прижал меня к себе, поцеловал и сказал, что уходит на фронт. Больше я его не видела...

Эвакуация. Мордовия, город Саранск. Однажды я вышла во двор, где играли дети. Вдруг услышала звук летящего самолета, и как закричу по-белорусски:

– Ховайтесь у бульбу!!! (Прячьтесь в картошке!!!), – но дети меня не поняли.

В декабре 1941 пришло извещение о гибели папы. Мой отец, Лившиц Семен Иосифович, был комиссаром санитарного поезда. Когда состав вез раненых с фронта, фашистские летчики, несмотря на красные кресты на крышах вагонов, разбомбили эшелон...

К тому времени многие семьи получили извещения о гибели мужей, братьев, отцов. Нам же, детям, это было непонятно, и мы всё бегали к прибывающим поездам «встречать отцов», которых уже не было в живых. Верилось в чудо!

Видели поезд вывезенных из блокадного Ленинграда. Пошли к запасным путям – к вагонам. Посмотрели в окна и в ужасе отшатнулись: люди-скелеты смотрели на нас из окон. Это были живые люди, но неправдоподобно худые. Мы побежали к бабушке за едой для них, а нам и самим-то есть было нечего! Хотелось накормить изголодавшихся людей. Но нам не позволили. Не подпустили к ним. Тогда мы не знали, что приучать их к еде надо постепенно. Уже известны были случаи, когда изголодавшиеся люди набрасывались на еду и погибали – желудок отвык от пищи. Помню, насколько мы были огорчены тем, что наш добросердечный порыв оказался нереализованным!

Помню послевоенный Витебск. Пленные немцы восстанавливают разбомбленные дома... К мальчишке подходит немец и просит поесть.

Мальчишка обращается к маме за помощью.

– Но он же немец, – в растерянности отвечает женщина.

– Но он же ХОЧЕТ ЕСТЬ!

Я хочу сказать большое спасибо всем матерям. И моей маме – Любове Менделевне Лившиц, которая сумела сберечь и вырастить нас, трех дочерей. Низкий ей поклон, светлая память нашим матерям!

Майя Лившиц

Родилась и жила в Белоруссии. Закончила в Могилеве машиностроительный институт. Инженер-механик, работала на авторемонтном заводе. Вырастила сына. В 1991 году репатриировалась в Израиль.

Рисунок Б. Исельсона

ЭФРАИМ ЛИТВИН

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

Одноногий гармонист, недавно вернувшийся с фронта, жил в соседнем доме. Знал и играл он много песен, особенно про войну. Их я мог слушать часами и быстро запоминал слова и мелодию. Особенно мне нравилась песня о мальчишке, который до войны голубей любимых запускал, а потом из-за голубей погиб от рук фашистов. Я решил выучить эту песню целиком. А тут как раз мама принесла американские ботиночки, которые все называли «второй фронт». В новых ботинках я успел в детсад к праздничному утреннику.

Все читали короткие стишки, мне тоже дали прочитать небольшой отрывок. Но в голове у меня вертелась песня о голубях, и я стал тихонечко напевать её.

Прислушивались сначала дети, а потом и взрослые. Песня им понравилась.

С наступлением «тихого часа», во время которого я никогда не спал, меня позвала в соседнюю комнату воспитательница тетя Валя и попросила спеть новую песню. Преодолевая смущение, я зазвенел своим дискантом:

*Голуби мои вы милые,
Что ж вы не несётесь ввысь?
Голуби мои сизокрылые,
Навеки сиротами остались...*

Я пропел песню одним духом. А когда тетя Валя позвала других воспитательниц, то спел и для них.

– Иди, отдыхай! – растроганно сказала тетя Валя. – А вечером, пожалуйста, спой еще у меня дома. Не возражаешь?

Я не возражал. Ушел в комнату своей группы, но не мог успокоиться и уснуть:

– Я пел для взрослых, и они попросили меня еще им спеть. Вот это да!!!

С трудом я дождался вечера, когда тетя Валя повела меня к себе домой. Дорога шла через базар в старый город, и нас долго провожал запах узбекских дынь и говор старых узбеков. Дошли до старого деревянного домика. Тетя Валя ввела меня в большую светлую комнату, часть которой занимали веревки с мокрым бельем, а вторую – заполняли стол, стулья и металлическая кровать.

– Мама, – позвала кого-то воспитательница.

Из чердачной двери по лесенке спустилась седовласая женщина и остановилась, рассматривая меня.

– Это что за богатырь такой? – воскликнула она.

– А вот и богатырь, – ответила тетя Валя. – А еще певец! Угости нас чайком, а потом послушаем его.

После чая с морковными оладьями, которые я проглатывал чуть ли не целиком, настал черед выйти на середину комнаты и приготовиться петь.

– Погоди маленько, – попросила седовласая женщина. – Я позову соседок.

Когда четверо женщин расселись у стены, я, немало оробевший, начал петь:

*Вот однажды мимо дома Вити
Шел отряд разбойников-зверей.
Офицер прикрикнул: «Отберите
У мальчишки этих голубей».
Мальчик долго им сопротивлялся,
Он ронял слезу и проклинал,
Но внезапно голос оборвался...
И убит был Витя наповал...*

...На всю жизнь запомнилось мне это первое выступление. Потом было много других, но это осталось самым памятным – выступление осенью 1943 года в узбекском городке Катта-Курган.

Эфраим Литвин

Родился 10 августа 1937, в Бессарабии. Инженер-механик флота. 30 лет проработал в судостроении и судоремонте. Всю жизнь пел, участвовал в вокальных ансамблях. 27 лет был актером Народного музыкально-драматического театра. Репатриировался в Израиль в 1991 г. Здесь продолжает заниматься творчеством: поет в хоре и вокальном ансамбле, 15 лет руководит театром-студией на идиш – «Маме лошен». Автор двух поэтических сборников.

БЭЛЛА ЛИТВИНОВА

«ПАМЯТЬ ЖЖЕТ ДУШУ...»

Латвия. Небольшой городок Смилтене, который упоминается еще в летописях времен Ивана Грозного. Ничего не предвещало беды, охватившей вскоре всю Европу, пол – мира...

В городке проживало около тридцати еврейских семей. В основном, это были ремесленники. Мой отец – Каган Лейзер, моя мама – Эстер. Нас было трое у родителей: я, Бетя, и два моих брата – Борух и Эфраим.

Помню по радио лающие речи Гитлера. Все понимали, что коричневая чума надвигается. Несколько еврейских и латышских семей решили бежать.

Мамина мать Ита и её брат Шрол остались в городке, – отец решил, что их-то никто не тронет. Увы, больше мы их не увидели... Уже после войны мы узнали, что фашисты всех евреев, оставшихся в городке, свезли на стрельбище. Евреи-мужчины под автоматами вырыли ямы. Стреляли по ногам, мужчины и женщины падали в свежевырытые рвы. На детей пуль жалели – их хватали за ноги и убивали ударами о камни и деревья. Пастухи, которые пасли недалеко скот, рассказывали, что после побоища еще несколько дней шевелилась земля, и скот с ревом бежал с этих мест, а собаки рыли землю и громко выли. Там остались мои бабушка и дядя...

Но вернемся к лету сорок первого.

В лесу за городом наши семьи ожидало несколько машин. Родители почти ничего из вещей не взяли. Было лето, да и надеялись, что скоро вернуться. Даже ключ от дома отец положил под коврик у двери.

Машины выехали из лесу ранним утром и направились по Псковскому шоссе в сторону России. Вокруг на лошадях, велосипедах, телегах и пешком двигались люди со скарбом. Неожиданно перед нашим транспортом остановились два русских офицера.

– Сверните на дорогу влево! – сурово приказали они.

Глаза их блестели и бегали из стороны в сторону. На пальце у одного из военных был большой перстень. Одна из девочек, сидевшая в кузове, громко крикнула:

– Русские офицеры не носят перстней. Это – «гансы»!!!

Наши мужчины связали двух этих «военных».

По дороге часто приходилось пережидать налеты немецких самолетов. Каждый раз родители хватали детей и бежали в придорожный лес. Однако назад возвращались далеко не все. Трупы взрослых и детей, мертвые лошади, разбросанные вещи, искореженные велосипеды устилали дорогу... Стоны и крики неслись отовсюду.

Так началась наша эвакуация.

Кончилась война, мы вернулись домой, в наш городок. Вдруг – стук в дверь. На пороге стоит наш сосед и протягивает свадебную фотографию родителей:

– Когда началось мародерство, грабили дома евреев. На земле осталась эта фотография в рамке. Я не мог позволить, чтоб такая красота пропала. Держите! Хранил до вашего возвращения...

Бэлла Литвинова

Родилась 16 июня 1933 года в Латвии. Закончила в Великих Луках педагогический институт, исторический факультет. Учитель истории и латышского языка. Преподавала в первой еврейской школе в СССР, которая была открыта в Риге в 1990г. Две дочери, внуки и правнуки.

ШИФРА МЕЙЛЬГЕНДЛЕР (ЭПЕЛЬБАУМ)

ДЕТСТВО ВОЙНЫ – ГОЛОДНОЕ ДЕТСТВО

Воспоминания детства отрывочны. Неудивительно, что в них так много занимает место все то, что связано с едой... Детство войны – голодное детство.

Мне 12 лет, и мы покидаем наш дом в местечке Маркулешты, что на границе между Украиной и Румынией. Собравшиеся на совет мужчины общины (они казались мне обернутыми в талес волшебниками – прорицателями) сообщают нам, что этой ночью нужно уходить.

– Дойдете до узкоколейки. Если успеете сесть на поезд, то не попадете в руки к немцам. Узкоколейка – недалеко от Первомайска...

Три дня шли мы до узкоколейки. Оттуда формировались эшелоны в Россию. Красная армия отступала. Солдаты сидели у заборов, под деревьями. Один из солдатиков увидел нас, голодных детей, и, открыв свой вещмешок, вытащил оттуда четыре-пять сухариков – поделил между мной и братом. Оставшиеся крошки высыпал себе в рот...

Солдаты были совсем юными, 17-18 лет. Но мне тогда они казались настоящими мужественными воинами. И командир их был такой же молодой. Помню, как он оправдывался перед отцом, что они не могут поделиться с нами водой. Симпатичные мальчики...

...Урал. В школе на больших переменах ученики получали булочку и кружку молока. Русского языка мы не знали. Только румынский и идиш. Потому-то в школе нас с братом посадили отдельно. Никогда не забуду свою учительницу Татьяну. Она, бывшая дворянка, и её муж были из осевших на Урале ссыльных. После уроков она забирала нас к себе. Она знала, что мы голодаем и кормила нас вместе с двумя своими детьми печеной картошкой или тыквенной, сваренной на молоке (!), кашей. До сих пор помню коричневую пенку-корочку на этой каше, которую она доставала нам из русской печи. А еще был «чай», заваренный сухариками ржаного хлеба.

Шифра Мейльгендлер (Эпельбаум)

Родилась в Молдавии 24 апреля 1929 года. Закончила институт в г. Бельцы. Работала учителем русского языка и литературы. Есть дочь и внучка. Живет в Ашдоде.

ИРИНА МЕЛАМУД (ЭСФИРЬ ПЕРЕТЯТКО)

НАШЕ УБЕЖИЩЕ

Война ворвалась в нашу жизнь. Отец работал на Керченском металлургическом заводе, строил укрепления на Перекопе... Но фашисты ворвались в Крым. Отца вместе с рабочими завода отправили в Магнитогорск. Он забежал домой, взял фотографии и мою куклу на память. А муж маминой сестры – дядя Сима – отправился с оборудованием другим эшелоном, который был разбомблен фашистами. Дядя погиб.

В общем, так получилось, что две сестры – без мужей, зато с двумя детьми каждая, – отправились за папой в Магнитогорск.

Хорошо помню наше пребывание на Кубани. Село, утопающее в садах. Только что сняли урожай. Горы пшеницы, подсолнухов, арбузов.

Мой брат Марк залез на «мажару» – так называли телеги, которые перевозили высокие стога сена. Телега тронулась, и он скатился с самого верха, ударился головой об землю. Когда пришел в себя, никого не узнавал, не помнил, что с ним. Решили отвезти его в военный госпиталь в Новороссийск, где был специалист по черепно-мозговым травмам.

Рисунок Б. Исельсона

Мама с братом уезжали на телеге, а я бежала за ними и кричала:

– Не оставляйте меня! Возьмите меня с собой!!!

Но взять меня в Новороссийск они не могли. Мне было суждено продолжать путь в эвакуацию вместе с тетей и двумя её детьми...

По дороге в Туапсе наш пароход был атакован с воздуха фашистами. Высадились на берег, а тут – новый налет, еще более жестокий! Тетя с нами соскочила с парохода на причал последней. Куда бежать с тремя малолетками, где прятаться?

Мы бежали по внезапно опустевшей улице в сторону какого-то холма. Тетя откинула болтающуюся на одном гвозде доску в заборе, и мы пролезли на ту сторону. Оказались у самого основания холма. Началась бомбежка. Это было страшно. Разрывы бомб сопровождались непрекращающимся треньканьем металла, свистом пуль и разрывами прямо над нашими головами. Казалось, что все бомбы и снаряды, все пули – летят именно в наши, распластанные на земле тела. Я так кричала от страха, что совершенно сорвала голос!

Наконец, стрельба закончилась. Мы подняли головы, оттого что слышали крики и ругань – с вершины холма к нам бежал солдат. Он размахивал руками и матерился. С трудом мы поняли, что нашим убежищем оказался холм, на вершине которого стояла зенитная батарея. Вокруг нас были сотни расстрелянных гильз. Это они создавали непрекращающийся во время бомбежки цокот металла, это орудия гремели над нашими головами...

Ирина Меламуд (Эсфирь Перетятко)

Родилась в Керчи 7 сентября 1932 года. Закончила Симферопольский педагогический институт, учитель географии. Кроме учительской работы, занималась преподаванием шахмат в Доме пионеров. Чемпионка Крыма по шахматам (1956). Воспитала сына и дочь.

ЮРИЙ (ЙУДА) МЕЛАМУД**КАК Я СТАЛ ЮРОЙ**

За две недели до войны я, мне было тогда шесть с половиной лет, играл в кузнице и упал на наковальню. От удара лопнула почка, и кровь пошла в ногу. Больница не принимала – случай считался безнадежным. Приняли меня на лечение в госпиталь для военных моряков. Там остановили кровотечение. Доктор рекомендовал санаторий, ... а тут – война!

Дядя погрузил нас на открытую железнодорожную платформу с запчастями для самолетов. Мы – сверху, на брезенте. Без документов, почти без вещей. Так доехали до Саратовской области. Тут я и пошел в школу. В классе было сорок человек. Все эвакуированные. Первый и второй класс вместе. Писали на газетах между строчек, тетрадей не было.

Дети обзывали меня «жидом», дразнили и не давали прохода. Солдаты, которые рыли неподалеку укрепления на случай прорыва немцев, вступились за меня. Один из них схватил двоих моих обидчиков за шкурку и стукнул лбами. С той поры – спокойно ходил в школу.

– Вы бы поменяли ему имя. Смените одну букву – и проблемы закончатся! – посоветовал спаситель.

Родители согласились. Так я и стал Юрой.

Помню, как отец, принимавший участие в рытье окопов, долгие дни не появлялся домой. Рук не хватало, так что домой никого не отпускали. Однажды мы услышали с мамой, что кто-то колотит в дверь. Подбежали, открыли и... увидели лежащего на пороге отца. Опухший, больной... У него даже не осталось сил стоять. Он как-то добрался, дополз до дома и упал, обессиленный, у двери, в которую колотил кулаком...

Еще одно детское впечатление военных лет. Однажды собирали в поле колося. Стояла страшная жара. Кто-то дал попить молока. Позже я почувствовал себя очень плохо. Мне казалось, что я умираю в поле. Меня тошнило. В итоге я вырвал странной творожной колбаской, которая не давала мне дышать. Видимо, за время долгой работы – молоко створожилось от жары.

Юрий (Йуда) Меламуд

Родился 21 сентября 1934 года. Закончил Новочеркасский политехнический институт. Работал инженером-механиком, конструктором на производстве. Живет в Ашдоде.

ХАИМ МИЛЛЕР

В ЭВАКУАЦИИ

Наша семья направилась на вокзал, чтобы попытаться сесть на поезд, идущий на восток. Куда – было неважно.

Что творилось у вагонов – описать трудно, их просто брали штурмом. Кто уже ворвался в вагон, тот тащил вещи своих близких через открытые окна и двери вагонов. Так же передавали внутрь и маленьких детей. Мы с мамой с большим трудом проникли в вагон через туалет! Наступило время отъезда. Паровоз дал протяжный гудок, и перрон с гудящей и орущей толпой, с узлами и чемоданами постепенно стал уплывать за окном.

В Куйбышеве папа выскочил на станции за кипятком и... с тех пор его никто из нас не видел. Остались мы втроем: я, младший брат Мотл и мама.

Куда несет нас судьба, мы не знали, пока не очутились в Чарджоу перед большой и мутной от песка Аму-Дарьей.

Ни о какой школе не было и речи в то тяжелое для нашей семьи время. На первом месте стояла добыча еды. Мы с братом в поисках пропитания слонялись по улицам. Красть не могли, но с благодарностью брали, если кто-то готов был поделиться. Нам что-то перепадало. Один наш вид и глаза говорили, что мы голодны, как волки или бродячие уличные собаки.

Понятно, что маме с нами было нелегко. Несмотря на болезни, она устроилась уборщицей в санэпидстанцию. Таким образом, домашним хозяйством был занят я. Мама научила меня готовить, поручив мне всю домашнюю работу.

Мы с Мотькой пропадали на Чимбайском базаре целыми днями. На базаре чего только не было: яблоки, груши, абрикосы, дыни, арбузы, персики. И все это было не так дешево, а денег-то у нас не было. Зато были руки и резвые ноги, а на базаре без этого не обойтись.

– Эгей, балалар, кель манда! – кричал какой-нибудь хозяин товара: фруктов или овощей. Разводя руками, он давал нам понять, что с какой-то арбы или машины надо разгрузить: арбузы, дыни или другую снедь. Мы подбегали к месту и, не торгуясь, разгружали все содержимое. Были очень довольны, когда хозяин щедро расплачивался с нами своим товаром.

Был у нас сосед – польский еврей по фамилии Равский. В шутку мы звали его Графским. Это был здоровый мужик лет сорока. Он работал на конюшне сторожем. Охранял лошадей, так как они были единственным транспортным средством. Правда, были еще и ослы, их впрягали в тележки поменьше.

С работы из конюшни Графравский приходил в огромном – до пят – овчинном тулупе. Заходил в нашу «фатеру», смеясь, распахивал свой огромный тулуп и нередко вытаскивал оттуда кричащего петуха или курицу, которых тут

же резали, ощипывали и разделывали. Мама ставила на огонь большую кастрюлю, и это был уже праздник для всех!

Помню один случай.

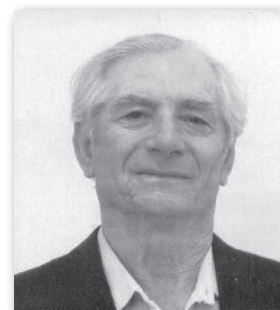
Есть тогда было нечего, наших жильцов дома не было – все разошлись в поисках хлеба насущного. Мама лежала больная, так что на хозяйстве – лишь я и Мотл. Что делать? Сегодня – небазарный день. Есть абсолютно нечего.

И вот – за окном мы видим небольшую собаку. Дворняжку. Я открываю двери и зову её. Голодный пес подходит к двери. Голод гонит его по задворкам! Я снова зову собаку, и она, остановившись, все же не решается переступить через порог. Я поманил пса чем-то и, как только он вошел в хибарку, быстро закрыл дверь...

...С большим чувством греха на душе мы впервые ели собачье мясо. Но ели, чтобы как-то утолить голод. Больше я животных не убивал, это был единственный раз за всю нашу эвакуацию.

Хаим Миллер

Родился 2 января 1927 года в Виннице. Работал слесарем на производстве, преподавателем труда в школе. Но главным в его жизни всегда был литературный труд. В Израиле вышел в свет сборник поэзии «Парус» и книга прозы «В житейском море». Хаим Миллер – член литературного объединения в Ашкелоне. У него дочь, внучка и две правнучки.

САМУИЛ МИНКИН

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «ВОЙНА»

ПОБЕГ

Война... У отца было много друзей и знакомых в городе и окрестностях. Целыми днями он бегал, искал лошадь, но все безрезультатно. И вот, с утра, он отправился в какую-то дальнюю деревню.

Уже стало темнеть, а отца все не было. Бабушка с мамой плакали, пили валерьянку. Мама говорила:

– Какого чёрта он, еврей, потащился чёрт знает куда в такое тревожное время.

Мы, дети, спать не ложились, все от волнения не находили себе места. Наконец, в первом часу отец появился и сказал, что достал лошадь. Он вместе с руководителем оркестра – капельмейстером Двориным – купил на две семьи и лошадь, и телегу.

Стали готовиться к отъезду. Мама все имевшиеся деньги разделила поровну с отцом, свои документы и деньги зашила себе в лифчик, а документы отца и деньги зашила в боковой карман папиного пиджака. Нам, каждому, мама подготовила узелки, еще в зале стояли заготовленные узлы с вещами и продуктами.

Солдаты теперь шли днем и ночью мимо нашего дома. Ночью слышна была канонада, говорили, что фронт недалеко. По дороге громыхали телеги, шли

Редкий снимок. 1935 год. Отец, мать, сестра Мария, я – Самуил.

машины со стороны Могилева, и однажды сообщили, что немцы высадили десант в Тёмном Лесу и взяли Могилев.

От Могилева до нас было 100 километров.

Вечером у Двориных состоялся совет. Лошадь и телега стояли на дворе, и было решено завтра утром бежать из города.

Когда на следующее утро, 9 июля, я проснулся, отца дома не было. Мама ходила по дому и думала, что еще не забыть взять с собой. Она нервничала, потому что было уже девять часов утра, а отца и Двориных с подводой все не было, хотя договаривались выехать рано утром, и еще нужно было погрузить наши вещи. Она послала меня сбегать, узнать в чем дело. Дворины жили от нас через три улицы.

Дворин был человеком лет пятидесяти. У них в доме стоял рояль. Он играл на всех инструментах, и все музыканты, которые были в городе, были его учениками. Мама тоже мечтала отдать меня к нему учиться играть на рояле, «когда разбогатеем».

У Двориных во дворе стояла лошадь, запряжённая в телегу, и жевала овёс из мешка, висевшего у неё на морде. Телега была загружена всевозможными вещами. Отец ругался, так как не осталось места для наших вещей, но на него никто не обращал внимания: выносили все новые вещи и запихивали в телегу. Я стоял на высоком крыльце, смотрел и переживал за отца. Вдруг я увидел, как по Шамовской дороге в город въехала немецкая танкетка с большими черными крестами, остановилась и два раза выстрелила в сторону базара.

Отец крикнул мне:

– Беги домой и скажи маме, что я сейчас приду.

Дома все были перепуганы, кругом слышалась стрельба и пулеметные очереди.

Мы стояли, дрожа от страха, и ждали отца. И тут подъезжает наш сосед Алексей, который жил напротив нас. Он подъехал и крикнул маме:

– Люба, давай сюда детей, поедem в Святозерье!

Он работал в лесничестве и приезжал домой на здоровом жеребце в белых яблоках, запряженном в легкую бричку с рессорами. Когда он был дома, лошадь стояла у него во дворе. Это позволило ему забрать и вывезти свою семью из города.

Мама и я с сестрой Маней побежали в дом, схватили приготовленные узелки и забросили их в бричку. Мама не поехала, осталась ждать отца. Алексей посадил меня и Верочку, и мы помчались. Маня бежала следом. Видя, что Маня здорово отстала, Алексей остановил лошадь и посадил Маню на телегу.

Деревня Святозерье находилась километрах в четырех от города, на высоком месте, за Святым озером.

Мы выскочили из города, проехали мимо озера, въехали в деревню и остановились у большого дома родственника Алексея. Хозяин открыл ворота, мы въехали во двор. Алексей распряг лошадь, бросил ей сена. Во дворе с высокого

крыльца был виден город, как на ладони. Там видны были пожары, в небе кружили немецкие самолеты, слышны были взрывы и стрельба. Нас покормили молоком с хлебом.

Верочка хныкала и иногда начинала плакать, на душе было тревожно. Прошло много времени, а мамы с папой все не было. У меня не осталось больше терпения их ждать, я выскочил со двора и побежал в сторону города. Добежав до озера, я увидел, как по дороге навстречу мне шли мама и папа.

Было очень жарко, папа с мамой были легко одеты, папа был в черной сатиновой рубашке, брюках и легких туфлях. Это была вся одежда, которая у него осталась. Он уговаривал маму разрешить ему вернуться, чтобы взять хотя бы пиджак с документами и деньгами, который висел в зале на спинке стула; но она его не отпускала и говорила, что вначале найдем детей, а потом видно будет.

Страшно подумать, что могло бы с нами случиться, если бы отец вернулся в город.

Мы вошли во двор, где ждали нас Маня и Верочка, которая, увидев маму с папой, успокоилась. Я был счастлив, мне больше ничего не надо было: мама с папой были с нами. До вечера мы находились во дворе и смотрели на пожары в городе.

Мама рассказала, что когда мы уехали, она побежала к Двориным и по дороге встретила отца. Уезжать на подводе уже было невозможно, кругом стреляли. Подойти к дому тоже было нельзя. Сосед, пьяница и бандит, который жил на другой стороне улицы с тремя сыновьями – «газлонным» (бандитами), как называла их мама, вытащили пулемет. Они простреливали улицу и не давали никому уходить из города.

Папа и мама окольными путями пришли к дому. Отец хотел взять корову, вывел ее из сарая; но выйти с ней уже не мог и снова загнал ее в сарай. Мама его торопила, и они, не заходя в дом, огородами выбрались из города. Только по дороге отец вспомнил, что забыл взять пиджак.

Хозяин дома предложил эту ночь переночевать у него:

– Места хватит, а завтра положение в городе может измениться; возможно, прогонят немцев, можно будет вернуться домой, да и день у вас был очень тяжелым и насыщенным страхами и волнениями....

Улица в деревне была пустынна. Через некоторое время по ней проехал грузовик – трёхтонка с солдатами, одетыми в новую советскую форму. Остановились около дома, где мы находились. Водитель спросил у хозяина, как проехать в город Мстиславль. Грузовик уехал, а у хозяина дома появилось подозрение, что это был немецкий десант, переодетый в советскую форму. Он сказал, что наши солдаты – пехота – на машинах таких не ездят, а идут пёхом.

К вечеру в деревне появились солдаты, которые ходили и всех предупреждали, чтобы уезжали подальше, так как стягивают войска, и ночью будет бой. Алексей предложил поехать за двенадцать километров к родственникам

его жены. Он запряг лошадь, мы все уселись на бричку и поехали на ночь глядя. Было темно, но Алексей, по-видимому, хорошо знал дорогу. В деревню приехали, когда было уже совсем поздно. Мы сразу обратили внимание, что все окна в домах заклеены бумажными крестами. Алексей слез и постучал в ворота одного из домов. Через некоторое время из калитки вышел хозяин, поздоровался с Алексеем, поцеловал его жену и дочку Марию, внимательно посмотрел на нас и позвал Алексея зайти во двор.

Их долго не было. Наконец, они вышли, и хозяин сказал, что в деревне ждут немцев, что на днях сбрасывали листовки, где писали:

– Берите хворостину и гоните жидов в Палестину.

Еще он сказал, что он очень сожалеет, что не может пустить нас на ночлег. А нам, от греха подальше, советовал быстрее уходить из деревни. Деваться нам было некуда. Мы, перепуганные, не ожидавшие такого приёма, взяли свои вещи и пошли, не сказав ни слова, опустив головы, куда указал нам хозяин, – в сторону реки Сожь. Отец нес плачущую Верочку на плечах – она привыкла в это время спать. Вначале шли по дороге, было очень темно. Потом дорогу потеряли, шли по какому-то полю по кочкам, набрали на стог сена. Мама сказала, что будем здесь дожидаться утра.

НА ПОДВОДАХ...

Утром в поселке появились солдаты, которые шли в сторону реки. Мама подошла к командиру расспросить, где немцы. Командир, который оказался сержантом, подал команду отдыхать. Солдаты сели на траву вдоль плетней и заборов. Деревенские бабы выносили им хлеб и молоко. Сержант рассказал, что немцы заняли Могилев; что в районе Темного Леса сбросили немецкий десант, который вчера занял город Мстиславль. Еще сержант сказал, что командиры сбежали, что они сами не знают куда идти, что у каждого из них винтовка и десять патронов, а у немцев автоматы и пулеметы. Сержант сказал, что немцы здесь могут появиться каждую минуту, и советовал нам перейти на тот берег реки. Там уже Смоленская область, и там немцев должны задержать – он слышал, что движутся большие силы наших войск.

Послышался треск мотоциклов. Сержант крикнул:

– Немцы! Ложись!

Солдаты залегли в траву вдоль берега. Нам он сказал, чтобы бежали к лесу, который виднелся за лугом в километре от реки. К лесу мы бежали что есть мочи. Отец бежал с Верочкой на плечах, а мы бежали со своими вещами. Позади слышались одиночные ружейные выстрелы и длинные пулеметные очереди. От бега у меня закололо в боку, но я бежал, преодолевая острую боль.

Добежав до леса, мы немного отдышались. Кругом было тихо и спокойно. Пошли дальше. Лесная дорога была изрыта глубокой колеёй, в низких местах стояла вода. Идти было тяжело. Очень хотелось пить. Вокруг было много чер-

ники, мы её собирали, но жажду она не утоляла. Подошли к небольшому мостику, внизу протекал ручей. Когда я подошёл к воде, головастики стайками разбежались в разные стороны. Жуки на длинных ножках бегали по поверхности воды. Но уж очень хотелось пить. Вода оказалась теплой и противной. Отец, по-видимому, дорогу знал и сказал, что скоро будет местечко Петровичи. В Петровичах родилась моя бабушка Бася. Я знал, что ее отец – Исроел дер Мелэх – был знаменитым раввином; что моему отцу дали имя в честь бабушкиного отца. Часа через два после тяжелого непривычного перехода мы пришли в местечко Петровичи. На улицах не было ни одной живой души. Отец повел нас к дому. На дверях висел большой амбарный замок.

Мы сели на лавочку перед домом, чтобы немного отдохнуть. Родители не знали, что дальше делать. Местечко, как вымерло, не у кого было что-либо спросить. Неожиданно в доме напротив открылось окно, из него высунулся глубокий старик и на ломаном русском языке с еврейским акцентом спросил, кто мы такие. Он сказал, что давно за нами наблюдает. Отец заговорил с ним на идиш, назвал себя. Старик вспомнил отца и рассказал, что все жители местечка уехали: одни вчера вечером, другие сегодня утром в сторону Рославля и, наверное, теперь они за лесом. А он остался сторожить дом, так как он очень старый и надеется, что немцы его не тронут.

Попив воды в доме старика, мы двинулись в путь. Часа через полтора, пройдя через лес, вышли на поляну, где стояло множество подвод, нагруженных домашними вещами. Нас обступили беженцы и стали расспрашивать. Родители рассказали, что немцы за рекой Сожь, что они сами видели, как немцы на мотоциклах подъехали к реке. Наше известие всполошило людей, и они немедленно стали собираться в дорогу.

Среди подвод оказалось много людей из нашего города, знакомых родителям, в основном, евреев. Отец стал ходить между подводами и просить, чтобы взяли нас, детей, а они с мамой будут идти пешком. Особенно тяжело было идти с двухлетней Верочкой на руках, родители несли ее попеременно. Никто не хотел нас брать ни за какие деньги; все говорили, что и так перегружены. И действительно, все телеги были нагружены до отказа, так что некуда было приткнуться, люди захватили все, что только можно было захватить.

Отец встретил Мстиславского сапожника – пьяницу по фамилии Шпилька, у которого была почти пустая телега. Его семья ехала вчетвером: он жена и два сына (один был старше меня, другой младше). Отец договорился со Шпилькой, что тот возьмёт нас, детей и наши вещи и довезёт до Орла за триста рублей, а отец с мамой будут идти пешком за телегой.

Беженцы, расположившиеся на поляне, говорили:

– Орел – спасение жизни, до Орла немцы не дойдут. Подтянут войска, немцев разобьют, и война через месяц кончится.

Мама с папой охали и тоже повторяли:

– Орел – спасение жизни.

К вечеру обоз проехал какую – то большую деревню и остановился на ночлег у леса. Распрягли лошадей, в деревне купили хлеб и молоко, поужинали.

На следующий день рано утром тронулись в путь. Ближе к обеду над нашим обозом начал кружить немецкий самолет-разведчик («рама»), и по обозу пронесся слух, что нужно разъезжаться, иначе могут начать бомбить. Обоз начал потихоньку разъезжаться, некоторые говорили, что зря поехали неизвестно куда, что надо вернуться домой. Мама не допускала мысли о возвращении, хотя мы выскочили из города, по сравнению с другими, без ничего. Отец колебался, и готов был вернуться.

Через два дня мы подъехали к Варшавке. По дороге сплошным потоком шли военные, везли огромные пушки, запряженные четырьмя лошадьми – тяжёловозами или тракторами; маленькие пушки тащили газики, работавшие на дровах. Беспрерывно шли колонны солдат с винтовками за плечами.

Глядя на беспрерывный поток военных, люди говорили, что войска идут под Смоленск, и теперь немцев остановят, скоро война кончится.

Несколько раз при крике: – Воздух! – солдаты бросались в лес, дорога мгновенно пустела. Низко над дорогой пролетали немецкие самолёты, и где-то слышны были взрывы.

Под Рославлем мы попали под бомбежку, от нашего обоза осталось две телеги. Лошадей с телегами загнали под высокие липы возле какого-то дома, а сами легли на землю. Было очень страшно, над нами кружили немецкие самолёты, где-то рвались бомбы. Мне казалось, что бомба падает прямо на нас. Я поймал себя на том, что беспрерывно повторяю:

– Чтобы бомба не попала в нас, чтобы самолеты улетели, чтобы...

И действительно, самолеты улетели, стало тихо, светило солнце, на деревьях щебетали птички; только вдали видно было, как поднимались клубы черного дыма. Мама говорила, что если суждено погибнуть, то пусть бомба накроет сразу нас всех.

Проезжая мимо всевозможных постов и патрулей, мама показывала свои документы, объясняла, почему у мужа их нет. Рассказывала, как мы выскочили из города. Ей верили, и нас пропускали. В деревне Бабоедово за Рославлем нас остановил местный патруль. Начальником патруля был въедливый седой деревенский старик с длинной бородой. Он решил, что отец – дезертир и приказал взять его под арест. Все доводы мамы и Шпильки на старика не действовали. Ещё усугубили ситуацию деревенские бабы, которые собрались около наших телег и кричали:

– Наши мужики воюют, а этот здоровый прячется за юбку своей бабы!..

Решили, что завтра утром старик с отцом пойдет в Рославль и там его сдаст в военкомат.

К нам подошёл пожилой мужчина с красивой окладистой бородой, как у Карла Маркса; разобрался в чем дело и, поговорив с мамой, пригласил нас к себе домой. Со Шпилькой договорились, что сделаем на пару дней остановку.

Утром отец со стариком ушли. Хозяин был бригадиром в колхозе и большим патриотом. Он как то сразу нашёл общий язык с мамой, и в его доме нас приняли как родственников.

С вечера наш хозяин пошёл в ночное с лошадьми. Вдруг ночью он вернулся, разбудил всех и сказал:

– Самуиловна, я поймал немца, поговори с ним, у вас похожий язык.

Мы испугались и насторожились. Он зажёл спичку, и мы увидели папу. Сколько было радости! Отец рассказал, что в Рославле пожары, начальство все разбежалось, и никого не могли найти. Встретившийся знакомый посоветовал уходить из города и вернуться в деревню. Бригадир сказал, что нужно поскорее уезжать – рядом Брянская область, а там – и Орел. Утром следующего дня наши подводы двинулись дальше.

Когда мы проезжали одну из деревень уже в Брянской области, нас остановил патруль. К нам подошли солдаты с винтовками и с красными повязками на рукавах, и стали проверять документы. Отца тут же арестовали, и сколько мама ни просила и ни уговаривала солдат, объясняя им, что это её муж и дети, его повели под конвоем в соседнюю деревню Семёновку, за пять километров, где был сельсовет.

Телега стояла в деревне посреди дороги. Мама просила Шпильку остановиться в этой деревне, чтобы она сбегала в Семёновку, куда увели отца – может быть, удастся ей его спасти. Шпилька заявил, что если оставаться, то придется здесь торчать очень долго; что он возвращается и если мама хочет, то он отвезет нас назад. Дальнейшие уговоры на него больше не действовали. Он сказал, что вообще жалеет, что с нами связался. Маме ничего не оставалось, как забрать нас и наши вещи. Шпилька развернулся и уехал, а мы остались вчетвером стоять посреди дороги: я, Маня со своими вещичками и мама с Верочкой на руках. Но мир не без добрых людей. За нами из-за плетня наблюдала деревенская баба, и когда мы остались одни, она подошла к нам и сказала, что она всё видела, и если мы не возражаем, то можем остановиться у нее. Где нам уже было возражать? Дуська, так звали эту бабу, привела нас в свою хату, стала маму успокаивать. Затем она достала из печи горшок со щами и горшок с тушеной картошкой и дала нам поесть. Но мы были так взволнованы, что еда не лезла в глотку.

Хотя мне было девять с половиной лет, я отлично понимал, что в то военное время, если нет документов, то могут принять отца за шпиона или дезертира и без суда и следствия поставить к стенке – расстрелять. Я вышел в огород, лег на меже в траву, чтобы меня никто не видел, и долго плакал, без конца повторяя про себя: – Чтоб папка вернулся, чтоб папка вернулся... И действительно, когда я утром проснулся, папа с мамой сидели за столом и разговаривали. Моей радости не было предела.

Отец рассказал, что когда привели его в сельсовет, пришел политрук и стал его допрашивать. Отец рассказал ему, как было дело, но тот потребовал дока-

зательств и ушел, оставив часового. Отец просидел несколько часов, затем его вывели и повели под конвоем по деревне. В деревне было много военных, но есть Бог на свете! Вдруг он услышал:

– Минькин, куда это тебя ведут? – это крикнул один из солдат, стоявших у дороги.

Оказалось, в этой деревне был расквартирован добровольческий полк, и один из мстиславских коммунистов служил в этом полку. Отец рассказал ему свою историю. Они вместе нашли политрука, земляк сказал, что знает отца с детства: он играет в оркестре на трубе; может это подтвердить и дать любые гарантии. Тогда отцу в сельсовете дали справку с гербовой печатью, где подтверждалось, что документы его утеряны; но предупредили, что ему необходимо пойти в районный центр Дубровку,

в военкомат, и призываться в армию. Идти на ночь к нам его отговорили, и он, переночевав, утром пришел сюда. Пробыв с нами сутки, договорившись с Дуськой, что мы пока проживем у нее, отец отправился в военкомат в Дубровку. Позже за ним двинулись и мы. В Дубровку мы пришли под вечер и направились в один из домов, где нас уже ждали. Во дворе стояла телега, загруженная домашним скarbом, а рядом лошадь жевала овес. Заготовщик, живший в этом доме, сказал, что если бы мы сегодня не пришли, то они закрыли бы дом и уехали. Утром они уехали, оставив нам дом, корову и все хозяйство. Дом был добротный, в кладовке было заготовлено полно продуктов: стояло пол – бочки соленого сала, мешки с мукой и крупой, в огороде – огурцы, помидоры, кусты крыжовника, красной и черной смородины, в саду вот-вот должны были созреть яблоки.

Я эту ночь спал на кровати с периной. После вчерашнего тяжелого перехода, после всех наших мучений и переживаний нам здорово здесь понравилось. Мама сказала, что она больше никуда не пойдет (что будет, то будет), и что

Рисунок Б. Исельсона

здесь ей нравится. Этот городок хороший, красивый; дом, хозяйство, огород. Идти пешком у нее не было больше сил. В Дубровке мы панствовали недолго. На исходе третьего дня пробегающая мимо дома женщина кричала с еврейским акцентом:

– На станции стоит поезд, бегите быстрее, кто хочет уехать.

СТРАШНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Отец получил повестку из военкомата явиться с ложкой и бельём на призывной пункт. Ложку нашли, а белья не было. Мы очень переживали, мама много плакала, но деваться было некуда. Мама всегда часто болела, заболела и здесь. У неё начались постоянные поносы. Врач направил маму в город Ржакса в больницу. Так что она поехала провожать отца и одновременно лечь в больницу на лечение. Верочку мама взяла с собой.

Мы с Маней остались одни, за нами присматривала соседка. Хотелось кушать. Мы нашли в буфете кусок сырого присоленного мяса и так ели его сырым с хлебом, было вкусно. Внезапно Маня заболела корью, пришел врач, отправил меня и Маню в больницу Ржакса. В больнице нас посадили на стулья в коридоре. Вдруг из двери палаты выходит мама с чашкой в руках. Увидев нас, она остановилась с перепуганным лицом, уронила чашку, которая упала и разбилась. Мама от переживаний не могла сдвинуться с места. Придя в себя, узнав, что Маня заболела, она начала хлопотать, чтобы нас положили в больницу.

Теперь мы все вчетвером лежали в одной палате. На завтрак обед и ужин давали тарелку манной каши, кусочек черного хлеба и стакан чая. У мамы было несколько яиц, которые она варила каждый день по одному для Верочки. Когда у Мани начался коревой кризис, мама сварила для нее яйцо, но Мане было плохо, и она отказывалась, есть. Мне манная каша так надоела, что я на нее не мог смотреть. Я просил у мамы, чтобы она мне тоже сварила яйцо.

– Не могу я тебе, сыночек, дать яйцо, – отвечала мама. – Вот видишь, у меня всего два яйца. Мане так плохо, Верочка ничего не ест...

Затем заболел я, и в тот день, когда у меня был кризис, мама целый день сидела у моей кровати. Она сварила мне яйцо, но мне было так плохо, что я не мог ни на что смотреть. Она меня уговаривала, как только могла, съесть яйцо; как будто от этого зависела моя жизнь, но я не мог открыть рта. Зато когда мне стало лучше, я снова стал просить яйцо, но было не до меня – заболела Верочка, да и яиц у мамы больше не было.

В палате было девять коек. Моя и Манина стояли у стены; кровать, где спали мама с Верочкой, стояла посреди палаты. Одна из больных была москвичкой, которая по своей «интеллигентности» постоянно открывала окна, ей все время нужен был свежий воздух.

Она переругалась со всеми больными, говорила, что нужно закаляться, чтобы не болеть. Была уже осень с дождями и ветром. У Верочки был кризис, мама просила не открывать окна, но москвичка была, как гранит.

К вечеру Верочке стало совсем плохо. Она горела огнем, мама прикладывала к лобику мокрую тряпку, смачивала губы водой, пыталась с ней разговаривать, звала врачей и сестер на помощь, но ничего не могли сделать. Всю ночь мама просидела около её кровати.

Утром Верочка умерла.

Она лежала, как живая, и казалось, что она спит. То, что творилось с мамой, описать невозможно. Похороны Верочки взяла на себя больница, сколотили гробик и дали мужика с лошастью. Он опустил гробик в яму и насыпал холмик земли. У мамы не было ни копейки денег, чтобы отблагодарить его за помощь.

Итак, моя сестричка Верочка двух лет от роду осталась похороненной на городском кладбище в городке Ржакса Тамбовской области. Пока мы находились в больнице, мы каждый день ходили на кладбище, клали на могилку цветочки, мама старалась подправить холмик. При нас мама держалась. Но однажды я увидел, как она одна плачет навзрыд. Заметив меня, она тут же замолчала.

Как – то, возвращаясь с кладбища, мама стала обвинять себя за то, что не смогла уберечь Верочку, ведь она была абсолютно здорова и заразилась в больнице. Мама говорила, что если бы она ее положила не посреди палаты, а у стены, и что если бы... Я не знал, как утешить и успокоить маму, и только просил её так не убиваться, ведь теперь уже ничему нельзя помочь, а что будет с нами, еще неизвестно. Я говорил, что нужно подумать, как жить дальше; что здесь скоро наступят холода, и нам нужно ехать в Ташкент. Сейчас, без Верочки, нам, может быть, легче будет туда добраться. Я убеждал маму, что мы с Маней уже большие, будем ей во всем помогать и слушаться...

Поговаривали, что Ташкент – город хлебный, что там круглый год тепло, и не нужна теплая одежда. Я ел манную кашу и представлял, что иду по Ташкенту. Тепло, нет этого пронизывающего ветра с дождем, кругом свежий пахучий хлеб с хрустящими корочками. Ем свежие французские булочки с топленым молоком.

С моим желанием ехать в Ташкент мама согласилась, и мы решили: выпишемся из больницы и едем. Возвращаясь очередной раз с кладбища, мама увидела мужчину, подошла к нему и сказала:

– Я вас запомнила, вы призывались и отправлялись в одном эшелоне с моим мужем, почему вы здесь?

Мужчина рассказал, что их эшелон разбомбили под Курском. Тем, кто остался в живых, приказано было вернуться к месту призыва. Отца он не знает и ничего не может сказать о его судьбе. Знает только, что во время бомбежки было много убитых и раненых.

Мало нам было одного горя, а тут еще прибавилось. Мама побежала в военкомат, но и там ей ничего не могли сказать. Наступили тревожные дни ожидания. Я забирался куда-нибудь, чтобы меня никто не видел, и многократно повторял:

– Чтобы папка вернулся, чтобы папка вернулся, чтобы...

Спустя какое-то время мама встретила другого призывника, и он уверял, что видел отца уже после бомбежки. У нас немного отлегло от сердца, а отца все не было.

Нас выписали из больницы, и мы вернулись, уже втроем, в село Жемчужное на опытную станцию, в нашу комнату.

Ждали отца.

И вот, однажды вечером, только зажгли лампу, вошел в комнату папка. Мы настороженно смотрели на него. Он сразу понял, что что-то случилось. Мама рассказала о том несчастье, что постигло нашу семью. Он долго сидел за столом и потом заплакал. Я никогда – ни до, ни после этого – не видел, чтобы он так плакал.

Все мы плакали, сидя рядом. Отец любил Верочку. В основном, он нес ее на плечах в дни нашего бегства от фашистов. Теперь же, когда уцелели, спаслись от немцев, – мы потеряли ее.

ДЕРЕВНЯ БУДЕННОВКА (КАЗАХСТАН)

Дом Полины Шамшеевой состоял из двух половин: в первой половине был земляной пол, стояла русская печь, обеденный стол и железная койка; во второй был деревянный пол. Два окна, выходившие во двор, были с рамами и застеклены. Окно, выходившее на улицу, было без рамы и завешено рогожей, и никакой мебели.

В дальнем углу лежала солома, на которой спали немцы. В связи тем, что в село стало прибывать много эвакуированных, немцев, высланных из Поволжья, переселяли в дальние казахские аулы. (Всех немцев Поволжья в течение 24 часов выселили и отправили в Сибирь и Среднюю Азию).

Мы притащили свежую солому в противоположный угол, и жили вместе с немецкой семьей во второй большей части дома (горнице).

Эта немецкая семья состояла из потомственных учителей. Приехали они из города Энгельса. Немец был высокий, худощавый, лет пятидесяти. Его жена – «фрау Марта» – невысокая, полноватая; и дочка Эльза лет восемнадцати, с вздернутым носиком.

Это были интеллигентные люди высочайшей культуры. Вели себя они с нами деликатно, на всякую мелочь спрашивали разрешения, в их лексиконе были слова: «битте», сердечно благодарим, большое спасибо, мы вас не по-

тревожили... Разговор они строили так, чтобы, не дай бог, не сказать что-либо обидное. Гитлера они осуждали. Зная, что кругом их ненавидят, они старались не вступать в разговоры, держались обособленно и выходили из дому только по необходимости. Вся семья мужественно переносила свалившиеся на них бытовые неудобства, не предъявляли никаких претензий и смирились с судьбой.

Вместе мы прожили около месяца. Затем немецкую семью отправили в дальний кишлак.

В январе 1943 года стояли сильные морозы. Мы все сидели у натопленной печки.

Кто-то постучал в дверь. Вошла нищенка, одетая в лохмотья. В ту зиму от нищих не было отбоя. Полина стала говорить, что у самих кушать ничего, сами голодаем.

Нищенка сказала:

– Что, вы меня не узнаете? Я – Марта.

Узнать ее действительно было невозможно: вместо женщины лет сорока пяти перед нами стояла глубокая старуха, одетая вся в лохмотья. Полина – хозяйка дома – пригласила ее пройти и поставила около печки стул, но немка не двинулась от порога. Она попросила картофельных очисток от сваренной в мундирах картошки, которые увидела на сковороде в нише под печкой. Полина подала ей сковороду, немка набила рот очистками и подобрала все крошки. Ей предложили чай с хлебом, пригласили пройти погреться.

Она от всего отказывалась и твердила, не отходя от порога:

– Мы – немцы, нам нельзя.

Марта рассказала, что муж ее умер от голода, а Эльзу призвали в трудовую армию, и она работает где-то в шахтах на Урале.

В ту ночь в коридоре замерз новорожденный хозяйский поросенок. Всю ночь он визжал, а к утру замолк – замерз. Полина предложила его немке. Марта взяла поросенка, пошла в огород, выпотрошила его, разожгла костер, проткнула через поросенка палку, зажарила и съела, потом вернула нож и ушла.

На следующий день, когда я шел в школу, навстречу мне ехал казах. На арбе я увидел знакомые лохмотья. Я вспомнил эти лохмотья – это была Марта! Плотнo поев, она отправилась в аул. По дороге, по-видимому, села отдохнуть. Уснула и замерзла. Казах, рано утром ехавший в Буденновку, увидел замерший труп женщины около дороги, закинул его в арбу и привез в село.

ПАСТУХИ

Под угрозой предстоящей зимы и голода Полина уговорила маму взять пасти хозяйских телят, так как пастухи в селе – уважаемые люди, им хорошо платят. И вот теперь мамины слова сбылись. Она мне с первого класса твердила:

– Будешь плохо учиться, станешь пастухом.

Мы с Маней приняли стадо – 72 теленка и одну слепую корову. Договор был такой: за каждого теленка колхоз нам платит 0, 75 трудодня, и каждая хозяйка дает пол – литра молока в месяц. По маминым расчетам получалось очень даже неплохо, если еще учесть ее 25 трудодней в месяц в огородной бригаде. Это выходило около 80 трудодней в месяц.

Но мама просчиталась. На трудодни в колхозе в этом году не дали ничего, и пять месяцев мы пасли телят только за молоко. Мама каждый вечер бегала по дворам и собирала литр-полтора молока. У Полины был сепаратор, мама перегоняла молоко: сливки собирала, перегон мы выпивали. Из сливок она сбивала масло, перетапливала его, подсаливала и заливала в пол-литровые бутылки, затем плотно закупоривала их, заготовляя на зиму.

Первое знакомство со стадом было не очень приятным: двухгодовалый бычок опустил голову, замычал, стал рыть передними ногами землю и вдруг бросился на меня. Я еле успел убежать от него в речку, а он стоял и не выпускал меня из воды, продолжая мычать и рыть землю копытами. Маню телята признали сразу, меня же этот бычок несколько дней не подпускал к стаду, но зато потом я на нем отыгрался. Для пастбища нам был отведен участок луга вдоль реки длиной с километр, и кончался он обрывом в речку. Мы загоняли телят в сторону обрыва, и они паслись, пока не подходили к обрыву. Это занимало часа два. Мама будила меня в четыре часа утра. Только начинался рассвет, когда я шел по селу и собирал телят. А пригонял их назад уже в сумерки. Когда телята начинали пастись, я шел к середине луга, где стоял куст, ложился и спал. Телята доходили до обрыва, я просыпался, бежал, разворачивал стадо – и снова ложился спать. Скоро телята привыкли и стали возвращаться сами.

В жару я весь день купался и ловил пескарей. Маня приносила мне обед. А вечером, разогнав телят по домам, я приносил низку с двадцатью – двадцатью пятью пескарями. Отдавал маме рыбу, сам ложился полежать. Меня будили. Сонный, я ел, а утром кричал:

– Где моя порция?! – и никак не мог вспомнить, что вставал и спросоня ел жареную рыбу.

Целыми днями я один был на лугу. Там я научился плавать и прыгать с обрыва в воду головой вниз.

От папки регулярно приходили письма. Он писал, что его вызывали в штаб фронта. Вызывал его майор Минкин, хотел установить родственные связи. Он был из Харькова и командовал ротой обслуживания. Родственных связей не оказалось. Узнав, что отец – заготовщик (который необходим был сапожной мастерской) майор через высшее начальство перевёл отца из музыкального взвода в сапожную мастерскую. Вскоре ему присвоили звание ефрейтора.

Мы по-прежнему, приблизительно два раза в неделю, получали солдатский треугольник. Во всех письмах было на пол-страницы корявого, безграмотного текста одного и того же содержания:

– Здравствуйте, мои дорогие, я жив, здоров, служу на старом месте. Обо мне не беспокойтесь. Как вы там живете? Берегите себя и чаще пишите. Каждое ваше письмо для меня – большая радость. Скоро Гитлера разобьем, и тогда снова будем жить вместе.

Для нас самым главным было то, что он жив и здоров. Летом 1943 года вдруг перестали приходить письма. Шла неделя за неделей, а писем от отца все не было. Мама сходила с ума. Где бы я ни находился, постоянно с тревогой думал: почему нет писем, что случилось? О страшном я думать не хотел, каждый день сам себе говорил:

– Сегодня будет письмо.

Вечером, раогнав телят по дворам, ничего не спрашивая, я видел по маме и Мане, что письма не было.

Иногда мы с Маней менялись. Однажды Маня погнала телят, а я остался дома – нужно было по второму разу окучивать картошку. Поработав пару часов, я пошел к меже, лёг под дерево лицом в траву и стал беспрерывно повторять:

– Чтоб от папки было письмо, чтоб от папки было письмо...

Так и уснул. Приснилось мне, что из высокой травы выходит маленький человечек в широкополой шляпе (точно, как в сказках Андерсена) и говорит:

– Я – Бог, я все знаю, я вижу, как вы переживаете, что нет писем. Папка ваш жив, скоро получите письмо.

Я проснулся и стал думать, как мне рассказать маме. Что это был не сон. Чтобы мне поверили. Чтобы вселить какую-то надежду.

В трудные времена все жили надеждой. Все (и верующие, и неверующие) просили и молили Бога, чтобы их родные и близкие были живы, здоровы. И все хотели верить в чудеса, сказки, предсказания. Придя домой, я рассказал, что сидел на меже под деревом и услышал голос Бога, который сказал мне:

– Не переживай, твой папка жив, были трудности, скоро получите письмо.

Большой радости мой рассказ не вызвал ни у мамы, ни у Мани. Мама только тяжело вздохнула и сказала:

– О, рабейну-шалойлом! (О, великий мой покровитель!).

Через два дня мы получили письмо. Отец писал, что они с боями пробивались из окружения, несколько недель не было возможности писать. Теперь все нормально, он служит на старом месте, и будет регулярно писать...

ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ

После окончания учебного года мама сбегала в сельсовет и устроила меня в пионерский лагерь как сына фронтовика. Лагерь был организован в Михайлове, в средней школе. В классах стояло около двадцати коек. Я попал в группу, где были ребята, в основном, местные, Михайловские, старше меня. Были среди них и сельские главари. Все они знали друг друга.

Часто они ссорились и дрались. В послеобеденный сон, стоило воспитательнице выйти из класса, со всех сторон начинали лететь подушки.

Кормили нас три раза в день: утром давали крутое яйцо, хлеб, масло и чай. В обед – суп и кашу с котлетой, а вечером – винегрет, хлеб, масло и опять чай. Это было лучше, чем борщ из крапивы. Всё было бы хорошо, если бы была рядом мама. Я первый раз уехал один, и все время думал, как они там, и как Мане трудно одной пасти телят. В столовую и к реке ходили строем, что мне не нравилось. Чужаков, как я, ребята не любили, старались толкнуть и оскорбить, из-за всего этого я не находил себе места.

На третий день моей лагерной жизни ко мне подошел один из главарей – здоровый бугай, намного старше меня, и сказал:

– Слушай, жиденек, ты худой, дохлый и много не ешь, будешь пол – пайки хлеба отдавать мне, тогда тебя никто не тронет.

В лагере у меня не было ни знакомых, ни друзей, я тосковал; но больше всего я переживал за маму и Маню – как они там? Я решил бежать. На следующий день, позавтракав, собрав свои вещи, я юркнул через школьный забор, отмотал двадцать километров до Буденновки, и к обеду был дома.

Увидав меня, мама испугалась, но, узнав, что я сбежал, она начала меня ругать на чем свет стоит и требовать, чтобы я вернулся, так как у нее нечем меня кормить. Я заявил, что в лагерь не вернусь и буду голодать, и буду пастухом, и буду все что угодно...

Особенно мама переживала, когда из лагеря вернулись ребята с рассказами, что их там хорошо кормили, и им там было хорошо. Мне эти разговоры были безразличны.

ДЖАМБУЛ

В конце 1943 года в газетах появилось сообщение, что освобожден город Мстиславль и станция Ходосы. Немцев гнали на запад. Эвакуированные стали уезжать в освобождённые районы, в основном, на Украину. Мы бегали провожать отъезжающих и завидовали им белой завистью. Появилась надежда скорого возвращения домой. Мама написала письмо в Мстиславль. Мстиславский горсовет нам сообщил, что наш новый дом сожгли немцы при отступлении. Хотя нам некуда было ехать, нас тянуло на родину с невероятной силой. Так мы оказались в Джамбуле. Стали искать родственницу нашей знакомой Полины. Вскоре мы нашли небольшой домик на краю города. Открыв калитку, мы подошли к дверям и постучали. К нам вышла молодая коренастая женщина, мы поздоровались, и мама подала ей письмо. Прочитав его, женщина улыбнулась широкой, открытой улыбкой и пустила нас в дом.

Женя, так звали хозяйку, жила вместе с трехлетним сыном, которого звали Толик. Он не выговаривал букву «к» и говорил: -артошка, -у-уруза, -атлета... Муж её был на фронте. Женя расспросила о Шамшеевых, про Буденновку. Она

сама была родом из этого села, но давно переехала в Джамбул. Она сказала, чтобы мы отдыхали, а завтра – на вокзал.

На железнодорожной станции оказалось, что никакие эшелоны не идут; пока не пройдешь санпропускник, на вокзал не впускают.

Теперь ситуация поменялась: на вокзале и в привокзальном садике сидело много народа, которому нужно было ехать на запад. Люди много дней стояли в очередях за билетами; эшелоны, в основном, с военными и военной техникой, проносились мимо.

Женя оказалась простой и доброй женщиной. Нас она принимала, как близких родственников. Видя, что мы переживаем, что не можем уехать, она стала успокаивать маму, говоря, что мы можем пожить у нее, пока на улице стоят холода. Она рассказывала, что у нее жили эвакуированные евреи из Донецка, которые недавно уехали домой, и она боится, что могут поселить к ней чеченцев.

На дворе стояла плохая погода, шли дожди, было холодно. Женя подсказала маме, чтобы она сходила в райисполком. Нам как семье фронтовиков должны были выдать хлебные карточки, по триста грамм хлеба в день на человека.

Каждый день в шесть утра я шел в магазин и становился в очередь за хлебом. Когда подходила моя очередь, продавщица вырезала ножницами квадратик с датой в каждой карточке, ставила на одну тарелку весов килограммовую гирю, с другой – стогрармовую, отрезала треть буханки и взвешивала 900 граммов хлеба. Если не хватало, добавляла кусочки; если вес был лишний, кусок отрезала. Иногда порцию (девятьсот грамм) она давала кусками. Спорить с ней было бесполезно – продавщица поднимала крик:

– Куда я буду девать куски?!

Ругаться с ней никто не хотел – просроченные дни пропадали. Но тем, кто с ней дружил и угождал, она могла эти дни отоварить. Чем больше было кусков, тем лучше было для меня: пока я доносил хлеб до дома, самые маленькие кусочки я успевал съесть.

Идя в магазин или возвращаясь, я проходил мимо большого углового дома с красивым крыльцом, на котором сидел пацан, упитанный, краснощекий, и постоянно что-то жевал. Однажды он мне крикнул:

– Эй ты, еврей, что ты все ходишь по нашей улице?! Чтобы я тебя больше тут не видел! Будешь ходить, я тебе покажу!

Я всегда болезненно воспринимал слова «жид», «еврей» и другие антисемитские выражения, но на этот раз от неожиданности ничего не сказал, да и не хотелось с ним связываться, – и прошел мимо.

На следующий день, когда я возвращался из магазина, пацан увидел меня, сошёл с крыльца, преградил мне дорогу и спросил:

– Ты что, не понял, что я тебе сказал?

– Пропусти, – сказал я.

Он схватил меня за борта моего старенького пальто, из которого я давно вырос, и стал меня трясти. Я стукнул ему в глаз. Он еще раз дернул и надорвал борт. Мы начали драться, он разбил мне нос, но я почувствовал, что он хочет от меня отделаться, так как он стал отдирать мои руки и кричать:

– Пусти!

Я в него вцепился мертвой хваткой, не ощущая ударов. Я готов был разорвать его на куски, если бы у меня хватило сил. Из дома выскочила его мать, растащила нас, толкнула меня, забрала своего сыночка домой, а мне стала угрожать и ругать меня матом.

Продавщица в этот раз дала мне наш паек одними кусками, и после драки куски оказались разбросанными по земле. Я подобрал куски хлеба и пошел домой. Мама, узнав в чем дело, стала меня ругать на чем свет стоит; говорила, что я не могу спокойно ходить по улице, что почему-то только меня все трогают: и дети, и собаки... Зашивая пальто, она сказала:

– Ладно, все равно это пальто тебе уже мало, на следующую зиму придется доставать новое. И добавила: правильно, надо уметь защищать свое достоинство. Хлеб мы съели, только песок скрипел на зубах. А пальто пришлось носить и следующую зиму. Я продолжал ходить по этой улице, но пацана этого на крыльце больше не видел.

ПОБЕДА!

Наши войска гнали немцев на всех фронтах. Первого Мая был взят Берлин. Чувствовалось, что война скоро кончится. Мама молила Бога, чтобы папка остался жив. Она говорила, что сейчас немцы самые свирепые, потому что войну они проиграли, и терять им нечего.

Утром кто-то сильно постучал в окно и крикнул:

– Вставайте, ВОЙНА КОНЧИЛАСЬ!

Было четыре утра, только начинало светать. Выскочив из дома, мы увидали, что весь народ высыпал на улицу.

Творилось что-то невероятное: люди целовались, плакали, орали, сосед-инвалид ходил с трехлитровой банкой самогонки и стаканом и предлагал всем выпить за победу. Несмотря на столь ранний час, весь город был на улице. Мы, мальчишки, шныряли между людьми в толпе. Народ ликовал. Радость и веселье было кругом, везде были слышны крики: «ПОБЕДА!». Два дня, восьмого и девятого мая, мы не учились. В кинотеатре целыми днями крутили кино бесплатно, один фильм за другим. В то время как народ гулял, мы целыми днями сидели в кинотеатре. Выходили только, чтобы сбегать перекусить. Кино было редкостью и большой радостью.

Двадцатого мая закончился учебный год, я перешел в пятый класс. Перед нами выступила директор, поздравила с получением начального образования

и сказала, что мы теперь грамотные люди и умеем читать, писать и считать. Нам выдали справки об окончании четырёх классов.

Когда мы получили письмо от отца, написанное после Дня Победы, мама облегченно вздохнула и сказала:

– Ну, слава Богу, теперь нам осталось только дождаться демобилизации.

В середине июня к нашему дому подкатил грузовик, с него соскочил папка. Он молодо выглядел, в чине ефрейтора, в новой командирской форме, в новеньких хромовых сапогах. У отца было много багажа, но главное для меня – новенький немецкий велосипед.

Первые дни я ходил за отцом по пятам, не мог отойти от него ни на минуту. Как долго я ждал этого дня! Просыпаясь утром на чердаке, я вспоминал, что папка вернулся и привез велосипед, и меня охватывала огромная радость. Я слетал с чердака и бежал к велосипеду. Он был мне велик, с седла я не доставал до педалей. Пришлось снять седло и накрутить на его место тряпок. Научиться ездить оказалось не так просто.

В одном из еврейских домов оставшиеся в живых старики и демобилизованные солдаты организовали «миньян» (молельный дом). У них не было десяти человека, а мне уже к тому времени исполнилось тринадцать лет, и отец каждый вечер брал меня с собой. Если меня не было, то они все сидели и ждали, без меня они не могли начать молиться. Тогда я не имел никакого понятия об иудейской религии и только здесь, В Израиле, увидел впервые, как молятся евреи. Мне тогда было непонятно, зачем я им нужен. Когда появился еще один демобилизованный, меня отпустили гулять. Мы стали готовиться к возвращению в Мстиславль, но это уже началась послевоенная жизнь.

Сестра Мария и немецкий велосипед. 1946 год.

Самуил Минькин

Родился 10.10.1931 года, в городе Мстиславль Могилёвской области, в семье заготовщика обуви. Дальнейшие события описаны в исторической повести: «Война 1941–1945 г.г.» <http://www.proza.ru/avtor/minkins&book=22#22>. Окончил Могилёвский машиностроительный техникум, Брянский институт транспортного машиностроения. Работал на проектной работе. В 1990 году репатриировался в Израиль. Живет в Кирият-Ата. Автор повести, рассказов.

АСЯ НОВИЦКАЯ

НОВАЯ СЕМЬЯ

СПРАВКА

Выдана депутату Таращанского Поселкового Совета врачу Корсунскому Абраму Марковичу в том, что он в 1943 году в память погибшего под Ленинградом сына взял из детдома двух круглых сирот – Виктора и Асю – 5 и 8 лет, усыновил и воспитал их...»

Таков сухой язык справки, выданной нашему отцу. А предыстория этого события такова. Мы родились в Польше, в городе Лодзь, а потому война для нас началась уже в 1939 году, когда фашисты захватили Польшу. Вся наша большая семья – бабушка, дедушка, две тети и наши родители – решили бежать из Польши.

Это был уже сороковой год. Как вспоминает брат, мы были среди последних беженцев, которым удалось избежать ада гетто и крематориев. Путь был долгим и трудным. Двигались на подводах и пешком, пробирались тайными тропами к границе. Нелегко было и нашим молодым родителям с двумя малолетними детьми на руках. Они упорно двигались на Восток, через Западную Украину вглубь России. В Васильевском районе Саратовской области оба они умерли от голода и болезней.

Мы с братом оказались одни в чужом доме, среди чужих людей, не знающие языка. Что пережили мы за две недели такого существования, можно только представить! Страх голода и темноты преследовал меня с тех пор долгое время.

В конце концов, председатель сельсовета усадил нас на телегу и отвез в детский дом. Документов никаких у нас с собой не было. Ни вещей, ни фотографий... Мы помнили лишь, как нас зовут, да фамилию семьи. Нас с братом разлучили на долгие два года. Он отправился в один детский дом, я – в другой.

...В 1943 году в детдоме появились вначале Елизавета Алексеевна, а затем Абрам Маркович. Меня и еще одну девочку они пригласили в гости. Нас сытно накормили, поэтому сразу же после обеда мы заснули прямо за столом!

– Возьмите меня из детского дома, сказала я, проснувшись. Я всё буду делать: чистить картошку, выносить ведро...

А потом директор детского дома сказал мне, что теперь они будут для меня мамой и папой.

Меня хотели забрать сразу же, но я была очень активной артисткой: пела, плясала. Поэтому упростили, чтобы я осталась до концерта, иначе программа «останется без главной артистки». Даже потом, раз в две недели, привозили меня в детдом на репетиции.

Рисунок Ханы Шрайбман

Новые родители хотели, чтобы я ни в чем не нуждалась, была, как другие дети. Они достали мне как-то целлулоидного пупса. Нога у куклы была сломана. Мой «папа» – врач – больную ногу одел в гипсовую повязку!

Через четыре месяца к нам присоединился и мой брат. Он появился оборванный, завшивленный, грязный. Тем не менее, я сразу его узнала:

– Это – мой брат! – сказала я своим новым родителям...

Это была печальная и долгая история, но у неё – счастливый конец. Родители недолго колебались, и решили усыновить вместе со мной и брата, чтобы мы уже никогда не были разлучены.

Первое время, приученный прокармливать себя сам (детдомовские дети приворовывали на базаре, на вокзале; еды постоянно не хватало), брат таскал из кладовки в доме еду. Родители его строго наказывали, приучая к новой жизни. Уже на Украине отец приобрел для нас с братом пианино и скрипку, начали обучать нас музыке и всегда заботились о нашем развитии.

Ася Новицкая

Родилась в 1937 году в г. Лодзь, в Польше. Закончила Петрозаводский университет, исторический факультет. Тридцать пять лет занималась учительским трудом: была учителем, завучем, методистом. Имеет награды за учительский труд: Заслуженный работник образования СССР и РСФСР, Орден Дружбы народов. До репатриации заведовала центром Хесед в Петрозаводске.

В 1999 репатриировалась в Израиль.

ДОРА НУЖНОВА**СПАСАЯСЬ ИЗ МИНСКА**

Сколько лиха пришлось хлебнуть нам, детям войны, в сороковые роковые годы! Если в ряде мест можно было говорить об организованной эвакуации, планомерном перемещении беженцев на Восток, то исход из приграничных районов оказался страшным и стихийным бегством.

На пятый день войны Минск был взят в кольцо немецкой армией, на шестой – город оказался захваченным врагом, так что выбраться могли только немногие в самые первые дни войны. Во многих семьях, в том числе и нашей, дети находились в пионерских лагерях. Никто не позаботился о нашем спасении. Две мои сестрички – десятилетняя Ида и восьмилетняя Фира – отдыхали в лагере за городом. Под бомбежкой мама пыталась разыскать их, но безуспешно. Боясь потерять и меня, мама бросилась домой, в город. Но дом уже был в огне – прямое попадание при первой же бомбежке. Меня приютила соседка. Все вещи, одежда, документы, – все сгорело. Мама со мной, трехлетней, на руках присоединилась к колонне беженцев. Под бомбами немцев, палящим солнцем, как когда-то наши праотцы при исходе из Египта, брели люди по дорогам в сторону Гродзиска. Там, на железнодорожной станции, формировались составы для отправки на Восток.

Попали мы в Мордовию. Я запомнила станцию Красный Узел. Местные жители приняли нас хорошо, хотя мы их и изрядно «потеснили».

Маму взяли нянечкой в детский сад, так что с этих пор я была под её опекой.

Запомнилась мне Мордовия сильными морозами. Даже воробушки замерзали на лету и шли в пищу как лакомство. Иногда нам перепали остатки обедов, которыми кормили на станции солдат, отправляющихся на фронт. Луковица с куском черного хлеба были для меня, девочки, повседневной пищей.

Дора Нужнова

Родилась в Минске 22 марта 1938 года. Профессиональная швея, закройщица. Всю жизнь проработала в ателье модной одежды в Минске. Двое детей. В Израиль репатрировалась в 1990 году.

СЕМЕН ПАЛЕС

В ПАРТИЗАНАХ

До трех лет мама воспитывала меня дома. А после я пошел в детсад. Детсад находился через дорогу. Я открывал калитку, смотрел, нет ли машин, и быстро перебежал дорогу. Это были счастливые довоенные шесть лет. А потом начался кошмар. Минск одним из первых попал под бомбовый удар.

В Белоруссии ожидали прибытия вагонов с зерном, но из этих вагонов высадились отборные войска фашистов. Они сразу же открыли огонь из пулеметов и автоматов, и эта внезапность дала им возможность занять город. Немцы тут же стали устанавливать свои порядки, создавать территорию для гетто. Для этого они стали выселять русских, татар, белорусов с Юбилейной площади, с улиц Танковой, Республиканской, с переулков. Эту территорию обнесли колючей проволокой, сделали два охраняемых выхода и загнали туда всех евреев.

Люди стали строить «малины», чтобы спастись во время облав. Часть продуктов можно было обменять у проволоки на вещи. Немцы вскоре через проволоку пропустили электрический ток, и тогда с продуктами стало совсем плохо. Часто они организовывали облавы: ловили на улице всех подряд и грузили в машины (газовые камеры), а затем сжигали трупы. Это место называлось Тростянец. Облавы, погромы всегда начинались внезапно: завывала сирена, немцы спускали специально обученных собак и начинали стрелять по всем, кто был на улице. Затем заходили в дома и тех, кто не успевал спрятаться, убивали или сажали в машину и отвозили в Тростянец.

Самый страшный погром произошел 7 ноября. Живых людей сбрасывали в яму, а затем добивали из пулеметов и автоматов. Их засыпали живыми. Эту акцию выполняли немцы и местные полицейские. Этот расстрел я видел своими глазами. Кроме того, они практиковали публичные казни: на человека вешали табличку с надписью: «За связь с партизанами. Такая участь ждет каждого, кто будет помогать партизанам».

Когда я услышал утром, что начался погром, то побежал к тете на другую улицу помочь спрятать детей. У нее низ печи поднимался, и там была «малина». Когда мы спрятали детей, я отправился домой, но уже не смог добраться. Спрятался в каком-то доме под лестницей и там просидел весь день и ночь. Затем я добрался до дому, чем очень обрадовал мать. Она считала меня погибшим.

В апреле 1943 года старшие приняли решение — уйти к партизанам. Собралось около 50—60 человек. Построились в колонну, и мнимые полицейские вели их, якобы, на работу. Так они добрались до леса. Там их должен был встретить

проводник. Но, как выяснилось позже, он был убит, а в лесу была засада. Когда они приблизились к лесу, по ним был открыт огонь, люди стали разбегаться. В воронке я просидел весь день и всю ночь. Утром стало тихо. Почти целый день я потратил, чтобы выбраться из ямы. Только к вечеру мне это удалось. Я был голодный, выбился из сил, но понимал — надо идти. Вскоре я услышал собачий лай — значит, люди здесь живут. И я пошел в этом направлении. Вдруг я увидел крестьянскую хату и огонек в окне. Отчаявшись, усталый — пошел на огонек. Добравшись до окна, я заглянул в щель и... О чудо! Там я увидел нашего соседа и еще одного мужчину. Я постучал в окно, меня узнали, начались расспросы. Затем меня отмыли, накормили. Утром мы ушли в партизанский отряд имени Пархоменко, где я пробыл до 1944 года.

...Отряд имени Пархоменко был боевой отряд, который выполнял самые сложные, ответственные задания Центра партизанского движения. В этом отряде я был пастушком. Под моим началом — 5 коров и 5 лошадей. Лошади использовались для разведывательной работы. Они всегда должны были быть готовы к операции. Меня полюбили — я был послушным, трудолюбивым. Возвращаясь с операции, бойцы всегда приносили гостинец: то конфетку, то кусочек сахара. Немцы принимали различные меры, чтобы покончить с партизанами, не дававшими им покоя: они нападали на немецкие гарнизоны, пускали под откос поезда и т. д. Отряд имени Пархоменко был блокирован немцами, и пришлось двое суток просидеть в болоте.

В апреле 1944 года группа подрывников из другого отряда возвращалась с задания и сделала привал в нашем отряде Пархоменко. В этой группе оказался и мой отец. Радость была неописуема! Все приходили и поздравляли нас. Через несколько часов группа тронулась в путь, и меня отпустили вместе с отцом. Вскоре мы добрались до отряда Зорина.

Отряд Зорина (№106) — это был специфический отряд. Он состоял из двух частей: первая часть выполняла боевые задачи, и вторая — семейный лагерь, который ремонтировал оружие и шил одежду и обувь для всех отрядов; готовил материалы для санитарных частей. В состав этого лагеря входили спасшиеся из гетто и военнопленные. В отряде меня стали обучать читать, писать. Я оставался там до освобождения Минска. А потом я пошел в школу и какую радость испытал, когда моей учительницей оказалась моя первая учительница из отряда.

Семен Палес

Родился 24 марта 1935 года в Минске. Туда же, в родной город, вернулся после участия в партизанском движении в отрядах Пархоменко и Зорина. В 13 лет начал изучать строительную специальность и всю трудовую жизнь строил города. 42 года до репатриации в Израиль строил Минск, с 1990 года работал строителем на исторической родине.

БЕТТИ ПОРТНОВА (БАСЯ ФЕЛЬДМАН)**ЖИЗНЬ И НАДЕЖДА**

Запах настоящего борща, который раньше... Бася никогда не ела таких фруктов, таких шикарных помидоров, огромных. Это Кубань... Сюда, в кубанский колхоз, эвакуировалась в числе других жителей местечка Романовки семья Фельдман, Басины тети, дяди – все, кроме стариков, которые решили, что не смогут одолеть дальнюю дорогу.

Немецкая армия начала подходить к Ростову-на-Дону, бомбежки участились. Отца, как и других мужчин, отсюда забрали на трудовой фронт. Снова куда-то ехали. Теплушки, вагоны для скота. Брату Боречке было одиннадцать месяцев, он плакал. Старший брат Баси – Бенцион – чем-то сильно болел, он сидел неподвижно и молчал.

Забитый людьми поезд остановился, все высыпали из вагонов. Бася, конечно же, побежала в сторону, не спрашивая разрешения у мамы, – она привыкла к самостоятельным передвижениям. На небе появились самолеты. Они летели так низко, казалось, – прямо над головой.

– Наши, наши! – почему-то решила Бася, подпрыгивая от восторга. И вдруг – бомбежка, пулеметные очереди, крики людей... все исчезло. Видимо, она потеряла сознание.

Очнулась и подумала: «Вставать или не вставать? Я жива или нет?» Вся правая рука была залита кровью и очень болела. Встала – ни голосов, ни плача, ни криков, ни стонов. Жуткая тишина. Она пробиралась между убитыми людьми, скорее, скорее, туда, к маме с братиками. Рядом бежала красивая девушка с оторванной рукой... Тогда Бася не обратила внимания, что это ее двоюродная сестра, и не остановила её, отодвинув встречу на пятьдесят два года.

Мама и Боречка лежали недалеко друг от друга... и были мертвы. На вещах так же неподвижно, как и раньше, сидел Бенцион. Он тоже был убит. Семи-летняя Бася стояла рядом окаменевшая и осиротевшая. И это было только начало испытаний.

Запах гноя, крови и махорки стал привычным и родным. Теплушка, в которую поместили Басю, была плотно забита ранеными.. От невыносимой боли они стонали, кричали и... матерились.

Бася зябко куталась в пальто брата, все время плакала; рука опухла и страшно болела. К тому же, она ни слова не понимала по-русски, ведь в Романовке все говорили на идиш... Никогда не забыть ей умирающих солдат, протягивавших сухари, густо обсыпанные махоркой. Им хотелось хоть как-то поддержать одинокого, голодного, несчастного ребенка.

Однажды в госпитале кто-то сильный подхватил на руки исхудавшее тельце, передавая куда-то, кажется, к окошку, через которое передавали еду раненым.

И свершилось чудо: за окном – её папа, худой, почерневший, по щекам его текли слезы...

Никто его не выгнал, хотя на территории госпиталя находиться посторонним не полагалось. Он ночевал под окном, в больничном двореке, пока Басю не выписали.

Снова поезд. Нечего было кушать. На остановке Басин папа замесил лепешку и пошел к паровозной топке её испечь. Совершенно неожиданно поезд тронулся и начал набирать скорость.

Шмил бежал за поездом со сковородкой или какой-то там кастрюлькой и дико кричал: в вагоне осталось самое дорогое и единственное, ради чего еще стоило жить. Шмил начал отставать, и поезд замедлил ход, а потом вдруг, лязгнув колесами, резко остановился. Это просто проверяли сцепления. Или что-то другое проверяла на прочность жизнь?

Казалось, ничего больше не разлучит Басю с отцом. Но однажды Шмила вызвали в военкомат и велели собираться в Ташкент, на танковый завод. Он попробовал объяснить, что у него маленький ребенок, которого он не может оставить. Но время было военное, суровое. Сказали, что берут туда только мужчин, и что сейчас не до сантиментов. А потому Басю отправили в коршинский детдом.

Отец пришел попрощаться с дочкой. Ничего не подозревавшие воспитатели «выдали» ему девочку. «Ты едешь со мной», – заговорщически произнес папа, и они, чувствуя себя, как воришки, быстро убежали из детдома. В поезде Бася устроилась на чьем-то мешке с урюком, проковыряла в нем дырочку, и, пожевывая всю дорогу эту солнечную вкуснятину, в полном счастье ехала – с папой! – в Ташкент.

*(Фрагменты из очерка Марии Лакман
«Запах жизни, запах надежды» журнал «Силуэт» –
приложение к газете «Новости недели», июнь 2001)*

Бетти Портнова (Бася Фельдман)

Родилась в местечке Романовка в Бессарабии 8 июля 1934 года. Окончила педагогический институт в Ташкенте, долгие годы преподавала русский язык в школе и в Институте иностранных языков. В 1994 году репатриировалась в Израиль. Две дочери, три внука и правнук. Живет в Ашдоде.

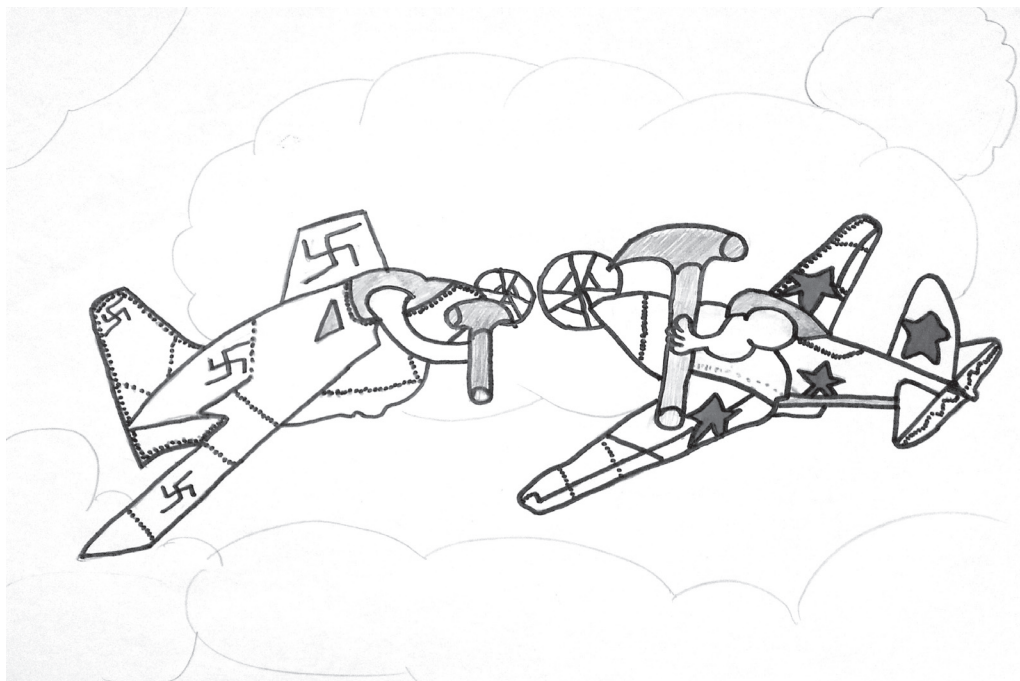

Рисунок Рашель Бурьяновой

НАТАЛЬЯ ПУРИЦ

«НАШИ» БЬЮТ НЕМЦЕВ!

К началу войны мне исполнилось три года. Мы жили в Сталино (Донецк), на Украине.

Первое, что запомнилось, – бомбежка. Черное небо. Я с кем-то из членов семьи – в погребе на улице. Над погребом – треугольная крыша. Я вижу бабушку Соню, которая бежит ко входу в погреб со связкой бубликов.

Второе впечатление, которое очень четко врезалось в память до сего дня. Судя по всему – фантазии маленькой девочки. Мы уже в эвакуации, в Чебаркуле. Я смотрю в окно и вижу в небе два самолета. Наш и немецкий. Мне видится, что летчики дерутся между собой большими молотками. Наверное, так я воспринимала слова взрослых:

– Наши бьют немцев в воздухе!

Наталья Пуриц

Дочь репрессированного в 1939 году. Инженер-экономист. Жила и работала в Подмосковье. В Израиле с 1994 года. Мама двоих детей, бабушка трех внуков.

АРКАДИЙ РАВИКОВИЧ

«ПО МАШИНАМ!»

Мне двенадцать... Немцы – на подходе к Киеву. Из города уходили пешком. Если везло, то часть дороги делали на попутных машинах. По обочинам можно было видеть сидящих на узлах плачущих женщин, растерянных мужчин. На наше счастье, рядом с нами остановился грузовик, ехавший в Харьков. Мы забрались в машину. Только тронулись в путь – налет немецких самолетов. Машина остановилась.

– Разбегайтесь! – прокричал водитель. Все кинулись врассыпную. Пытались укрыться в придорожном молодом леске.

Когда бомбежка закончилась, прозвучала команда:

– По машинам! – Все быстро заняли свои места, и машины тронулись.

К несчастью, я оказался чуть дальше остальных. Грузовик тронулся, не дождавшись меня. Он увозил в неизвестность всю мою семью. Из всех сил я бежал вслед, стараясь ухватиться за борт грузовика. Наконец, мне это удалось. Я уже было подтянулся, чтобы перекинуть тело в кузов... Вдруг бежавший за мной мужчина, тоже, видимо, отставший, промахнулся и, вместо борта, – вцепился рукой в мой ворот. Вдвоем мы покатались в придорожную канаву.

Я слышал, как мама кричит:

– Остановите машину! – но водитель и не думал тормозить. Самолеты могли показаться вновь в любую секунду. Нужно было уехать как можно дальше.

К счастью, позади шел еще один грузовик. Он-то и подхватил меня. Водитель просигналил маме, помахал ей рукой, давая понять, что её сын – в машине, что

со мной все в порядке. Так начался наш долгий путь в Семипалатинск

Здесь мы – я и мама – поселились в летней кухне, другого жилья не было. Надо сказать, что зима была морозной, снежной. Ноги и руки постоянно нужно было спасать от обморожения.

К холоду добавлялся голод. Учиться не было возможности – брат на фронте, отец – на рытье окопов.

Рисунок Б. Исельсона

Вместо школы нужно было начинать зарабатывать. Так как документов никаких у нас с собой не было, пришлось отправиться в паспортный стол Семипалатинска. Там неожиданно оказалось много народа: подростки, молодежь рвались на фронт. Были здесь и патриотические причины, а кроме того – желание попасть в армию, где одевают и кормят. Очень многие выбрасывали свои документы и требовали выписать новые, приписывая себе недостающие до призыва месяцы и годы.

Я же был щуплым, изможденным подростком, который стоял перед комиссией и честно признавался, что рожден в 1927 году.

– Все вы здесь годы себе приписываете! Думаешь скорее на фронт попасть? Не морочь голову!

И мне в метрике поставили 1929 год. Так я помолодел сразу на два года. И по сей день по всем моим документам проходит эта дата.

Отправился искать работу, ведь рабочие руки были нарасхват – работали в подавляющем большинстве женщины и подростки. Я устроился учеником слесаря. Работы было много, еды и отдыха – мало. Я сильно уставал и мастер предлагал мне, когда видел, что работаю, шатаюсь от усталости, прилечь здесь же, на решетках в полу, куда проваливалась металлическая стружка, и часок поспать. А потом приходил и будил:

– Все, вставай на работу!

Мне соорудили специальный помост, чтобы я мог доставать до станка. В итоге, весь цех заполнился такими деревянными подставками – я быстро научился работать на станках разного типа. Пилил, строгал, сверлил... К пятнадцати годам у меня был уже пятый разряд!

Едой была «затируха» – заваренные крутым кипятком мучные катышки. В миске плескалась вода, и лишь на дне можно было отыскать пару ложек мучной гущи. Каюсь, но приходилось «химичить», чтобы иметь силы для работы. Порой подделывал жетоны, чтобы досталось несколько мисок «супа». Я сливал из них воду, а гущу съедал...

Порой на завод забежала мама, чтобы угостить меня куском добытого ею хлеба. Хлеб этот имел особенность мгновенно исчезать: пару раз укусил – и нет его!

Аркадий Равикович

Родился в Киеве 22 июля 1927 года. Закончил техникум легкой промышленности в Киеве. Уже к двадцати годам стал исполняющим обязанности главного инженера комбината легкой промышленности под Харьковом. Служил офицером во флоте. В 1974 году репатриировался в Израиль. Работал в оборонной промышленности. Получил медаль за участие в Ливанской войне.

РОЗА РОЗМАН

ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО

С тех пор прошло более семидесяти лет, а помнится все, как будто случилось вчера...

С первых же дней войны фашисты бомбили наш город – Коростень, Житомирской области. Бомбоубежищ никаких не было. Люди вгрызались в землю, рыли ямы, накрывали бревнами и туда бежали прятаться во время бомбежек.

Мне было пятнадцать лет. Я сразу стала взрослой – детство закончилось...

В начале июля мы вынуждены были эвакуироваться. Взяли с собой самое необходимое, сели в открытые товарные вагоны, и эшелон тронулся в путь. До Киева в мирное время пять часов езды. Мы же ехали пять дней из-за постоянных бомбежек. На станции Тетерев стояли поезда с ранеными, военной техникой, эшелоны с беженцами. И тут началась бомбежка. Взрывались бомбы, сброшенные немцами, взрывались снаряды и боеприпасы в вагонах Красной Армии...

Рисунок Никиты Исаева-Петрова

Если существует ад, то он был здесь. Кто-то пытался бежать, оставив свой эшелон, но многих достигали осколки бомб и детонирующих снарядов.

Кто-то отдал команду:

– Бегите, ложитесь под вагоны!

Люди лежали и смотрели между колесами вагонов, как заходят на бомбежку немецкие самолеты. Машинисту нашего состава удалось отогнать эшелон подальше от станции. Этим он спас нас.

После долгих переездов оказались мы в Азербайджане, в поселке Тазакент. Там свирепствовала малярия. Лекарства слабо помогали, все ходили желтые, многие перенесли болезнь. Мы убирали хлопок, клещевину. Собранное перевозили в корзинах на ишаках. Помню, – дали мне ишака, надели на него две корзины, всунули мне в руку палку – управляй! Но ишак встал на месте – и ни в какую не хотел двигаться! Подошел местный мальчишка, как-то установил равновесие между корзинами..., и мой ишак двинулся вперед.

Продолжать учебу в школе я не могла – русских школ в округе не было. Так что работала колхозницей. Хлеба получала 400 грамм. Ни фруктов, ни овощей. Главной пищей была «затируха» – заваренная в кипятке мука.

Роза Розман

Родилась 12 марта 1926 года. Окончила Житомирский педагогический институт. Работала учителем русского языка и литературы в Севастополе и Североморске Мурманской области. Мама двух дочерей.

ЕЛЕНА СОЛОГУБ

МОЯ ВОЙНА

Одна моя родственница недоумевала, почему ее прадед умер от голода в Ленинграде во время войны, если он имел еще определенные денежные суммы, которые завещал своему сыну (ее деду). Она ничего не знала о войне, о блокированном Ленинграде и о голоде в нем. А деньги, ведь, нельзя кушать.

Начало Великой Отечественной Войны

Война началась, как гром с ясного неба. Небо 22 июня 1941 года в Ленинграде (Санкт-Петербурге) действительно было ясным. Ничто не предвещало грозных событий. Две маленькие девочки – Лена 11-ти лет (это я) и Нина 6-ти лет (моя сестра) пошли на прогулку в Ботанический сад с любимым дядей Артуром, маминым братом. Был воскресный день и, как всегда, в Ботаническом были толпы народа.

Но постепенно сад непривычно опустел. Мы почувствовали, что что-то неладно. Пошли домой. Дверь нам открыла мама: «Артур, война!»

Никто не верил, что это серьезно и надолго. Говорили: «Месяц-два – и все кончится». Но уже через 2 месяца немецкие войска стояли у ворот города. Почти сразу начались бомбежки Ленинграда. Поблизости от нашего дома не было бомбоубежища. Жильцы нашей 5-ти этажки должны были просто спускаться вниз из квартир – в вестибюль у парадного входа. В ночное время мама не хотела будить нас с сестрой. Однако, я вскакивала и поднимала Нину. Одетые, мы сидели в ожидании выхода. Я прижимала к себе кошку, а Нина – большого целлулоидного пупса Петю.

Когда однажды бомба взорвалась поблизости, дежурные санитары прибежали к нашему вестибюлю: «Есть раненые?» И вдруг раздался истошный Нинин крик: «Ребенка убили!» Санитары бросились, расталкивая толпу. В руках у Нины было тельце пупса Пети, а ручки и ножки отвалились – от ударной волны лопнули резинки.

После одного из налетов мы увидели недалеко от нашего дома – в саду Дзержинского у Кировского (Каменноостровского) проспекта – сбитый немецкий Мессершмитт.

Позже, уже во время блокады Ленинграда, одна бомба весом 500 кг взорвалась на площади Льва Толстого, где стоял наш дом. Ряд окрестных домов был разрушен. Наш дом, как и соседний дом с кинотеатром «Арс», получил трещины, вылетели стекла, мелкой пылью изрешетив всю мебель.

Через несколько лет после войны (около 1948-1949 г.) я с мамой и папой решила пойти в кино на вечерний сеанс в 7 часов вечера. Конечно, мы пошли в наш кинотеатр «Арс». Он был самым близким к дому. Еще в январе 1941 г. (за несколько месяцев до войны) в этом кинотеатре была устроена фотовитрина отличников окрестных школ. В том числе, там висело и мое фото, дубликат которого был мне подарен кинотеатром с надписью на обороте: «Отличнице Леночке от кинотеатра «Арс».

Однако, в тот памятный вечер демонстрируемый фильм нас не привлек, и мы прошли дальше – в кинотеатр Дворца Культуры им. Ленсовета. Возвращаясь домой, мы увидели десятки машин скорой помощи на площади у кинотеатра «Арс»: в кинотеатре, поврежденном при бомбежке, во время этого сеанса обвалился потолок. Погибло много людей. Лишь по счастливой случайности беда обошла нас стороной.

В середине августа, когда вражеские войска уже явно угрожали Ленинграду, власти города посчитали необходимым срочно вывезти из него детей школьного возраста. Решили направить их на юго-запад – в небольшой городок Старую Руссу. Наш папа сразу понял, что этот маршрут эвакуации направлен прямо в сторону наступающих немецких войск. Он не спал всю ночь, а утром объявил, что никуда нас не отправит: «В трудные времена семья должна быть вместе, и либо вместе мы будем живы, либо вместе умрем». Те, кто отправил своих детей в эту эвакуацию, больше их никогда не увидел.

Эвакуация на Урал

В конце августа 1941 года Правительством Советского Союза было принято решение о быстрейшем строительстве на востоке страны алюминиевых заводов, так как необходимо было заменять фанерные самолеты на алюминиевые.

Неожиданно в нашей квартире раздался телефонный звонок. Папа сообщал, что инженеров института «Гипроалюминий», где он работал, вместе с семьями эвакуируют на Урал в Свердловскую область. Нужно было срочно собрать вещи, так как уже через 2 часа за нами должен был приехать грузовик.

Ясно было, что мы можем взять с собой только лишь самое необходимое.

Вначале мы долго сидели прямо на перроне Московского вокзала. Была бомбежка, и не было паровоза и вагонов для нас. Затем, 27 августа, нам подали состав из пустых вагонов-теплушек. В них не было ничего: ни кресел, ни света, ни тепла, ни туалета, ни воды. Главы семейств наскоро сколотили деревянные полки – нары, где мы все спали вповалку. Вот где пригодились наши матрасы!

Дорога наша пролегла на восток через последнюю железнодорожную ветку, идущую из Ленинграда и еще не занятую вражескими войсками. Наш поезд был предпоследним, прорвавшимся через станцию Тихвин. Эту станцию не-

прерывно бомбили. Мы тоже попали под такую атаку. О начале налета здесь объявили не сирены, а гудки всех стоявших здесь паровозов. Этот страшный рев еще больше усугублял и без того тяжелую обстановку.

Всех высадили в чистое поле – так было безопаснее. Два передних вагона нашего состава было разбито. Сидя на земле, мы видели, как в воздухе над нами сражается с Мессершмиттом наш истребитель – ястребок. Он был сбит и упал неподалеку от нас. Летчик, откинув крышку кабины, пытался вылезти из самолета. Но не успел. Раздался взрыв, на наших глазах по воздуху пролетела его нога в сапоге. У Нины началась истерика, ее невозможно было успокоить несколько часов. Все же состав собрали, и нам удалось двинуться далее.

Ехали мы на Урал целый месяц. Объяснялось это тем, что наш состав загоняли на самые дальние пути на всех станциях. Там мы подолгу стояли, пропускавшие военные эшелоны, идущие навстречу с войсками и танками на запад – на фронт. Никаких объявлений о прибытии или отправлении поездов не было.

Невозможно понять, как мы ехали месяц практически без еды, зачастую даже без воды. Первые 3 дня мы всей семьей держались, поедая единственную курицу, которую мама успела сварить на дорогу. Изредка к составу подходили местные жители, у которых несколько раз удалось купить топленого молока и ягоды, а однажды и какие-то пирожки. На больших станциях можно было набрать из специальных кипятильников-титанов горячую кипяченую воду. Но чтобы добраться до станции, нужно было преодолеть все стоявшие около нее составы. Я пролезала под вагонами, а Нина – проходила через тамбуры. Однажды наш поход за кипятком чуть не обернулся трагедией. Воинский состав вдруг, без предупреждения, тронулся в путь – на фронт. Я успела проскочить под колесами, а Нина не успела сойти со ступенек вагона. Она стояла на высокой ступеньке, боясь прыгнуть на ходу, и громко рыдала, а поезд набирал скорость. Я тоже не могла дотянуться до нее. Но судьба была и на этот раз благосклонна к нам. Случайно проходивший мимо солдат увидел это, он быстро вскочил на подножку, схватил Нину и прыгнул с нею. Мы ничего не знаем об этом солдате, даже имени. Но часто с благодарностью вспоминаем его, т.к. он тогда фактически спас Нине жизнь.

Долгая голодная дорога обошлась для Нины тяжелейшим гастритом.

Ближе к концу пути мы пересекли невидимую географическую линию: мимо проплыл столб с надписью «Европа-Азия».

С этого момента мы находились в Азии.

Военные годы в Уральской школе

В конце сентября 1941 года эвакуированные ленинградцы приехали в пункт назначения – поселок городского типа Ис, Свердловской области. Затерянный в глухой тайге, он славился залежами золота и платины, которые здесь издавна добывались.

Нам в первое время по приезде досталась маленькая избушка в отдаленной деревеньке Песчанка. Это было последнее строение в деревне. По ночам вокруг выли волки.

Папа сразу уехал в тайгу, где вместе с десятком инженеров и с каторжанами строил алюминиевый завод. Маме через некоторое время удалось устроиться на работу в местный Горнодобывающий техникум, а я пошла в школу. Получалось, что моя шестилетняя сестра Нина должна была оставаться дома одна, так как в то время дети поступали в школу лишь с восьми лет. Директор не соглашался ее принимать. Тогда мы привели к нему Нину, и та продемонстрировала, что она умеет читать и писать. Это я научила ее грамоте, когда сама училась. В результате, Нину приняли.

Так как единственная школа находилась в поселке Ис, то мы каждый день должны были ходить с Ниной за два километра туда и обратно. Особенно страшно было ходить через тайгу зимой, по морозу и в темноте, когда вокруг бродили волки. Снег в тайге никто, естественно, не разгребал, и фонарей никаких не было. Зато в школе на большой перемене нам выдавали малюсенькую (20 г) белую булочку – это был невероятный праздник!

Наша школа отапливалась дровами, но заготавливать их в военное время было некому. Иногда нас, мелких подростков, привозили в лес рубить деревья и возить дрова.

В классах было отчаянно холодно. Мы сидели в шубах и валенках. Чернила в чернильницах-непроливашках замерзали. Бумаги для тетрадей не было. Мы писали на старых газетных листах. Малыши каждую букву помещали на двух газетных строчках, а старшие ученики – между строк.

Туалет был во дворе в деревянном домике, с отверстиями над выгребной ямой. Стены этого домика были расписаны «русской грамотой». Однажды Нина, демонстрируя свое умение, принялась громко читать эти надписи, вызывая громкий смех вокруг. На уроке учительница спросила Нину, что она читала. Нина сказала, что читала «объявления», и начала громко повторять прочитанное. Учительница потеряла дар речи, а проходивший мимо по коридору директор услышал несущийся из первого класса отборный мат!...

Никаких учебных пособий не было. Для первоклашек я рисовала крупные буквы, разные картинки – иллюстрации к урокам и пр.

Среди одноклассников у меня появились новые друзья и подруги. Но были «друзья» и другого сорта. Однажды я пошла одна за цветами на окраину города. Там на меня напала ватага из 4-х мальчишек под предводительством моего

одноклассника – дюжего парня. Они решили поколотить «чужака». Местные девчонки от них всегда бросались врассыпную.

Однако, у меня была другая реакция. Меня никогда в жизни не били. Я от этого нападения пришла в неопишемую ярость – дико заорала и дралась руками и ногами. Ребята опешили, а вожак приказал им отступить и никогда больше меня не трогать. Этот приказ честно соблюдался.

Та же проблема самозащиты была актуальна и для Нины. Некоторые драчуны часто старались бить чужаков – «выковырованных» (эвакуированных). Нина часто приходила домой в слезах, с синяками. Приехавший однажды на кратковременную побывку, наш папа сказал ей, что она должна научиться защищать себя сама. Нина не представляла, как это делать. После моей самозащиты я научила ее: «Становись спиной в угол и бей ногами!». Это помогло. Но опять случился скандал, когда она одному обидчику выбила два зуба. Его мама пошла к заместителю директора, а он, выслушав Нину и увидев ее многочисленные синяки, сказал: «Умница, молодец!»

Жизнь в военной Москве

В 1943 г. специалистов из Ленинграда, эвакуированных вместе с семьями для строительства алюминиевых заводов на Урал, решили вернуть в Москву, так как блокада Ленинграда еще не была снята.

Однако, в Москве для ленинградцев не было жилья. Инженеры-строители взялись за восстановление своими руками одного из разрушенных бомбежкой московских домов. Там вскоре и поселились я (13-ти лет) с сестрой Ниной (8-ми лет) и родителями. Это был 2-х этажный правый боковой флигель дома №3 в Большом Толмачевском переулке. Совсем рядом находилась Третьяковская галерея.

Толмачевский переулок отходит перпендикулярно от улицы Большая Ордынка. По ней из Орды в период татаро-монгольского ига направлялись к жителям Москвы сборщики податей. Они проходили по Толмачевскому переулку, где жили толмачи, т. е. переводчики, помогавшие им в разговорах с москвичами.

В Москве мы увидели первые победные салюты с фейерверками. После них мы собирали цветные крышечки от ракет. Собрать разноцветную их коллекцию было очень престижно у ребят.

После разгрома в 1943 г. вражеских войск под Сталинградом пленных немцев по приказу Сталина решили провести по Москве, поскольку они похвально прогулялись по ней. Огромные толпы оборванных, обмороженных солдат, обернутых в какое-то тряпье, с платками на головах и бахилами на ногах плелись по улицам и проспектам несколько часов. Москвичи стояли во круг молча, смотрели хмуро, никто не злорадствовал. Кто-то из стоявших око-

ло меня спросил: «Фриц, как в плен попал?» Солдат невесело ответил: «Руки вверх, Гитлер капут!»

Жизнь в Москве была тогда достаточно голодной. Но неожиданно, к нашей с Ниной радости, в продаже появилось мороженое – большие брикеты, стоившие огромных по тем временам денег, – 10 рублей. Покупали их редко. Продавцы стали делить брикеты на 4 части по 2 руб. 50 коп, что было почти доступно. Какое это было блаженство – кусочек счастья!

Запомнилось празднование Нового 1944-го года. Нам очень хотелось елку, но их не было в продаже. Нина с мамой 31 декабря 1943 г. увидели на улице грузовик с военными, которые везли что-то пушистое. Они говорили о том, как им хочется елку. И – о чудо! – военный поднялся и со смехом, с пожеланиями всего хорошего в Новом Году сбросил им с грузовика замечательную трехметровую елочку, оказавшуюся красавицей пихтой. Радости не было предела.

Еще вспоминается, как мы посещали Третьяковскую Галерею. Сотрудники пускали туда детей ежедневно и бесплатно. Это позволило нам приобщиться к замечательному искусству. В московской школе нас учили умению разбирать и собирать винтовку образца 1891/1930 года. До сих пор помню, как зубрили: «Стебель, гребень, рукоятка».

Но вот, наконец, наступил конец войне. Отлично помню, как это произошло. Мы уже улеглись спать. Сразу после полуночи (уже 9 мая) вдруг с улицы начали раздаваться громкие крики, поднялся страшный шум. Люди кричали: «Включайте радио!! Победа!!!». Мы срочно включили свое радио и услышали сообщение о конце войны и капитуляции Германии.

Эту радость трудно передать. Уже с утра Москва ходила ходуном. На улицах творилось что-то невероятное. Такого всенародного праздника я не видела ни до, ни после в моей жизни. Какой-то сосед в нашем переулке вынес на улицу гармошку, играл марши и любимые песни. Незнакомые люди обнимались, плакали и целовались. Какой-то военный поймал продавца мороженого, купил всю продукцию и раздавал встречным детям. Масса народа хлынула на Красную площадь. Там при мне качали американских союзников... Народ повсюду танцевал и пел.

Елена Сологуб

Родилась 11 сентября 1929 г. в г. Ленинграде. Доктор биологических наук, профессор, академик Медико-Технической Академии РФ, Почетный академик Балтийской Педагогической Академии, специалист по общей и спортивной физиологии, спортивной генетике. Автор более 300 печатных работ. С 2002 г. живет в г. Нью-Йорк, США, с дочерью, сыном и четырьмя внуками.

НИНА РУМЕЛЬ

ОПЫТ ВОЕННЫХ ДОРОГ

Нина Румель.
1943 год

Война – страшное, жестокое время. Это боль, невероятные страдания, смерти. Но пережившие это время многому научились, особенно дети, которые мало что знали о тяготах жизни в довоенное время. Так случилось и со мной.

Первый опыт «взрослой» жизни я приобрела во время эвакуации. Решение об эвакуации учреждения отца («Ленгипроалюминий») было принято за 2 часа. Однако сразу уехать нам не удалось – не было составов. Трое суток мы сидели прямо на платформе, ежеминутно ожидая отправления поезда, в окружении «леса» тросов от стратостатов и под бесконечными бомбежками. Наконец, нам выделили пустые товарные вагоны – «теплушки», в которых наши отцы на-

скоро сколотили нары.

Когда мы подъезжали к Тихвину, начался массированный налет фашистской авиации. Первые же бомбы попали в два головных вагона, в которых ехали дети.

От удара пассажиры последующих вагонов попадали со своих нар. Всех срочно высадили прямо в поле. Особенно пострадала наша беременная соседка – жена папиного сослуживца. У нее начались роды. И вот, под звуки канонады воздушного боя и разрывающихся бомб, на фоне горящих вагонов, в чистом поле, без воды и медицинской помощи, родился здоровый малыш, которого называли Феликс (по латыни – «счастливый»).

В первые дни эвакуации, когда матери было необходимо отлучиться, меня, шестилетнего ребенка, просили присмотреть за малышом. На счастье, мой первый опыт общения с младенцем закончился благополучно. Позже, в 1943 г., когда учреждение отца вернули в Москву, мы опять оказались в одном доме с семьей Феликса. Я, на правах «старшей», вновь опекала его во время прогулок во дворе.

В конце 70-х годов я была в командировке в Москве и решила провести моих знакомых. Дверь мне открыл высокий красивый молодой человек – Феликс. К сожалению, его родителей не оказалось дома, а доучать юноше свои рассказы я не решилась.

Полученный мною опыт «няньки» пригодился мне еще раз. В том же 1943 г. у моих московских соседей родился малыш. На этот раз, мои обязанности

расширились: я уже пеленала младенца, варила ему кашку и кормила юного Тарасика, как заправская няня.

Суровые условия жизни рано заставили нас повзрослеть, понять, что безмятежная спокойная жизнь кончилась, и надо бороться за выживание. Мы с сестрой даже «батрачили» на картофельных полях (мне было тогда 6(!) лет). За ведро картошки мы должны были убрать целый гектар картофельного поля! Непросто далась нам и необходимость отстаивать свою честь и достоинство в драках с местными ребятами, свято верившими, что жить стало плохо из-за приезда ленинградцев (действительно, в каждом доме было отнято для приезжих по комнате, и в это же время была введена талонная система выдачи продовольственных товаров по жестким нормам и т. д.). Приходилось превозмогать, не показывая вида, жгучее чувство голода, пытаться быть и активным, и изобретательным, чтобы обеспечить себя хоть чем-то из продовольствия.

Я была самой маленькой, поэтому именно мне приходилось забывать о гордости и незаметно проползать под хозяйскими окнами на помойку, где я набирала в подол платья картофельные очистки, из которых мама, смазав скорородку свечкой, пекла нам оладьи.

Собственная тяжелая жизнь научила нас понимать страдания и горести других людей, бескорыстно помогать друг другу, делиться последним, довольствоваться малым и радоваться каждой крупине чего-либо хорошего. Мы рано осознали необходимость трудиться много и добросовестно, стремились получить как можно больше знаний. Все это позволило нам многого добиться. Война и лишения преподавали нам урок на всю жизнь.

Нина Румель

Родилась 24 октября 1934 г. в Ленинграде. Ph.D.Medical, старший научный сотрудник. «Отличник здравоохранения», специалист по медицинской вирусологии. Автор 280 печатных работ, 5 изобретений, 15 методических рекомендаций. Изобретатель СССР. Стаж работы – 40 лет. В Израиле с декабря 2003 г. Имеет сына, двух внуков и двух правнуков.

АЛЛА СОСОНКО

ДЕТДОМОВСКАЯ

Детские воспоминания отрывочные, кусочками... В 1941 году мне было три года. Я потерялась, потому что меня не успели забрать из яслей. Всех оставшихся детей увезли в Гомель. Оттуда – на восток поездами.

Детский дом в поле. Однажды нам на подводе привезли продукты. Мы, дети 4-5 лет, стащили на кухне нож и срезали мешок с овсом, привязанный к лошадиной морде. Силенок было мало, и мы затащили этот мешок под дом, набили карманы зерном и ели... Голодные, однажды мы ночью залезли на кухню. Там в плите стоял котел с вареной «в мундирах» картошкой. В котел залезла я и, стоя босыми ногами на картошке, одной рукой доставала клубни и подавала другим детям, а другой рукой – совала себе в рот.

Кроватей не хватало. Спала я в одной кроватке с маленьким мальчиком. Кровать была мне явно коротка. Ноги торчали сквозь прутья. Сытые, измученные картошкой, проснулись мы позже всех. Воспитатели увидели липких от картофельного крахмала, грязных детей, но нас не наказали.

Мама и сестра разыскивали меня в детдоме после долгой переписки. Ко времени, когда за мной приехала сестра, ей было 17 лет. Это было поздней осенью 1943 года. Я забыла всех, даже само понятие «мама» было тогда для меня внове. Сестра интуитивно узнала меня среди детей. Её я и назвала «мама». Пока добиралась из Чкаловской области до Сталинградской (где находилась в эвакуации мама), я полюбила сестру, а маму при встрече не вспомнила, не узнала...

Мы идем с мамой по улице и видим: группа людей в военной форме везет на тачке много булок хлеба. Я спросила у мамы кто эти люди.

– Пленные немцы, – отвечает мама.

Я возмущена. Мы – голодные, нуждаемся, а немцам дают много хлеба! Хватаю кусок кирпича и бросаю в их сторону:

– Враги!

– Что ты делаешь? Нас посадят в тюрьму! – в ужасе кричит мама.

Алла Сосонко

Родилась 3 марта 1938 в Белоруссии. Семнадцатилетней уехала «поднимать целину». Работала на стройке, мебельной фабрике. Позднее получила специальность библиотекаря. Заведовала библиотекой в Мурманске. Всю жизнь ухаживала за пожилыми людьми, опекала стариков. У неё две дочери и трое внуков.

МИХАИЛ СТАРИК**ПОД ОГНЕМ**

*«22 июня, ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война...»*

Мне было в те дни шесть лет. Вместе со старшей сестрой и родителями мы жили в Киеве. Я отчетливо помню то утро.

Раздались взрывы в разных местах города. Люди думали, что идут какие-то военные учения, но, когда увидели первые жертвы среди мирного населения, все поняли – война!

В начале июля в теплушках, в которых раньше перевозили скот, наша семья отправилась вместе с сотнями других из Киева на Урал. По дороге эшелоны часто бомбили. В один из таких налетов произошло со мной следующее...

Поезд двигался быстро под огнем с воздуха. Машинист тормозил резко, рывками. Я стоял недалеко от открытой двери вагона. В одну из таких неожиданных остановок на меня с верхней полки сваливается женщина с ребенком. От толчка меня на ходу поезда выбрасывает в открытую дверь вагона.

Я упал на насыпь, а поезд продолжал нестись дальше. Родители в суматохе даже не успели заметить, как я вывалился из вагона. Только когда люди в теплушке начали кричать, мама поняла что случилось, страшно закричала, боясь, что её сын разбился. Люди рванули стоп-кран и побежали назад смотреть, что со мной.

Маме не позволили выйти из вагона – боялись худшего. Но мне повезло: я упал на песок, иначе бы разбился.

...Мама просидела возле меня всю ночь, ухаживая за моими ушибами и не веря, что все обошлось.

Михаил Старик

Родился 14 марта 1935 года. Закончил Киевский индустриальный техникум. Работал на заводе торгового машиностроения, пройдя путь от слесаря до начальника конструкторского бюро. В 1997 году репатриировался в Израиль. У него дочь и внук, который закончил службу в ЦАХАЛе.

РАИСА ТКАЧ

В ПУТИ

Война застала нашу семью в Новоград – Волынском Житомирской области Украины. Семья состояла из шести человек: отца, матери, бабушки и троих детей. Мне, старшей, – одиннадцать, брату – 9 лет, сестричке – четыре года...

Не без труда, через Киев, с помощью маминого брата, мы попали в товарный состав, увозивший беженцев вглубь страны.

Еды у нас было всего на три дня. Поезд останавливался на полустанках, станциях, пропуская эшелоны, которые шли на фронт. Вагоны наши были переполнены женщинами, детьми и стариками. На вынужденных стоянках все выбегали из поезда, пытаясь за-

пасть едой и кипятком.

На одной из остановок со мной произошел такой случай.

Из вагона я вышла в тамбур поезда, чтобы видеть, куда побежала мама и убедиться, что она успеет заскочить в вагон, если состав тронется.

Неожиданно в тамбур поднялся по ступенькам пьяный военный. В руках его был пистолет.

Обратившись ко мне по-украински, он спросил, не в этом ли товарняке вывозят «жидов» с Украины. Я как-то нашлась и ответила, что в поезде не только евреи.

– Немцы украинцев не убивают! – зло ответил военный, размахивая перед моим носом пистолетом. И спросил:

– Ты сама – жидовка?

Я очень испугалась и расплакалась. Меня спасло то, что в это время часть пассажиров стала подниматься в вагон. Говорили они по-украински.

Военный вышел из вагона и пошел в сторону группы стариков – евреев, стоявших неподалеку от поезда. Я кинулась внутрь вагона, к старшим ребятам, чтобы рассказать им о военном, угрожавшем «жидам» своим пистолетом. Подростки побежали на вокзал предупредить родителей об опасности.

К счастью, мама вернулась, а моего пьяного собеседника задержали.

...Поздней осенью мы попали в Среднюю Азию.

Хлопок и арбузы уже убрали. Так что нам дали задание – готовиться к зиме и убирать оставшиеся на полях сухие стебли хлопчатника. Работали мы всей семьей, даже четырехлетняя сестричка пыталась приносить сухие ветки. За работу получали по две лепешки на день и чай. Так что голодными были по-

стоянно. Спали в кибитках на полу, который пытались устелить веточками и сухими листьями, чтобы было не так жестко лежать.

Кто-то сказал, что нужно перебираться в Чимкент, там можно найти работу и жилье.

В 1942 году мы попали в Чимкент. Жилья уже свободного не было, так что нас «временно» поселили в старой заброшенной мечети. Дали соломенные подстилки и толстые попоны, которыми накрывали лошадей, чтобы было чем укрыться от холода. Понятно, что спали мы одетыми. Мама устроилась на швейную фабрику, шила обмундирование для солдат. Когда она уходила, мы оставались одни в нашем страшном жилище. Отправлялись искать сухие ветки, щепки, чтобы как-то развести огонь и, если повезет, раздобыть и испечь наше любимое лакомство – мерзлую картошку. Кусок черного хлеба для нас, детей, был праздничным блюдом. Его разламывали с осторожностью и ели маленькими кусочками, как какой-нибудь тортик...

Самым значимым днем в моей жизни была и осталась Победа. Ведь только наша семья потеряла двенадцать человек, трое из которых – мамы братья, не вернувшиеся с фронтов Великой Отечественной войны...

Раиса Ткач

Родилась 22 января 1930 г. В Новоград-Волынском Житомирской области. Закончила Житомирский педагогический институт, филологический факультет. Работала в Институте нефтяной промышленности в Грозном. У неё одна дочь и две внучки, живет в Ашдоде.

ЯКОВ ХЕЛМЕР

КАК ЭТО БЫЛО

ВОЙНА!

А было так. Война застала меня, шестилетнего мальчишку, в местечке Джурин Винницкой области (я гостил у бабушки).

Когда взрослые суетились и паниковали, часто повторяя слово «война», для нас, детей, оно ни о чем не говорило. Но когда первые бомбы упали на местечко и появились первые разрушенные дома, первая кровь и первые жертвы, мы очень быстро поняли, что значит война! Мы быстро повзрослели. Наш детский мир сразу разделился на две части: первая — довоенная, и вторая настоящая — тяжкая, голодная, страстная и ненавистная.

Вскоре родители забрали меня домой в Брацлав, где мы постоянно проживали. По словам матери, уже в июле местечко захватили немцы. До сих пор удивляюсь тому, как детская память сохранила и воспроизводит сегодня то один эпизод, то другой из «той жизни»...

У нас возле дома был погреб, дверь которого выходила на улицу. Брацлав поначалу подвергся артобстрелу, и многие наши соседи считали, что в погребе можно найти убежище. На ступеньках у двери постоянно сидел юноша, его звали Наум (с комсомольским значком, что вызывало у нас, мальчишек, зависть). Он смотрел в щель и информировал всех, что происходит на улице. День клонился к вечеру, когда мы услышали рев моторов и возглас «смотрящего»:

– Они уже здесь!

Мы бросились к щели, и тут я увидел много мотоциклов и сытые надменные морды немецких солдат в касках.

Они рассыпались по местечку и, ведя огонь из автоматов, кричали: «Выходите все!» Мы, конечно, быстро отпрянули от двери и, дождавшись темноты, разбежались по домам. Дома началось сжигание компрометирующих документов, вещей и т. д. В огонь полетели Почетные грамоты отца с портретами Ленина-Сталина, книги, благодарности.

Но больше всего мне было жалко сжигать свой костюм. Незадолго до начала войны мне сшили «военный костюм» — галифе и гимнастерку с «крылышками». Он был предметом зависти всех мальчишек: я часто получал в играх роль командира, так как был уже экипирован как командир. Все мои просьбы и доводы оказались неубедительны — костюм полетел в огонь.

ИЗ БРАЦЛАВА – В ПЕЧОРЫ

Спустя несколько дней немцы определили в местечке несколько улиц, обнесли их колючей проволокой, и гетто было готово! Всех евреев сразу же согнали туда. Страшная скученность, голод, болезни и смерть — вот что там было. Мне все это было непонятно: почему мы ушли из своего дома, почему нельзя было выходить за колючую проволоку на другую улицу, почему не всегда есть еда, почему по ночам стреляют по нашим окнам.

Вскоре немцы ушли, охрану гетто поручили румынам и полициям. Вот когда начался для нас настоящий кошмар, а для охраны — прекрасная, развеселая жизнь. Целыми днями они отбирали остатки «еврейского добра», а по ночам устраивали знатные пьянки и прогулки по гетто со стрельбой по окнам. Свою звериную сущность они продемонстрировали в ночь на 7 ноября: после очередной пьянки устроили «праздничный салют» по окнам. Мама меня разбудила и уложила на пол, так было безопасней. Для многих евреев эта ночь стала последней. Но покоя не было и днем.

Слухи о расстрелах евреев все нарастали и ширились. Оказалось, что небезосновательно. Однажды утром, после бессонной ночи, мы увидели, что гетто окружено румынами и полициями. Нас всех с вещами стали выгонять из домов на площадь, а тех, кто не мог самостоятельно передвигаться, убивали на месте.

Уже выпал снег, на площади стояло несколько конных саней и охрана на лошадях. Когда всех выгнали на улицу из домов, была дана команда: детей и вещи разместить на санях. И колонна двинулась. Шли долго и тяжело. Как потом выяснилось, гнали нас в печально известную Печору (лагерь, позже получивший название «Мертвая петля»).

Подробности этого перехода стерлись в памяти, но кое-что помню. Мама была беременна, ей трудно было идти. Она подошла и села на сани возле меня. Тут же подъехал полицейский на лошади и стеганул ее плеткой по спине, да так, что она тут же слетела со своего места. К счастью, она устояла на ногах. То и дело слышались выстрелы: конвоиры добивали упавших. Среди них оказалась бабушка Бейла (по моим понятиям, она была в свои 50 лет старой) — близкий друг нашей семьи, добрая, красивая, умная. Она поскользнулась и упала, захотела встать и вновь упала. В это время подъехал конвоир и расстрелял ее в упор. Я не помню, чтобы трупы подбирали.

Так мы попали за каменный забор. Сведущие люди сказали, что это бывший санаторий. В это время там уже бродили десятки детей голодных, завшивленных, чесоточных, — которых пригнали раньше. Они у нас, «свежих», выпрашивали что-нибудь пожевать. Мы с мамой разместились под лестницей. Знакомство с местностью состоялось гораздо позже, летом.

Место действительно живописное, лесистое, на берегу Южного Буга. Не зря его облюбовал граф Потоцкий для одного из своих имений. Сохранилась

купальня графа. Каменная лестница вела прямо в воду, а дно было забетонировано. Напротив лестницы, метрах в 30 – ти, большая скала размером в двухэтажный дом. После революции здесь разместили военный санаторий, а немцы нашли ему другое применение: загнали туда более 10 тысяч евреев в расчете на полное вымирание. Самое большое количество людей толпилось у лестницы. Тут можно было постирать, вымыться, и здесь же брали воду для питья.

Охраняли лагерь полицаи, среди которых были звери в полном смысле этого слова. Но были и такие, которые шли на контакт с целью личной выгоды. Эти разрешали товарный обмен: личные вещи, украшения, драгоценности меняли на хлеб, муку, крупу, картофель, которые приносили местные жители. Иным, не похожим внешне на евреев смельчакам, полицаи разрешали выход из лагеря. Естественно, за определенную мзду. И те ходили по окружающим селам и меняли вещи на продукты, поддерживая тем самым оставшихся в лагере членов семьи. Это, пожалуй, был единственный источник, позволявший выжить, особенно в первое время, зимой 41-42 года, когда люди умирали сотнями. Вначале трупы складывали в сарай, затем «похоронная команда» грузила трупы в сани и вывозила за пределы лагеря. Одежда умерших была их добычей. Однажды я видел, как грузили трупы, и один из них согнулся пополам (не успел замерзнуть). Так его и бросили в сани. В другой раз в руке трупа оказался зажатый намертво замшелый сухарь. Кто-то кинулся к трупу и стал «добывать» этот трофей.

Весной и летом 1942 года стало чуть легче: появилась трава, листья, молодые побеги, косточки прошлогодних ягод. В памяти моей остался один страшный эпизод, свидетелем которого я стал и не забуду его никогда. Летом к забору местные крестьяне принесли ведро вишен. Какой-то юноша выменял его на что-то. Он залез на забор и едва успел приподняться и взять ведро, тут же прогремел выстрел, и парень был убит наповал. Это было страшное зрелище: юноша, раскинув руки, словно птица – крылья, падает на землю. Ведро с вишнями летит на эту же сторону, вишни рассыпаются вокруг него, как капли крови. Но голод оказался сильнее страха смерти, и некоторые бросились подбирать вишни. Кто-то тем временем побежал за матерью убитого (как выяснилось, единственного сына), она прибежала и, поняв, что произошло, стала кричать и плакать, а затем смеяться.

ГЕТТО В ДЖУРИНЕ

Третья попытка бегства из Печоры, наконец, удалась. Хотя переход был тяжелым и сложным, но мы добрались до Джурина.

Да, в Джурине ТОЖЕ было гетто. Но по сравнению с Брацлавом, не говоря уже о Печоре, это был просто рай. Не было колючей проволоки, все жили в

своих домах. Конечно, были ограничения, запреты: нельзя было выходить за пределы местечка и т. д.

При большой скученности (в местечко были депортированы около 3000 беженцев из Буковины, Бессарабии, Румынии) голод, эпидемии делали свое дело – люди умирали ежедневно. Немцы, часто проезжавшие по трассе, рвались в местечко поиздеваться над евреями, но находились ангелы-хранители в лице священника местной церкви, старосты, некоторых полицаев, руководителей еврейского комитета самоуправления, которые все делали, чтобы спасти местечко. Часто, узнав о готовящейся облаве, собирали драгоценности и откупались. Помогло и то, что на шоссе, в месте поворота дороги к местечку, повесили большой щит, утверждавший, что в местечке свирепствует тиф.

Так местечко выжило!

Семен Кривошей рассказал мне, как встречали фашистов в местечке. Один из жителей, побывавший в плену у немцев в Первую Мировую, охарактеризовал немцев как цивилизованную нацию и убедил стариков (их было 5-6 человек) встретить захватчиков хлебом-солью.

Когда старики преподнесли «гостям» хлеб-соль, немецкий офицер ногой выбил у них из рук угощение и, передав солдатам нож, приказал побрить им бороды. Началась экзекуция, прибежали женщины. Их вопли и просьбы о пощаде спасли наивных стариков от расправы. Один Бог спас их от расстрела!

А вот другой эпизод. Рассказывает Лазарь Розенцвит.

Немцы ушли и передали власть румынам. Из соседней деревни Боровка приехали несколько мужчин и стали убеждать жителей Джурина расправиться с евреями: мол, у себя мы всех жидов уничтожили. Собирайте православный народ и приступайте к делу. Но среди евреев жили два сапожника – украинца. Они побежали к старосте, к священнику, в полицию и предупредили о готовящемся погроме. Те не замедлили прийти и, пригрозив незванным гостям расправой, выгнали их.

Да, в гетто не расстреливали, и этому обстоятельству все были рады, но постоянные переживания, страх и неуверенность в завтрашнем дне не отпускали людей ни днем, ни ночью. Большое напряжение вызывали все события, которые происходили в это время: и убийство румынского жандарма партизаном Радецким, и падение немецкого транспортного самолета с немецкими летчиками недалеко от Джурина, и небольшой бомбовый удар советского самолета по стрелявшим в него румынам, и любое передвижение немецких войск по трассе. А до освобождения местечка было еще далеко...

ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГЕТТО

Из глубины памяти, как световые вспышки, всплывают все новые, и новые картины, эпизоды военного времени. Сегодня мне хочется поведать о двух знаменательных событиях в моей жизни.

Первое произошло 19 марта 1944 года — в день освобождения гетто в местечке Джурин Винницкой области.

Накануне вечером по местечку прошел слух, что завтра нас освободят. Мы не знали, что делать: радоваться или переживать, — по двум причинам.

За неделю до этого немецкое командование решило организовать линию обороны в местечке, используя гористую местность и тот факт, что из верхней точки местечка (возле ветеринарной лечебницы) хорошо просматривалась дорога Москва — Кишинев. Через местечко проследовала немецкая артиллерийская часть.

Мы, мальчишки, успели незаметно кое-что разглядеть — немцам было не до нас. Подразделение разместилось в местечке. Орудия установили вдали от поселка.

У нас в доме поселились три немца. Один из них немного говорил по-русски. Про другого мы узнали, что он член нацистской партии. Это были уже не немцы образца 1941 года. Они были жалкими, подавленными и четко представляли себе перспективу. Днем они уходили рыть окопы, вечером приходили ночевать. В угол ставили автоматы, гранаты, что представляло для нас, мальчишек, огромный интерес.

Один из немцев взял на руки мою сестру Полину и, прослезившись, сказал, что у него в Германии осталась жена и двое детей (вряд ли он их еще увидит), подарил ей бусы, которые «заготовил» для своих дочерей.

Они оставили наш дом утром 18 марта..

Но они недалеко ушли: 20 марта их, уже пленных, пригнали в местечко и поместили в конюшне. Мой брат Миша прибежал, радостный, и сообщил: «Мама я видел, как вели пленных и среди них был «хороший немец»!» Он схватил кусок хлеба и побежал передать этому «нашему» немцу...

19 марта. День был хмурым, облачным, снега уже не было, но было холодно-вато. Люди гетто стали собираться на «пяточке» — в центре местечка, ожидая чуда.

И вот появились наши освободители! Это была группа из 10-12 человек, плохо одетых (во что попало: от фуфаек до немецких шинелей), грязных, измученных. Это были партизаны, кое — как вооруженные и ведущие с собой одну полуслепую лошадь.

Мы поначалу опешили. Особенно хорошо это было видно на лицах румынских евреев, изгнанных из Румынии и Буковины в Джурин. Им, глядя на наших освободителей, очень трудно было понять, от кого бежала до зубов вооруженная немецкая армия. И только когда по дороге на Кишинев пошли регулярные части Красной Армии, сомнения и вопросы перестали возникать.

А местечко ликовало! Все поздравляли друг друга, обнимались, целовались, радовались счастливому освобождению; со слезами на глазах благодарили освободителей. И хотя день был пасмурным — для меня он стал самым светлым, теплым, радостным и незабываемым!

Не обошлось и без курьезов. Партизаны поймали итальянца (мы их различали по шинели – она была светлее немецкой) и вели его в свой символический штаб. Прибежавшая бабушка, не разобравшись, кто есть кто, бросилась на шею пленного и стала его благодарить. Но настоящий партизан сказал ей:

– Бабушка, это ведь немец!

– Да?! — и тогда, размахнувшись, под гогот толпы, она отвесила ему крепкую оплеуху. Дальнейшую расправу остановил партизан, объяснив, что это уже военнопленный и устраивать самосуд нельзя.

Через несколько дней началось передвижение войск – готовилась Яско-Кишиневская операция. Это было грандиозное зрелище! Ни у кого уже не возникало вопросов, от кого бежала немецкая армия. Мы дневали и ночевали у трассы. С гордостью наблюдали за передвижением войск. Походным маршем шла пехота, с грохотом проходили танки и артиллерия, величественно двигались «Катюши», закрытые брезентом. Остановок, привалов не было. Войска шли днем и ночью. У нас не было что дарить солдатам, но мы махали руками и кричали «ура» каждому подразделению. У одной из «Катюш» что-то сломалось. Они заехали во двор у дороги и стали ремонтировать. Кто-то из наших взрослых «унюхал», что командир «Катюши» еврей, а так как наступил еврейский Песах, то его пригласили на праздничный «седер». Он рассказал нам о своем боевом пути, благодарил за приглашение, сказал, что оно скрасило его боевые будни. К сожалению, память не сохранила ни имени, ни фамилии этого офицера.

До окончательной победы оставалось чуть больше года.

«КРАСИВАЯ» БОМБЕЖКА

... Многим хотелось выйти за пределы местечка, чего раньше – в дни гетто – сделать было невозможно. Немало людей (я в том числе) ринулись через мост. Но этот порыв быстро затормозился, так как в небе появились самолеты. Я насчитал их 28.

– Что вы остановились, чего испугались, это ведь наши самолеты! – уверенно заявляли бывшие узники гетто.

Но интуиция и небогатый опыт (мы, пацаны, научились и уже различали самолеты по гулу) заставили многих повернуть обратно. И не зря!

Самолеты, развернувшись над местечком, выстроились в ряд и стали пикировать на заводскую трубу действовавшего до войны сахарного завода. Зрелище это для меня, девятилетнего паренька, было очень ярким и эффектным. Представьте себе: почти три десятка мощных самолетов, идущих четким строем! Я ясно видел, как у первого самолета раскрылось «брюхо» и что-то черное и блестящее в солнечных лучах стало вываливаться и, кувыркаясь, падать с неба вниз. Это было красивое зрелище!

Я заворуженно смотрел на эту картину до того самого момента, как не услышал грохот; пока не полетели в меня комья земли – до момента касания бомбы с землей.

Восхищение сменилась испугом из-за мощного грохота взрывов. Столб пыли и дыма поднялся от земли.

Я уткнулся лицом в землю и весь дрожал от страха. Самолеты отбомбились и улетели, так и не разрушив трубу. Во время бомбежки погиб один человек.

...Полного спокойствия в местечке долго не было. Джуриг находится в 40 км.от станции Жмеринка и в 30 км. от станции Вапнярка. Это узловые станции, и там всегда скапливались воинские эшелоны. Немцы постоянно бомбили эти станции, а зарево пожара было видно в местечко часами.

Но гораздо хуже было другое испытание. В темные, пасмурные ночи они перед бомбежкой спускали на парашютах осветительные ракеты. Иногда, в зависимости от направления ветра, они начинали их запускать над местечком. Представьте себе такой кошмар: ночь и вдруг становится светло, как днем, над тобой гудят самолеты, но их не видно, и ты не знаешь, куда бежать. С непривычки мы очень пугались и убегали из домов в поле, пережидали там этот ужас, но вскоре привыкли и оставались дома.

Постепенно фронт уходил все дальше и дальше. Становилось спокойнее, но каждый день напоминал, что идет война. Мы с большим волнением и вниманием слушали сводки с фронтов, которые читал Левитан (у нас появилось радио), а затем передавали их содержание соседям.

АРТЕМ И РОЗА

А в местечке стала налаживаться жизнь. Каждый день почта приносила то радостные весточки, а то грустные, их читали все вместе. Стали возвращаться раненые.

Все местечко потряс такой случай. В Джуриге жила семья Герман. Дочь Роза до войны вышла замуж за Артема Свинобоя (украинца). Это, как всегда, шокировало местечковых евреев. Но чувство молодых было глубоким и искренним, и они не обращали внимания на мнение окружающих. Жили они в любви и согласии, и родилось у них трое детей.

В 1941 году Артем ушел на фронт, и никаких вестей от него не было долго-долго. Наконец-то пришло письмо без обратного адреса. В нем он описал некоторые подробности последнего боя. Его танк подорвался на mine, и экипаж с большим трудом спас его, своего командира, но лицо его и тело были сильно изуродованы. Поэтому он не хочет быть для жены своей обузой и просит не ждать и не искать его.

Но нужно было знать Розу – красавицу и энергичного человека, да еще горячо любящую своего мужа. Она нашла адрес госпиталя, где находился Артем, привезла его домой и выходила. Он начал работать, и они счастливо зажили.

Позже Артем признался своей дочери Тамиле, что если бы он в госпитале увидел свое отражение, то покончил бы с собой.

Этот случай потряс все местечко! Их уже давно нет с нами – светлая им память, но их любовь и жизнь стали примером взаимоотношений между людьми для многих поколений.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ!

И вот наступил этот радостный, долгожданный День!

9 мая 1945 года. Утром Левитан объявил о капитуляции Германии и об окончании войны. Мы все припали к репродуктору и старались запомнить каждое слово, но в ушах звучало главное: Победа! Победа! Победа!

Затем я побежал к соседям поделиться радостной вестью. День был солнечный, теплый, уже расцвела сирень, которая придавала всему происходящему особую красоту и ощущение праздника.

Запомнился такой эпизод. У соседей напротив был небольшой каменный сарайчик. Там они хранили топливо. Мы считали, что во время обстрела, бомбежки в нем безопаснее, и всю войну эта ветхая постройка служила нам убежищем.

Выбежав 9 мая на крыльцо, я, взволнованный событиями, от радости и не заметил, что сарайчика нет. Он просто развалился, как будто тоже ждал этого дня, и счел свой долг перед нами выполненным.

А местечко ликовало! Все поздравляли друг друга. Мы уже были школьниками. В школе прошла торжественная линейка. Какие уроки?! Победа!

Вскоре стали возвращаться победители.

У дороги остановился полковой оркестр, и кавалерия прошагала торжественно и величественно.

Пехота возвращалась на машинах.

Мы бросали им цветы и провожали восторженными возгласами, солдаты бросали нам конфеты, шоколад, карандаши, ручки...

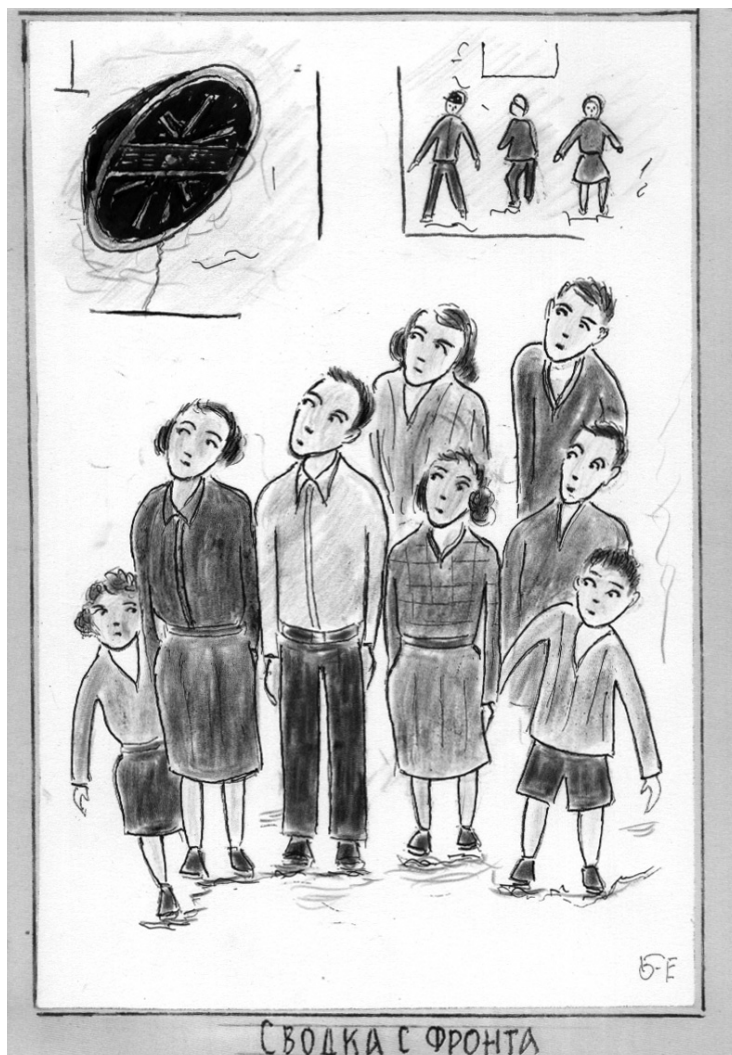

Рисунок Б. Исельсона

...Много событий, судеб прошло перед моими глазами за мою жизнь, но эти два дня: 19 марта 1944года – день освобождения гетто и 9 мая 1945 года навсегда останутся в моей памяти.

Казалось бы, зачем ворошить прошлое, зачем вспоминать весь этот ужас. Считаю, что это необходимо! Это дань памяти о расстрелянных и замученных. Мы клялись рассказать о них. Это призыв ко всем людям быть бдительными, беречь мир и делать все, чтобы это не повторилось! Это наш, живых свидетелей, гневный ответ отрицателям Холокоста!

Яков Хелмер

Родился в 1935 году в местечке Джурин Винницкой области. Закончил Винницкий педагогический институт. Работал учителем математики в школах Джурина и Джуринского района. С 1969 по 1999год работал в средней школе №2 города Кузнецка Пензенской области – два года в должности учителя математики и 28 лет в должности заместителя директора школы. Награжден значком «Отличник народного просвещения» РСФСР» и значком «Отличник просвещения СССР». В 1999 году репатриировался в Израиль. Живет в Ашдоде.

МАРА ЧЕРНЯВСКАЯ

«КРОВАВАЯ НОЧЬ» В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ

Мне шесть лет. Папин завод эвакуируется в Нижний Тагил. Мы едем в теплушках, битком набитых людьми и оборудованием.

В Нижний Тагил прибыли ночью. Запомнилось, что с поезда буквально «сбрасывали» людей, как при бомбежке, – быстро, чтобы освободить состав: кто во что одет, кто с чем из пожитков. Погрузили на машины и привезли в рабочий поселок. Селились по несколько семей в одну комнату.

Помню, что наша хозяйка бросила тряпки в одной просторной комнате прямо на пол. Матрасов или кроватей, естественно, не было. Эти тряпки должны были стать для нас постелью. Дети плачут, все устали и голодны.

Наконец, все улеглись, провалились от усталости в тяжелый сон.

А ночью началось! Бросает в дрожь от воспоминаний!

Тело охвачено страшным зудом. Дети кричат. Все вокруг ворочаются, чешутся, впиваясь ногтями в тело. О сне не может быть и речи!

Когда настало утро, обнаружилось, что мы все в крови. Тряпки, брошенные на пол, кишели клопами!

Взрослые принялись за работу. Все тряпье было немедленно вынесено на улицу. А клопов подметали и полными совками выбрасывали в огонь. До сих пор я вижу перед глазами эту черную движущуюся в совке массу.

Рисунок Б. Исельсона

ПРАЗДНИЧНЫЙ КОМПОТ

Мама вскоре устроилась на завод табельщицей. Она приносила нам свой паек. Помню до сих пор вкус тех «украинских пельменей». Мама давала нам еду, а сама уходила в угол. Она часто смотрелась в зеркало.

– Бабушка, что мама ищет в зеркале, – спрашивала я.

– Она боится, что опухнет от голода, – отвечала бабушка.

Мне же мама казалась женщиной полной, и понять, как «пухнут от голода», я не могла.

Однажды мама решила сделать нам подарок к празднику. Она копила деньги, чтобы купить сухофрукты. Бабушке было поручено сварить компот. Мы все предвкушали это ароматное и вкусное угощение. Мама мечтала порадовать нас этим деликатесом.

Бабушка промыла фрукты, поставила кастрюлю с водой. Мама пришла и отправилась на кухню, чтобы снять «праздничную пробу».

Однако, вместо радости её ожидали разочарование, боль и отчаяние. Компот оказался невозможно... соленым! Бабушка ошиблась, добавив в него вместо сахара соль.

Вся кастрюля отправилась в помойку. А мама, обхватив голову руками, сидела и плакала.

Мара Чернявская

После войны закончила институт и получила специальность инженер-экономист. 35 лет проработала на одном предприятии. Прошла путь от мастера на производстве – до начальника планового отдела. Репатриировалась в Израиль в 1992 году. Дочь с семьей тоже живет в Ашдоде.

ИОСИФ ШАМИЛОВ**«Я ВЫЖИЛ В МИРЕ ЧУДЕС...»**

Я знал, когда должен был погибнуть. Время было объявлено – 4 января в пять часов утра. Меня должны были увезти вместе с оставшимися в живых членами еврейской общины Нальчика в газовых машинах типа «пикап». Выхлопные газы входили из трубы прямо в кузов, так что люди, находившиеся в нем, умирали в дороге мучительной смертью...

А в три часа ночи немецкие войска спешно покинули город Нальчик. Так что 3 часа ночи 4 января 1943 года стал часом освобождения еврейской общины города, в котором компактно проживали в гетто около 3.000 евреев. Меня, двенадцатилетнего мальчишку, тоже спасли от гибели эти два часа...

«Добрые» фашистские солдаты и их приспешники – полицаи избивали меня, мальчишку, ежедневно. Я поднимал дрова на этажи. У меня выпало из рук полено, которое я не мог поднять. Полицай ударом кнута сбил меня с ног, и я упал на землю. Он бил меня ногами, пока я не потерял сознание. Когда я пришел в себя, меня подняли и нагрузили еще больше дров.

На мне были кожа да кости. Чтобы не умереть, я на базаре собирал веничком в жестянку кукурузную муку. Подогревал вместе с грязью и кушал эту жижу.

Партизан дал мне задание – пройти за границей еврейского гетто и запомнить полицаев в лицо. Он сказал мне:

– Вас скоро расстреляют. Постарайся остаться в живых, мальчик, чтобы был свидетель, хотя бы один, который мог бы рассказать о злодеяниях фашистов...

Кроме того, мне нужно было покрутиться у здания ратуши, где собирали девушек, угоняемых в Германию. Их было много, не менее чем на два вагона, нужно было посчитать их количество.

И вот я благополучно пересек эту адскую черту – улица Кабардинская. Иду на задание. Вдруг меня хватают за руку. Это была женщина с наколкой «Маша» на руке.

– Хороший улов у меня! – радостно заявила она.

За голову жиденка она получила бы премию в 250 марок.

Мимо проходила женщина, увидевшая эту сцену. Она вырвала мою руку из рук этой «Маши» и начала меня отчитывать:

– Паразит! Где же ты шатаешься целый день? А я тебя ищу!

Она потащила меня по улице за собой. Грузинка, спасшая мне тогда жизнь, предупредила, что в городе облава – ищут партизан. Пришлось, поблагодарив её, возвращаться в гетто.

При очередной облаве в городе немецкий офицер остановил нас и стал узнавать, какой мы нации. Я показал на гору Эльбрус и сказал, что мы горские таты.

Тут подбежал полицейай и заорал:

– Ты– еврей, жидяра!

Он ударил меня дубинкой в бок, где селезенка. Я потерял сознание. Очнулся от того, что меня волокут в машину. Мужчина, из задержанных, хотел спасти меня и на повороте помог выскочить из кузова. Я покатился под откос, сильно ушибся, но встал и побежал... Слышу за спиной выстрелы. Пуля пролетела над головой. Опять упал. Тут подбежал немец и пожарным багром зацепил меня, поволок и опять бросил в машину.

Меня и еще одну женщину – Мирион Матетову– привезли в село Урвань, километрах в двадцати от Нальчика, и оставили грузить свеклу и капусту. Остальных задержанных повезли дальше на сбор и прессовку сена.

Погода была холодная. Я был босиком, рваные штаны, стеганка. Шапки не было. Немцы пили и ели. Мы воспользовались случаем, чтобы бежать. Во дворе я увидел старуху.

– Вы журт (еврей)? – спросила она.

Я ответил, что мы евреи, попались на облаве.

Она вынесла нам кукурузные чуреки, дала воды и сказала: «Бегите, иначе вас убьют.»

Нас, обессиленных, быстро догнали, избili до полусмерти и отправили на заготовку бревен.

Этот ад продолжался долго. Земля была мерзлой. Бревна тяжелые. Кормили вареной капустой и кормовой свеклой с белыми червями. Меня тошнило, и полицейай вылил мне в наказание на голову это варево.

Я знал: закончим работу, нас убьют. Хотелось любой ценой остаться в живых! Решили опять бежать.

Среди работы кинулись в лес. За спиной были слышны автоматные очереди, но погони не было.

Искали партизан, но не нашли. Вышли на потухший костер. Мирион разгребла теплый еще пепел и заставила греть недействующие от холода ноги. Позже разгребли песок, камни и нашли воду – мутную, желтую, с неприятным запахом. Но и этому мы были рады, ведь несколько дней не пили. Место это называется Желтая Крюча.

Оставаться в лесу было опасно. Было ужасно холодно, так что мы решили возвращаться в город. Вышли к аулу, постучали в крайний дом. Появилась старуха и очень испугалась, узнав, что мы евреи. Побледнела, но пригласила зайти во двор. Старик её осмотрел мои ноги. Треснувшие, опухшие и кровоточащие пятки. Он намочил старые чувяки (мягкая обувь, сшитая из шкуры животного), еще больше смягчив их, и надел мне на ноги. Накормили нас кукурузной кашей. Я получил войлочную шапку, а напарница – теплый шерстя-

ной платок. Двое пожилых людей – муж и жена – спасли нас от смерти. Мы выжили и в этот раз.

Еще один эпизод.

Нас погрузили в машину «летучку». Выхлопные газы в ней попадали прямо в кузов, убивая людей. Бесплатно и очень эффективно! Мертвых выгружали пожарными баграми – длинными палками с большим крюком на конце.

Едем. Слышен шум реки Нальчик. Вдруг машина останавливается. Застрали.

Немцы открыли двери и вытолкали всех наружу. Стоим в воде, она ледяная. Я поскользнулся и упал ребром на камни. Лежу в холодной воде, корчась от боли и страха. Не заметили! Слышу, как отъехала машина. Решил, что меня забыли, встал и побежал.

Но я ошибся. Пока бежал к спуску – там была мусорная куча – они дали по мне две автоматных очереди. Пули пошли вверх и влево. Я поскользнулся, упал и покатился с откоса. При падении до кости разодрал левую ногу и левую ладонь.

Немцы подумали, что наверняка подстрелили меня. Я лежал в холоде до утра, потеряв много крови. Как-то добрался домой. Там мои раны обработали керосином и забинтовали тряпками...

Говорят, что чудес не бывает. Я был в мире чудес, оставаясь живым в любых условиях, хотя и от ран, и от холода мог умереть. Как может выжить человек в такой ситуации? Его топят, бьют дубинкой, кнутом, сапогами, морят голодом, стреляют, сажают в газовую машину, а этому человеку всего двенадцать лет...

Я все время повторял: «Бог мой, я хочу жить!» – и он шел мне навстречу...

Иосиф Шамилов

Родился в Нальчике 30 мая 1931 года. В 1943 году попал в гетто. Из 150 узников нальчикского гетто, находившихся вместе с ним, он единственный остался в живых. После войны окончил строительный техникум и 46 лет проработал бригадиром строителей. Награжден Орденом за доблестный труд и за помощь подполью. В 2001 году вместе с семьей репатриировался в Израиль. Живет в г. Сдерот. Активно участвует в работе клуба ветеранов войны и узников гетто. Дед 5 внуков.

СОФЬЯ ШАМИС

ХЛЕБНОЕ ЛАКОМСТВО

Мне семь лет. Наша семья в эвакуации в Узбекистане. Живем в кибитке – в одной комнате около 18-20 человек, все – родственники отца.

Двоюродный брат – одиннадцатилетний Яков – оставался заглавного, когда все взрослые расходились в поисках работы и пропитания. Он верховодил нашей разновозрастной командой из десяти детей.

В кибитке стоял шкафчик с разделочной выдвижной доской. На доске этой резали хлеб. Крошки собирались в поддоне под доской. Туда же попадали крупы соли и сахара. Все эти остатки никогда не выбрасывались, может быть даже, покрывались плесенью. Но раз в несколько дней Яков собирал всех детей, торжественно усаживал за стол.

Он высыпал из поддона образовавшуюся смесь, катал из нее шарики и делил каждого из нас. Мы зорко следили за тем, чтобы шарик одного не был больше, чем у остальных. Иногда в шарики попадали крупинки сахара или соли!

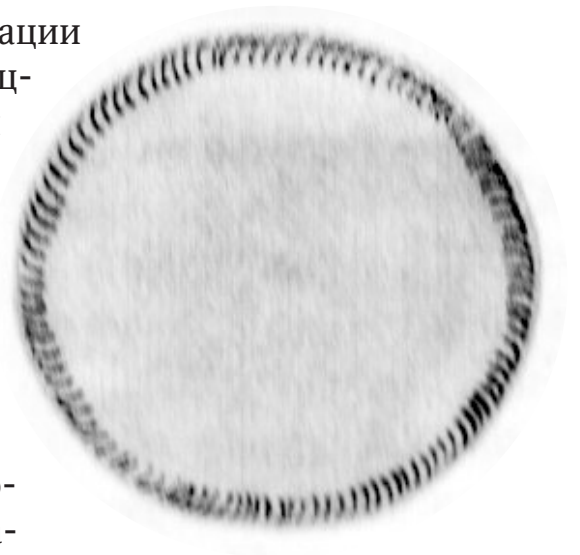
Софья Шамис

Родилась 27 мая 1934 года в Тирасполе. Закончила Тираспольский педагогический институт, филолог. Тридцать лет проработала в школе. Два сына и пять внуков.

ЕФИМ ШАПИРО

ЧУДОМ ВЫЖИВШИЕ

Ефим вспоминает, что задолго до оккупации Минска, город был переполнен немецкими шпионами и диверсантами: один продавал селедку и таким образом общался с населением, другой – в форме офицера Красной Армии – интересовался размещением военных объектов. Их, конечно, вылавливали, но этого было недостаточно. 25 июня, когда стало известно, что республиканское и городское руководство, включая первого секретаря ЦК ВКП(б) Пономаренко, бежало из Минска, началась паника и массовое бегство населения. Но уже 27 июня Минск был окружен, и бегство из города оказалось невозможным. А 28 июня в Минск вошли немцы.

**Латка – клеймо для евреев
в гетто**

В городе оставалось 55.000 евреев. 7 июля был опубликован приказ военного коменданта, который гласил, что каждый еврей в возрасте от 10 лет и старше обязан носить белую повязку на правом рукаве или прикрепить на одежду желтую заплату диаметром 10 см. А 13 июля вышел второй приказ – о создании «юденрата» (органа самоуправления). При «юденрате» была создана еврейская полиция, которая насчитывала 200 человек. «Юденрату» было приказано провести регистрацию еврейского населения. Были введены принудительные работы и сформированы рабочие бригады.

20 июля был опубликован приказ о создании гетто. Оно было расположено в центральной части города и включало 40 улиц и 273 жилых зданий. Гетто было отключено от городского водопровода и не снабжалось электроэнергией. Оно было обнесено колючей проволокой и имело два выхода, которые охранялись белорусскими и еврейскими полицейскими. Первоначально в гетто находились около 55 тысяч евреев, а затем количество стало увеличиваться за счет тех, кто не успел эвакуироваться. Кроме того, немцы ввезли в Минское гетто около 25 тысяч евреев из Рейха (из Германии и из аннексированных территорий). Таким образом, через Минское гетто прошли 100 – 105 тысяч евреев, из которых погибло около 50 тысяч.

В 1941-1943 гг немцы широко использовали труд евреев. Каждое утро тысячи людей собирались у «юденрата», и их развозили на работу вне гетто. Ра-

боты были разные: от конторской службы и ремесленной работы до уборки улиц, погрузки– разгрузки вагонов.

В августе в гетто была проведена серия облав, которые заканчивались расстрелами. Погибло около 5-ти тысяч. А 7 ноября прошла большая кровавая акция по уничтожению евреев. Пятнадцатилетний Фимка – пончик (так почему-то его называли в партизанском отряде) рассказал, что его отец, как специалист, работал вне гетто. Их каждый день водили туда на работу. Накануне, вечером 6 ноября, рабочие не вернулись в гетто. Начальник колонны знал, что готовится погром, и оставил их ночевать на рабочем месте.

Мама, две сестры и я – вспоминает Фима – ушли к родственникам, на другую улицу. Мы считали, что, во– первых, будем все вместе в трудную минуту, а во– вторых, там двор закрывался железными воротами – как будто бы для немцев это была преграда. Мы сидели одетыми, вслушиваясь в каждый шорох. Я и не заметил, как уснул. Сквозь сон услышал выстрелы. Мы выбежали на улицу, и мама меня, полусонного, успела толкнуть в мусорный ящик, который находился между сараями, и накрыла крышкой. Лежу, прижавшись к стенке ящика. Фашисты уже во дворе кричат и стреляют. Вдруг сзади, за спиной, отодвигается доска и чьи– то руки втаскивают меня в «малину». Она была устроена под полом между сараями. Там находилось около 20 человек. Уже слышно было, как в сарай вошли немцы и стреляют по стенам и в потолок. Мы замерли и лежали весь день и всю ночь.

«Малины» — это тайные места в доме, которые строили, чтобы спрятаться и спастись. Строили двойные стены, подвалы, замысловатые шкафы.

Далее Ефим вспоминает, что 8 ноября, когда все стихло, он попросился выйти в «разведку. Он хотел узнать о судьбе матери и сестер. Ему разрешили, но поучали, как вести себя, если поймают; опасались, чтобы не выдал. Он поднялся на второй этаж, где они жили, и его охватил страх: в квартире никого не оказалось, все перевернуто, поломано, подушки разорваны, все в перьях. Это означало, что всех увезли убивать. В отчаянье, он выбежал во двор и попал в руки полиция. Полицай стал допытываться, откуда он появился. Он объяснил ему, что пришел с другой улицы, где погрома не было. Полицай хлестнул его дубинкой и велел сказать всем, кто прятался, чтобы вышли и шли в «юденрат». Когда полицай ушел, он незаметно снова залез в «малину» и сообщил все новости.

Позже стало известно, что немцы приготовили страшную провокацию. Всех евреев, которых они вывезли из гетто, построили в колонны, раздали лозунги, транспаранты, красные флаги, призывающие к борьбе с немецкими оккупантами, имитируя ноябрьскую демонстрацию. По пути все снимали кинокамерами. На площади колонну встретили пулеметным огнем, а затем добивали живых. В тот день было убито 12 тысяч евреев. Затем Ефим

дождался отца, все рассказал ему, они обнялись, помянули родных. С тех пор отец брал его с собой на работу, и они не разлучались.

Папа меня в гетто больше не оставлял, а брал меня с собой на работу. Я, конечно, не работал, а ходил по зоне. Но как-то в один из дней убежало двое военнопленных, которые тоже там работали. Помощник шефа (я его хорошо запомнил) – высокий, рыжий, неприятный – обвинил меня в том, что якобы я помог им убежать. Он решил меня повесить. Под конвоем двух немцев повели меня на казнь к воротам. В зоне работал еще один еврей, а его сын, увидев, что меня под конвоем ведут казнить, побежал и предупредил моего отца. Отец побежал к шефу и стал просить его, чтобы он спас меня. Шеф с отцом пошли к воротам. Я

Ефим Шапиро.
Послевоенное фото

уже стоял на табуретке, но петлю накинуть на шею солдаты не успели. Шеф отправил солдат, а своего помощника подозвал и стал ему что-то говорить. Отец мне сказал, чтобы я бежал в гетто. Я спрыгнул с табуретки и убежал. Вечером, придя с работы, отец сказал, что мы больше на заводе работать не будем, а будем работать в гараже военно-воздушных сил. Там меня отец от себя не отпускал, и я работал вместе с ним.

Мы делали на кухне плиту, и нам понадобился железный уголок. Нашли уголок, но он был большой. В гараже работал немец, мы попросили его отрезать нам нужный размер. Он сказал, что ему некогда и предложил нам самим отрезать автогеном. Отец стал резать, а я держал уголок. В это время искра попала в бензин, и загорелся гараж. Нас сразу схватили и завели в кабинет к эсесовцу, обвинив в поджоге гаража. И вдруг открывается дверь и входит тот немец, который находился в гараже. Он сказал офицеру, что мы не виноваты, что он сам резал уголок, а старик держал, – нас отпустили. Через некоторое время этот немец (я не запомнил его имени) к нам подошел и тихонько шепнул отцу, что нужно уходить к партизанам.

Итак, в мае 1943 года, ранним утром, около 30 человек, осторожно раздвинув колючую проволоку, вылезли и двинулись вперед. За вторым кирпичным заводом, возле глиняных карьеров, они остановились в ожидании проводника. Его почему-то не оказалось. Они рискнули пойти дальше без проводника. Передвигаться решили по двое.

Далее Ефим вспоминает:

Немного не дойдя до ближайшей деревни, натолкнулись на немцев. На окрик «Хальт» мой напарник остановился, а я побежал. Эта задержка стоила ему жизни, он был убит наповал. А я успел забежать в сарай и спрятаться в соломе. Затем я подполз к самой стенке и в щель увидел, как немцы подбежали к нему, ткнули сапогом, убедившись, что он мертв, и побежали за остальными. Что было дальше, не знаю: лежал ни жив, ни мертв.

Когда все стихло, в сарай зашел хозяин с ведром. Увидев меня, сел рядом, спросил кто я. и я ему признался, что сбежал из гетто, иду в направлении Старого Села, дороги не знаю. Он сказал, что занесет ведро и проводит меня. Передвигаться придется следующим образом: я иду за ним на таком расстоянии, чтобы видеть его голову. Я пошел за ним, боясь потеряться и наткнуться на немцев. Навстречу мне шли две девочки, которых я знал по гетто, – это они должны были нас встретить. Девочки удивились, почему я один. Я все им рассказал и показал на мужчину, который ведет меня. Они на песке нарисовали мой дальнейший маршрут и предупредили меня, что если он поведет меня по этой схеме, то идти за ним, а если он изменит маршрут, то передвигаться самостоятельно. Привел меня этот добрый человек в деревню Птичь, а дальше за этой деревней – Старое Село. Тут уже можно было не бояться – это уже Партизанский край. Через 4 дня я попал в 106 отряд Зорина.

Литературная запись – Яков Хелмер

Ефим Шапиро

Родился в Минске в 1926 году, в рабочей семье. До 1937 года закончил 4 класса в еврейской школе, затем учился в русской школе до 1941 года.

СОФИЯ ШЕГЕЛЬМАН**НАРЦИССЫ**

1944 год, война уже на излете. Наш госпиталь после долгих прифронтовых скитаний оказался в Одессе – так привели дороги войны. Мы снимаем комнату у старой румынки. Классический одесский дом: деревянная галерея по внутреннему периметру, с нее двери ко всем квартирам. У нашей хозяйки две комнатки. Она в проходной, мы втроем – мама, сестра и я – вдальней. Между комнатами застекленная дверь. Когда мама и сестра на дежурстве, я остаюсь одна. Немного страшно, потому что еще бомбят, и тогда дом, а он совсем рядом с вокзалом (главным объектом бомбардировщиков) ходуном ходит. Но в ту ночь как раз не бомбили, и проснувшись я от голосов. За дверью у хозяйки лампа керосиновая горит – это при ее, как бы сказать помягче, экономности. А за столом сидит солдат – вы не поверите(!) – в немецкой форме. Перед ним большая тарелка, полная бутербродов. Он торопливо ест и что-то рассказывает, только ни слова не понять. Честно говоря, я со страху сползла под кровать, затаилась там, да так и уснула. Утром меня сестра обнаружила, отругала за трусость, но про немца поверила. Немец оказался румыном, хозяйкиным зятем, мужем внучки. Он просто устал воевать и прятался в подвале, а ночью выходил на волю. Как с ним обошлись потом, не помню.

Осенью приходит весть, что госпиталь перебазировать в Румынию. Но без нас. Все из-за меня: с детьми не берут. Поди объясни им, что я уже вполне взрослый человек, даже читать немножко умею; и раненые со мной любят поговорить, расспрашивают о старшей сестре или просят песенку спеть; а хлеб, или даже сахар, я у них брать отказываюсь, – мама сказала, им самим надо, чтоб выздоравливали скорей. Нет, нельзя с детьми, и все. Потому все едут в Румынию, а мы – в Киев. Там наш дом и там бабушка с дедушкой, папины родители.

Руины нашего дома чернеют над грязным снегом, и кажется, что они еще дымятся, как дымились развалины домов на всех наших военных дорогах. Жить негде: бабушка с дедушкой живут у своей дочери, моей тети. Она, вернувшись из эвакуации, получила для себя, родителей и сына-инвалида крохотные две комнатки в коммунальной квартире ведомственного дома. Нас там не пропишут, а и прописали бы – как разместиться? Никто ведь не спит стоя.

Уезжаем в город с очень лирическим названием – Нежин. Из него в начале войны наш госпиталь начал свой путь на грузовиках, крытых брезентом. Здесь работал мой отец, и здесь наше жилье осталось цело.

Цело-то оно цело, но занято, – там живут какие-то люди со странной фамилией – Польские Патриоты. Много лет спустя, уже почти взрослой, я узнала, что так называли польских евреев, которые ехали в Палестину, то есть,

практически, как мы с вами позже в Израиль. Наверное, живут где-нибудь по соседству, только я имен не помню. И пока они не уехали, мы снимали угол (кто теперь знает, что значит снимать угол?) у одного довольно сурового и сварливого старика. Печку топить хозяин не разрешал – пожара боялся. Зато уже не бомбили. Да и весна пришла, потеплело. В этом самом углу у нас была раскладушка, называлась дачка, на ней мы с мамой вдвоем спали. Был еще то ли большой деревянный чемодан, то ли маленький сундучок, – на нем уму-дрялась уместиться моя сестра, к тому времени уже студентка техникума, а внутри помещалось все наше имущество – одежда, белье, посуда, книги, чернильница... Еще была табуретка – на ней делили хлеб, ели, писали письма. По вечерам зажигали коптилку – пузырек с керосином и шнуром-фитильком из горлышка, учили уроки, гладили угольным утюгом одежду и много еще чего делали.

А над всем этим великолепием возвышалась черная бумажная тарелка – радио. Оттуда притекали все новости. И та главная новость, о которой я и хочу рассказать здесь.

Быть того не может, чтоб я раньше не видела никаких цветов: видела же арбузы на бахче, ежевику на кустах, паслен при дороге – главное наше дворовое лакомство – значит, и цветы видела. Но не помню. В этот день мама встала раньше обычного, послушала тихонько радио и ушла из дому. Вернулась она очень скоро, шумно распахнула дверь.

– Девочки мои, вставайте, война кончилась, победа!

Мама толкнула обе створки окна, размашистым жестом смела все с табуретки и водрузила на нее... консервную банку с холодной водой. Воду тогда брали из колонки или дождевую – из большой бочки, что рядом с крыльцом. И в эту блестящую жестяную банку мама поставила пять нарциссов – белые лепестки и золотистый венчик в центре.

Это первые цветы, какие я запомнила в своей жизни. Символ победы.

София Шегельман

Родилась в Киеве в 1937 г., дороги войны прошла вместе с военным госпиталем, где служили мать и сестра. Росла, училась, работала, создала семью в Литве. В Израиле с 1989 г., работала в редакциях газет «Наша страна» и «Новости недели». Живет в Ашдоде.

БОРИС ШНАЙДЕР

ВНИЗ ПО РЕКЕ

Октябрь 1942 года. Нас на барже переправили из Баку через Каспий в Туркмению, в район Красноводска. Оттуда – в Каракалпакию. По Амударье на самоходной – то есть плывущей по течению реки барже – мы отправились в дальнейший путь.

На барже нас было не менее 350 человек – женщины и дети. Мне было двенадцать в ту пору.

Хлеба дали на три дня. Такая была норма. И тут началась человеческая трагедия. Сплав на барже без мотора длился три недели. Три недели ежедневных смертей от голода и холода.

Моего восьмимесячного братишку спасла бабушка Рива. Я от голода спал в беспамятстве на железной палубе от зари и до заката. Она же днем и ночью согревала своим дыханием и теплом маленького Семена.

За несколько дней до окончания сплава к нашей барже прицепили ночью еще одну – с зерном и луком. Об этом наутро мне рассказала бабушка Рива.

Я решил дотащиться до баржи с зерном. Но мои парализованные от холода и голода ноги не держали меня. Ползу на локтях, таща вес тела на руках. Дополз до борта, вижу, что до борта второй баржи – расстояние около тридцати сантиметров. Вцепился руками в борт и как-то исхитрился перебросить свое тело. Упал на зерно.

Первым делом, я с жадностью принялся его жевать. Потом веревками подхватил штаны и засыпал в штанину пшеницу.

Вернулся на свою баржу и пополз к месту, где лежали моя мама, её сестра Хася, сестры Роза, Аня, Лида, братик Сема и бабушка. Мама расстелила на палубе завшивленную шаль, развязала веревки на моих штанах и высыпала пшеницу. Все начали жевать это зерно. Бабушка, разжевав пшеницу, достала кусок ткани, вложила в неё кашицу и свернула «соску» для братика. Семка жевал и сосал эту «соску» днем и ночью. Так она спасла ему жизнь.

Вся река по течению от Чарджоу до Ургенча усыпана безымянными могилами женщин и детей. Днем умирали, ночью – приставали к берегу и хоронили.

На барже я познакомился с парнишкой моих лет. Его звали Сашкой. Так как по ночам было очень холодно, а спать приходилось на железной палубе баржи, то мы прижимались друг к другу, пытаясь как-то согреться...

Однажды, когда солнце взошло, я открыл глаза и увидел, что Сашки нет рядом. Капитан подошел ко мне и сказал:

– Нет больше твоего друга. Он ночью умер. Мы причалили к берегу, и команда похоронила его и нескольких умерших за ночь женщин...

Да, это была настоящая «Баржа смерти». Из трехсот пятидесяти человек, вышедших в плавание, на землю сошли не более ста пятидесяти женщин и детей.

Меня забыли на барже. Когда я очнулся – вокруг никого. Ни людей, ни матросов, ни капитана. Я пополз к доске-трапу, но спуститься не могу – наклон слишком крут.

Через некоторое время вижу – поднимаются на палубу два туркмена. Подходят ко мне, складывают руки «сидением» и показывают, чтобы я «садился». Так спустили меня на землю. А там – мама встречает меня. Пока я был в беспомощности, она нашла местных жителей, привела их к барже.

Туркмены усадили меня на арбу – двухколесную повозку с большими колесами – и мы оставили пристань.

Борис Шнайдер

Закончил Одесский техникум связи. После войны 50 лет проработал инженером в органах связи Молдавии. Живет в Ашдоде.

МИХАИЛ ЭЛЬКИН

ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЗ СЕМЬИ

Прабабушка и прадедушка мои жили в Германии. Они погибли во время погрома в 1939 году. К началу войны мне было тринадцать. Беженцы, приезжавшие в Луганск до захвата города, рассказывали о зверствах фашистов. Дед был раввином и не верил, что немцы расстреливают евреев:

– У меня много друзей в Германии, не могут немцы нас преследовать!

Так что семья осталась в Луганске. Однажды я увидел, как полицейский ударил немолодую женщину, у которой были золотые коронки. Он вытащил из кармана плоскогубцы и «вживую» выдергивал эти коронки, после чего, схватив жертву за ноги, потащил сбрасывать в ров. Я с приятелем, которому было около пятнадцати лет, решили, что нужно уходить. Мы отправились туда, где немцы уже побывали, считая, что там безопаснее – расправа уже кончена, все улеглось... Залезли в вагон, через час слышим – закрыли дверь. Поехали. Остановились на какой-то станции. Оказалось, что приехали в Жмеринку.

Нас вытащили из вагонов полицейские в форме:

– Юде?! – и стукнули головой об столб. Моего приятеля отбросили в сторону, больше я его не видел...

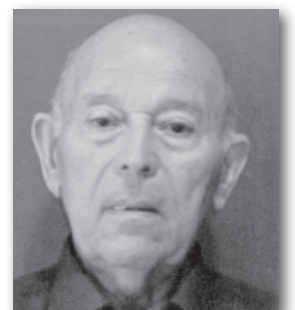
Так я попал в гетто. Здесь я работал в прачечной почти два года. В гетто правили румыны. Везло, когда отправляли в столовую перебирать мороженую картошку. Прятался в прачечной, чтобы полицаи не заметили. Там было теплее. Захочешь жить – всё будешь делать. В гетто были ребята и младше меня. Было не до игр – работа тяжелая. Горячий пар, воздух, в котором не было кислорода! Стирала обмундирование румынскими солдатам и полицейским. Наказывали, били, порой заставляли работать по двадцать часов. Уже в Израиле, в Ашдоде, встретился с Ароном Молотковским, с которым вместе был в Жмеринском гетто.

В 1944 году гетто освободили советские войска. Я вернулся в Луганск, узнал, что дедушка-раввин с семьей был расстрелян. Вместе с ним погибли мои папа и мама. Дом был полуразрушен после обстрелов, «расташен по кирпичам».

Остался я абсолютно один из всей семьи!

Михаил Элькин

Родился 24 марта 1928 года в Горловке Донецкой области. 55 лет проработал в Луганске водителем автобуса на междугородних рейсах. В 1999 репатриировался в Израиль.

ГАРРИ ЯКОБСОН**КАК Я ОКАЗАЛСЯ В ДЕТСКОМ ДОМЕ**

Когда 22 июня началась война, мне было двенадцать, а брату – шестнадцать лет. Жили мы в Риге. Через несколько дней родители решили бежать из города.

Пешком шли очень долго. Двигались в толпе беженцев под обстрелами. Было много убитых. Рядом с нами шли машины с военными.

Папа тогда сказал маме:

– Нужно спасать детей!

Нас буквально вбросили в какую-то машину с солдатами, которая довезла нас до Пскова. Борта грузовика были защищены толстыми листами железа, что нас, скорее всего, и спасло. Но мы с братом остались абсолютно одни.

Попали в детский дом. Русского языка я не знал. Говорил только на идиш и латышском. Нас считали иностранцами, так что пришлось пережить немало издевательств.

Затем был детский приемник в Чебоксарах. Там отбирали детей в детский дом в городе Ядрин. Дошкольного и младшего школьного возраста. Так что нас с братом все же разлучили.

Об этом детском доме у меня остались очень теплые воспоминания. Воспитательница, тетя Валя, постоянно писала письма – искала наши семьи. Завхоз, дядя Коля, очень нам всем помогал...

Мама нашла меня только в 1944 году, еще через два года нашелся и брат.

Гарри Якобсон

Родился 14 апреля 1929 года. После войны закончил на Урале ремесленное училище. Работал в Риге на заводе «ВЭФ». Прошел путь от электрослесаря до начальника производства объединения. Лауреат Государственной премии Латвии (1967), Премии Совета Министров Латвии. Кавалер Ордена Трудового Красного знамени и медали «За доблестный труд». Репатриировался в 1990 году. Живет в Ашдоде, продолжает работать. У него две дочери и три внука.

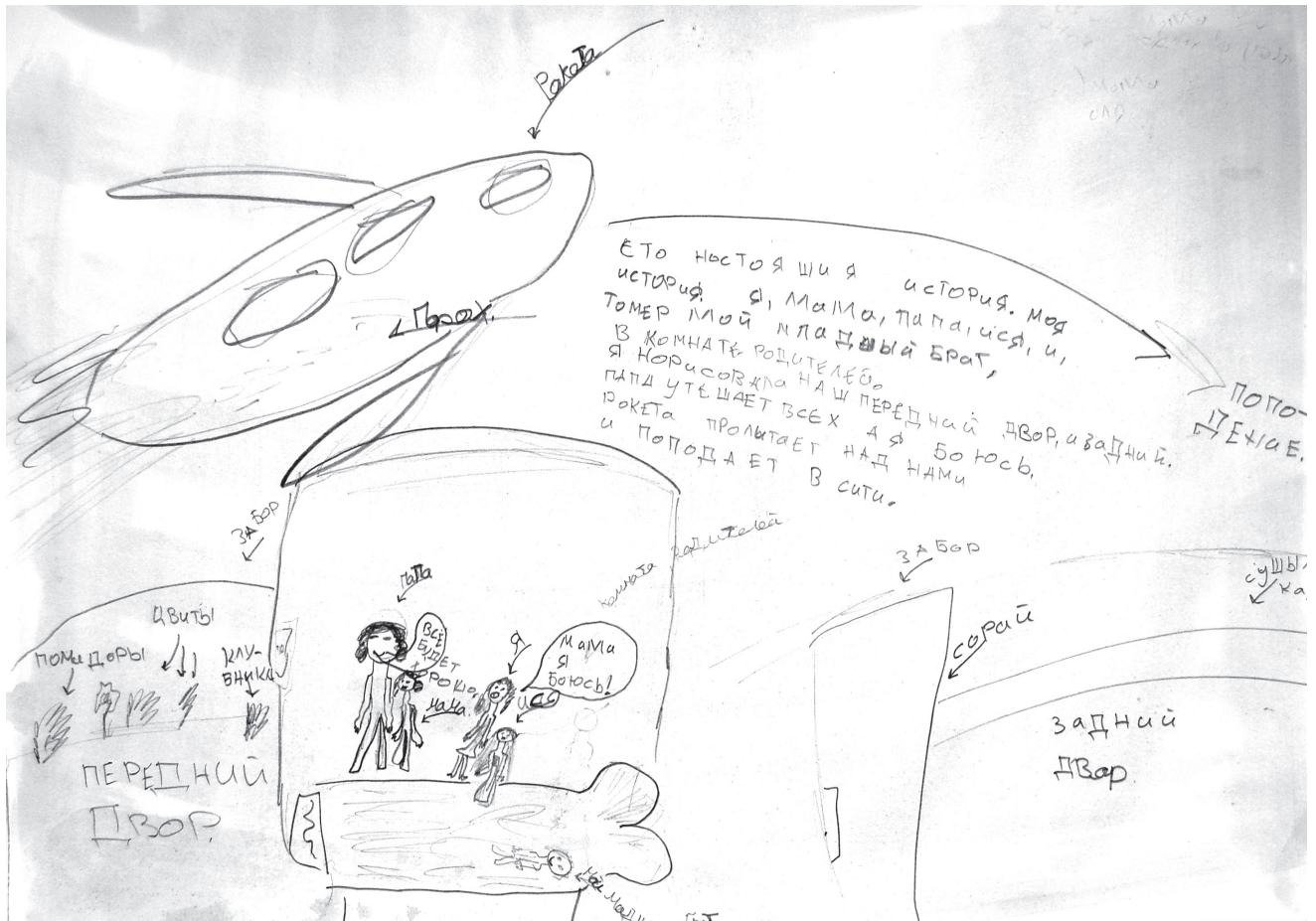

Рисунок Даниэлы. Ашдод, Израиль, весна 2012 года.

ДАНИЭЛА КОРЕНЬКОВА

Это – настоящая история. Я, мама, папа, Ися (младшая сестричка Даниэлы – ред.) и Томер – мой младший брат (находились) в комнате родителей. Вообще-то, когда есть обстрелы мы, как правило, сидим в моей и Исиной комнате, там безопаснее всего.

Я нарисовала наш передний двор, задний двор, сарай, сушилку, цветы, помидоры, клубнику... Папа утешает всех, а я боюсь. Ракета пролетает над нами и попадает в Сити (район Ашдода – ред.).

Даниэла Коренькова, 11 лет, Ашдод

Я родилась в Израиле, в городе Бней-Брак, а живу в Ашдоде. У нас семья из пятерых человек: Костя – папа, Ольга – мама, Ирис – сестричка и Томер – мой маленький брат. У меня есть хорошая подружка – Тамара. Я очень люблю рисовать и лепить, люблю выращивать цветы, потому что наша квартира – с двориком. И у меня есть котенок Джек.

УЧАСТНИКИ СБОРНИКА «ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО ВОЙНЫ»

Светлана Аксенова-Штейнград

Поэт, переводчик, журналист. Закончила филологический факультет Казахского Государственного университета.

В январе 1980 г. переехала в Москву, работала в журнале «Литературное обозрение».

Репатриировалась в Израиль 29 мая 1991 года.

В Израиле работала корреспондентом газеты «Новости недели», затем была приглашена в Управление абсорбции Хайфы, координатором культурных программ Джойнта в Белоруссии и России. Стихи, эссе, статьи, очерки, рецензии неоднократно публиковались в международных и российских газетах, журналах и альманахах. Стихи переводились на белорусский, немецкий, иврит.

Борис Исельсон

Родился в Харькове в 1923 году. Закончил Харьковский политехнический институт. Работал инженерном-конструктором на Харьковском станкостроительном заводе. Репатриировался в Израиль в марте 1992 года. В первые же годы репатриации начал рисовать. Участник многих персональных и тематических выставок в Израиле и за рубежом (США). Живет в Ашдоде.

Мария Лакман

Журналист, бард. Родилась в городе Свердловске – Екатеринбурге. Закончила факультет журналистики Уральского госуниверситета имени Горького, где, кроме журналистского, получила, наверное, музыкальное образование, поскольку репетиции университетского ансамбля политической песни

«Аванте» были многочасовыми и порой ежедневными. С тех пор – участник и лауреат многих фестивалей авторской песни, активист бардовского движения. После окончания университета работала в редакции газет, отделе культуры, пару лет – книжном издательстве.

После репатриации в Израиль – газета «Рандеву» (приложение к «Новостям недели»), четыре года в Фонде режиссера Стивена Спилберга «Пережившие Шоа», плюс сотрудничество в газете «Новостях недели» и журнале «Силуэт». С 2004 года живет с семьей в Оттаве. Лауреат канадской Премии им. О. Бешенковской в номинации «Публицистика».